

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

Г
1968

Приключения
и фантастика

Рассказы
бывалых людей

Занимательное
краеведение

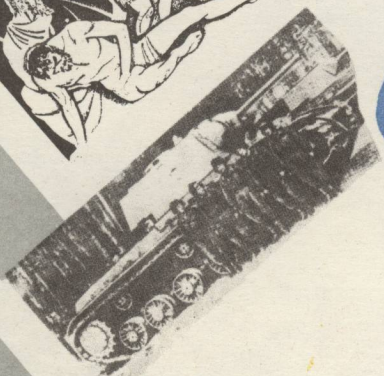
Следопытские
дела

Мечты
современников

Дает адреса
романтикам

О подвигах,
о доблести, о славе

6
1968
год издания
одиннадцатый

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

Анатолий СОБОЛЕВ

Рисунки Н. Мооса

Призраки прошли бесшумной чередой и сгинули в предрассветном тумане.

Харальд оцепенело смотрел им вслед. Долго и чутко вслушивался в сизую мглу, поглотившую безмолвные тени. Наконец он перевел дух, перекрестился непослушными пальцами и вытер со лба холодную испарину. Немцы или русские?

Осторожно, стараясь не хрустеть песком, зачем-то обошел вокруг дома. Обостренно прислушался к вязкой тишине.

Ни звука.

Будто наваждение было, пригрезилось.

Но еще улавливался запах оружейного масла, крепкого табака и мужского

пота, что оставили после себя привидения. Немецкий дозор или русские разведчики?

Постояв в нерешительности, Харальд все же отважился сходить на берег бухточки, где была укрыта моторная лодка. Вчера они с Альмой надежно закрепили ее, но к ночи собирался шторм и мог наделать беды. Харальд и вышел-то из дому на рассвете — проверить, что с лодкой. И тут эти духи.

Охватил озноб при воспоминании, как расплывчато возникали из белесой мглы жуткие тени и без единого звука — след в след — растворялись вновь. Харальд не может даже вспомнить сейчас: сколько их? Шестеро, пятеро?

Не дай бог, русские! Они уничтожат

любого свидетеля. Никто не должен видеть их. На то и разведка.

Харальд спускался к бухточке. В тумане он не различал тропинки, но шел уверенно, ибо знал здесь каждый поворот, каждый камень. Тропинку эту сам пробил за долгие годы рыбацкой жизни. По ней когда-то пробегала легкая на ногу Ингер, молодая и красивая. Ходила здесь и беременной, осторожно выбирая место, где ступить. Смешно ковылял на толстеньких ножках сын, позднее носился тут, сломя голову, мальчишкой, а потом легко и стремительно шагал стройным юношей. Теперь по этой тропинке ходят лишь Харальд и Альма. Да вот призраки прошли.

Харальд спустился к бухточке, подошел к лодке, смутно чернеющей в тумане. Лодка поскрипывала цепью, угадывалось, что цепь то натягивается, то опадает. Даже сюда, в эту защищенную со всех сторон высокими скалами бухточку, доходила волна. Море разыгралось не на шутку.

Харальд проверил замок на цепи, постоял, слушая отраженный скалами шум прибоя. Снова подумал о призраках. Как они попали сюда? С моря, берегом?

Вдруг он уловил посторонний звук. Прислушался. Нет, показалось. Только глухой гул моря. Но вот снова донесло тот же стук. Теперь Харальд понял — работал мотор. Мотор мощный, незнакомый. Таких нет у рыбаков на побережье. Харальд знал работу всех здешних моторов.

Немецкий дозорный катер или русский?

Харальд постоял, пока звук мотора совсем не растворился в шуме ветра и волн. Заторопился домой. Скоро утро, надо будить Альму, подогреть ей завтрак.

Проводив дочь на работу, Харальд вышел во двор наколоть чурок для камина.

Было еще рано. Ветер с моря разогнал туман. На сопке, где стоял дом Харальда, очистилось, и стало видно далеко вокруг.

Харальд посмотрел на фиорд, на редкие лодки рыбаков, на низкие слоистые облака и пошел к сараю, где хранился запас дров и лежали старые рыболовные снасти. Он обходил наершенные порыва-

ми ветра лужи и потемневшие от влаги, в серебристых наплывах лишайника, валуны, во множестве разбросанные по двору и по всей сопке. Харальд задел разлапистую ель, и она обрушила на него тяжелые росистые капли. Они попали за шиворот, знобко пробежали по спине мурашки, и от этого Харальд встряхнулся, почувствовал прилив бодрости, давно не посещавшей его. На душе стало легко, он глубоко вздохнул и посмотрел на мир совсем другими глазами и усмехнулся своим ночным страхам с этими привидениями.

Харальд подтащил коротко отпиленный сосновый чурбак к валуну с плоской вершиной, на котором он всегда колол дрова, и только собрался рубить, как увидел поднимающегося по тропинке Людвигсена.

Каждый раз при виде этой нескладной голенастой фигуры у Харальда теплело и сжималось сердце. Людвигсен, такой же белоголовый, длинный, по-мальчишески худой, как и Эдвард, приносил Харальду радость и печаль одновременно. После того, как на русском фронте погиб Эдвард, старый рыбак с некоторой неприязнью смотрел на всех живых парней, но Людвигсен был закадычным другом сына и Харальд всегда был рад его видеть.

— Здравствуйте, дядя Харальд! — Людвигсен вскинул руку и прищелкнул каблуками, как это делают немцы. Он поутреннему свежо улыбался и наивно хлопал пепельными ресницами.

— Здравствуй, здравствуй, — улыбнулся и Харальд, хотя ему не очень-то пришлось по душе фашистское приветствие.

— Давайте, я помогу, — предложил Людвигсен.

— Помоги, — согласился Харальд и отдал юноше топор.

Людвигсен рубил ловко и сильно, чурки разлетались по сторонам. Харальд любовался юношей. Он знал его с детства. Эдвард и Людвигсен вместе росли, вместе бегали встречать рыбаков, вместе учились в школе, вместе дрались, вместе и в армию призывались...

— Есть еще?

— Что? — не понял сразу Харальд.

— Есть еще чурбаки? — повторил Людвигсен, вытирая со лба пот здорово-го, хорошо поработавшего человека.

— Хватит, — остановил его Харальд.

— Я еще могу,— с хвастливой и озорной ноткой сказал Людвигсен, победно поглядывая вокруг. Он явно кого-то искал.

Возбужденное настроение юноши передалось старому рыбаку, и он снова улыбнулся Людвигсену, благодарный ему за его силу, ловкость и молодость. А Людвигсен все поглядывал по сторонам и, наконец, спросил:

— Альма дома?

Спросил и покраснел, отчего веснушки исчезли под румянцем, а тонкий прямой нос еще больше побелел. Нос у Людвигсена всегда резко выделялся на лице какой-то неживой бледностью.

— На работу ушла,— сказал Харальд и внутренне улыбнулся смущению юноши.

Людвигсен стал молча набирать в охапку дрова.

— Еще что-нибудь сделать? — спросил Людвигсен, когда они стаскали чурки к камину.

— Нет, все. Спасибо.

— Тогда я пошел, мне на дежурство надо.

Услышав о дежурстве, Харальд недовольно свел брови, на душе стало нехорошо и тягостно. Но он кивнул:

— Иди.

Долго смотрел в спину долговязому юноше, смотрел хмуро и задумчиво.

По ночам Харальд не спал. Длинные старческие ночи он коротал перед камином, вытянув к огню опухшие ноги в толстых вязаных носках. Ноги лежали на старой волчьей шкуре — когда-то в молодости он убил волка — и ныли тупой, не проходящей болью. Ноги — беда Харальда. Сам еще крепок и силен, несмотря на свои шесть десятков, а ноги отказывают. Рыбачья жизнь: вечное море, вечная сырость.

Выходить на лов в море теперь он не может, а в фиорде много ли добудешь. Был бы сын, помощник. Бедный Эдвард, бедный мальчик! Ему исполнилось бы теперь двадцать один. Проклятые русские, жестокие дикие волки! Убили мальчика! Такого красивого, такого молодого!..

Дрова в камине громко треснули, Харальд вздрогнул. На волчью шкуру выпали искры. Харальд, кряхтя от боли в пояснице, подобрал угольки, взглянул на дочь. Блики огня играли на ее лице. Спит

крепким сном. Умаялась. Приходит домой с красными от кипятка руками, с натруженными ногами: до городка, где работает она в немецком госпитале судомойкой, не близкий путь — четыре мили.

Бедная девочка, она с первого дня на земле — сирота. Ингер умерла от родов. Вспомнил Альму маленькой, как стояла она с Эдвардом на берегу и ждала его возвращения с рыбной ловли. Ей было четыре года, Эдварду — восемь. Когда Харальд уходил на путину, они хозяйничали дома одни. После смерти Ингер он больше не женился и детей никуда не отдавал. Сам вырастил...

Вдруг до сознания Харальда дошли какие-то посторонние звуки. Он насторожился: вроде, стреляют? Напряг слух. Да, стреляют. Опять расстрел? Немцы облюбовали неподалеку от дома Харальда поляну, где расправлялись с узниками концлагеря. В последнее время расстрелы участились. Альма говорит, что в городе идут облавы и аресты. Немцы что-то нервничают. Или партизан боятся, или русские собираются ударить на фронте,— ходят такие слухи.

Выстрелы то четко доносились, то звук их размазывался, глож. Нет, не похоже на расстрел с его размеренным, чисто немецким распорядком, когда очереди пулеметов слышны ровно через определенные промежутки. Да и расстреливают немцы днем, а не ночью. Это что-то другое. Это похоже на бой. Он то затухал, то разгорался. С кем? Может, опять партизаны напали на гарнизон, как два месяца назад, когда хотели освободить своих из тюрьмы? Может, с русскими? Вспомнились призраки, что прошли здесь неделю назад. Всю эту неделю Харальд чувствовал смутное беспокойство, он теперь уверен, что это были русские разведчики. И каждый раз, вспоминая, как безмолвно возникали тени из сырой мглы, чувствовал озноб. Спасибо тебе, господи, что не заметили его!..

Их было пятеро.

Они возвращались, выполнив задание, когда напоролись на засаду. Тишину ущелья внезапно разорвали гулкие автоматные очереди, и они упали за гранитные глыбы.

Осмотрелись.

Здорово влипли!

По бокам — гладкие скалы, впереди—

выход к фиорду, где должен ждать катер. Но на выходе — немцы. Позади, где ущелье начиналось и откуда они спустились вниз, — тоже немцы. Ловушка хлопнулась.

При первых же выстрелах Ваня, пригнувшись, как бегал в детстве с чужих огородов, кинулся, сам не зная куда, споткнулся, больно упал, как ящерица, юрко подполз к валу. Мимо уха просвистела пуля, щеку опалил ветерок, спину продрало морозом. Рядом гулко и тяжело ударил автомат. Ваня торопливо высунул из-за валуна свой автомат и нажал на спусковой крючок. Длинная слепая очередь ушла куда-то вперед. Ваня водил стволом справа налево. Сколько так бил, он не знал. Кончил только тогда, когда автомат захлебнулся и смолк. В наступившей тишине справа раздался неистовый шепот:

— Эй, Седельцев! Ты чего, спятил?

Ваня опомнился, едва разжал занемевший палец на спусковом крючке.

— Бьешь в белый свет, как в копеечку! — шептал старшина, которого за усы все звали «батей». Он лежал за гранитным камнем неподалеку от Вани. — По береги патроны!

Только теперь Ваня понял, что первую

и самую неожиданную атаку они отбили. Стояла та оглушающая своей внезапностью тишина, которая наступает сразу же после боя и когда ждешь, что вот-вот распорют воздух очереди вражеских автоматов.

Ваня впервые в жизни попал под огонь, и теперь, когда стрельба прекратилась, когда схлынул первый приступ острого страха, он будто вынырнул из ледяной воды и, взхлеб глотнув воздуха, с обалделой радостью завертел головой. Мысль о том, что он жив, не убит, обожгла сердце, и он задохнулся от прихлынувшего счастья.

— Не верти кумполем, дурак! — сердито шипел батя. — Дырку просверлят! Слова старшины отрезвили.

Ваня лежал за валуном, который хорошо защищал от пуль. Чиркнув длинным голубым огнем, пули с напряженным звоном уходили в бесцветную высь. Но это Ваня осознал только теперь, после боя. Он осторожно огляделся: все лежали за камнями, заняв круговую оборону, и настороженно всматривались в надвигающиеся сумерки. Повернув голову назад, Ваня увидел, как Олег, переговорив о чем-то с командиром, пополз вбок, где

в скале темнела впадина, заросшая мелким кустарником, и скрылся в этом углублении.

На дне ущелья густели сумерки, с фирда надвигался туман. Ваня напряженно, до боли в глазах, всматривался в наползающую сизую мглу.

— Тебе сколь годков-то? — вдруг спросил батя.

Ваня не сразу сообразил, о чем спрашивает старшина, а когда понял, удивился вопросу.

— Девятнадцать.

Он соврал, девятнадцати ему не было. Ему было неполных восемнадцать. Не по летам рослый и сильный, он всегда прибавлял себе года, боясь, — не дай бог! — примут его за мальчишку. И на войну попал раньше срока только потому, что прибавил себе года.

— Девятнадцать... — повторил батя с такой тоской, что Ваня удивленно взглянул на него. — Сынишка у меня есть. Трех лет. Вместо «спасибо» говорит «спасите», а вместо «здравствуйте» — «здластити». Жена пишет. Я-то его и не видел, без меня родился...

Батя не был стар, ему было тридцать, но Ване он казался стариком, да еще усы буденновские совсем не молодили. Не спуская глаз с ущелья, батя горьковато и сожалеюще улыбнулся чему-то далекому, ему только известному.

С этой улыбкой он и умер.

Ваня сначала не понял, почему батя ткнулся щекой в мох и засмеялся беззвучно, немо.

А когда пришла догадка, Ваню прошиб озноб.

Первого выстрела, убившего батю, Ваня не слышал, но когда обрушился шквал огня спереди и сзади, Ваня, припав к автомату, повел испуганно-лихорадочную стрельбу по выныривающим из тумана фигурам. Туман стлался по земле, и от этого немцы казались без ног и так, безного, бежали на Ваню, расплескивая светящиеся автоматные струи поверх белесого наползающего озера.

Батя был первым.

Вторым стал лейтенант.

Сосед слева — узбек Мирза — крикнул тонким, накаленным голосом:

— Камандыр убила! Сапсем убила!

Он был молод, командир, и суров. Ваня не знал, что лейтенант всегда сохранял не улыбочное выражение лица, желая скрыть под строгостью свои юные годы,

чтобы у людей, которыми он командовал, не родилось бы крамольной мысли о его молодости. И люди принимали его строгость, подчинялись. Этот не улыбочный лейтенант однажды увидел на базе, где отдыхали разведчики и прибывшее пополнение, как Ваня выжимает одной рукой скат от вагонетки весом в семьдесят килограммов. Увидел и попросил еще раз выжать. Ваня выжал: жалко, что ли! Лейтенант сказал: «Вот такой мне нужен». А матрос с наглыми глазами, сопровождавший лейтенанта, хохотнул: «Об такой лоб поросенка убить можно!» Лейтенант сурово взглянул на матроса и тот проглотил язык. Ваня позднее узнал, что зовут этого парня Олегом и он из тех, кто с малых лет колесит по стране, хлебает горького и горячего по ноздри и знает изнанку жизни. Лейтенант спросил: «Хочешь в разведку?» У Вани сердце оборвалось. Он мечтал стать разведчиком еще в школе, и тут, на севере, увидев вблизи лихих и напористых матросов из разведвзвода, восторженно и влюбленно ловил каждое их слово, каждое движение, и конечно, когда лейтенант спросил, хочет ли он в разведку, Ваня, не смея поверить, севшим от радости голосом прошептал: «Хочу». Так и попал. Свершилась и еще одна мечта, в которой Ваня никому не признавался. Всех стригли наголо, только разведчики носили чубы. И Ваня тоже будет носить чуб такой же, как у Олега, набор, чтобы выбивался лихо из под бескозырки...

Немцы, напоровшись на яростный огонь разведчиков, залегли. Теперь они били с земли. Короткие очереди прорезали туман и, фосфорически светясь, обгоняя друг друга, летели к разведчикам. Будто бросал кто из сизой мглы горящие спички. Зажигал и бросал, зажигал и бросал. Было даже красиво.

Потом погиб Мирза.

Бил автомат за спиной Вани, сдерживая врага с тыла, а Ваня простреливал узкий выход из ущелья.

Немцы замолчали. Ваня понял: и эта атака захлебнулась. В наступившей тишине стало жутко. Он напрягал слух и не отрывал взгляда от скал, где бесшумно, вроде бы из земли, могли возникнуть фрицы.

Ваня вздрогнул, когда в напряженном безмолвии раздался приглушенный голос:

— Эй, славяне! Есть кто живой?

— Есть, — тихо откликнулся Ваня, узнав голос Олега.

Олег помолчал, ожидая, отзовется кто еще или нет, и неуверенно спросил:

— Это все? Больше никого?

— Не знаю, — сказал Ваня, хотя знал, что оба соседа его справа и слева убиты.

— Та-ак, — глухо протянул Олег. — Они стояли насмерть, как пишут в газетах.

Злой на язык Олег. Не поймешь, не то всерьез говорит, не то блажь напускает. За ордена, говорит, воюет. Поэтому и в разведку подался. Разведчикам на ордене не скупятся. А награды ему нужны, чтобы прийти к «мамзель на Арбате». Чтоб знала она, кого потеряла, кому не поверила, чтоб раскаялась. А он покажет ордена и уйдет гордо. Посмотрит ей в глаза и «сделает ручкой»...

— Ева-ан!.. — вдруг раздалось со стороны немцев.

Ваня вздрогнул, услышав свое имя.

— Ева-ан, капут! — кричал фриц, странно растягивая слова.

Олег напряженно хмыкнул за спиной:

— Знакомый объявился. Тебя зовет. Может, тесть. Ты женат, нет?

Ваня не ответил. Не до шуток. Туман подползал все ближе. Может, движутся, пригибаясь, под его защитой фрицы.

— Притихли, гады, — тревожно вслушивался и Олег. — Готовятся. Надо устроить им трогательную встречу.

Олег ополз всех убитых, собрал автоматные диски, гранаты-лимонки, пистолеты. У лейтенанта взял непромокаемый пакет с картой и блокнот. Разложил перед собой оружие, окинул довольным взглядом все хозяйство.

— Салют наций в двадцать один залп давать можно. Фейерверк! Северное сияние!

Олег скрутил твердыми пальцами сигарку из махры, прикурил от «катюши», внимательно и остро посмотрел на Ваню. Напивался махорочным дымом, глубоко западая щеками, а сам все не спускал оценивающего взгляда.

— Дай твой автомат, — вдруг протянул Олег руку.

— Зачем? — удивился Ваня.

— Поползешь вон в ту щель. По ней можно вылезти наверх.

— А ты?

— Закрой рот — глупый вид. Давай автомат и бери вот...

Олег протянул отливающий вороне-

ной сталью лейтенантов пистолет и небольшой плоский пакет.

— Не-е! — заартачился Ваня, поняв все.

— Золотая голова — котелок, — досадливо поморщился Олег. — Мы не можем уйти вместе, они засекут нас, а так я прикрою.

— Не-е! — упрямо тряс головой Ваня.

— Отставить разговорчики!

— Ты не приказывай, мы оба рядовые! — огрызнулся Ваня.

Он был упрям и если уж что-то решил, то ему хоть кол на голове теши, все равно на своем стоять будет.

— Давай ты, а я останусь, — сказал Ваня и почувствовал, как от такой решимости морозом взялась кожа на голове.

— Та-ак, — протянул Олег и смерил Ваню взглядом. — В благородство играем. Со стороны посмотреть — благородство из нас так и прет во все дырки.

Он помолчал, что-то прикидывая в уме.

— Ладно, потянем жребий. Кто вытянет короткий — тот останется, кто длинный — тот идет. Понял? И без разговорчиков! Двоим отсюда не уйти, застукают нас в погоне, а карту надо доставить на катер, они еще ждут. Хотя, конечно, по нашей пальбе уже, наверное, догадываются...

Олег выломал две палочки из ветки, показал Ване.

— Тяни, да не медли! Уходить надо! Английский парламент тебе тут! — Глаза Олега ожесточились.

Ваня вытянул длинную.

— Есть на свете справедливость! — Олег бедово подмигнул и уронил свою палочку. Поднял ее с травы, показал Ване: у него была короткая.

Ваня не заметил, что Олег зажал в руке две длинных, одинаковых, и дал ему тянуть первому. А потом уронил длинную и поднял короткую.

— Заметано! Время только тратим. Ха!

Олег подал нагретый рукою пистолет и плотный резиновый пакет. Ваня знал: в пакете карта с нанесенными оборонительными укреплениями немцев.

— Дай флягу. Есть там еще?

Ваня отстегнул от пояса фляжку и подал. Олег поболтал, во фляжке булькнуло.

— Эх, был он вушлый, как вутка, и плавал, как вутюг! — с отчаянным весель-

ем хохотнул он и, запрокинув голову, влил остаток спирта в горло.

От крепости на глазах выступили слезы, не смахивая их, он сурово и отрезанно посмотрел в сторону немцев и далеко отшвырнул фляжку.

— Прощай, — тихо сказал Ваня, чувствуя, что вот-вот разревется.

— Не знаю такого слова: прощай! — зло выкрикнул Олег. — Знаю: здравствуй! Так что будь здоров, парень! Держи хвост пистолетом. Адье!

Олег больно стиснул Ванину руку и вдруг торопливо и просяще заговорил:

— Останешся жив, передай привет на Арбат. Адрес в документах на базе. — Голос его придушенно осел, но Олег быстро справился с собой и на высокой, срывающейся ноте закончил: — Напиши, что зря она на письма не отвечала... Ну, делаю тебе ручкой, Ваня!

Голос его опять сдавило, и слово «Ваня» он произнес с придыханием, и Ваня задохнулся от бессилия что-либо изменить и замешкался было. Олег, лихорадочно блестя глазами, покрыл его отборным матом:

— Да иди ты!..

Ваня пополз в расщелину. И уже в ней услышал, как гулко заработал автомат, как высоко, отчаянно-бедово закричал и заматерился Олег.

Ваня оглянулся и сквозь рыхлую стену тумана увидел, как забились вспышки, как вперехлест полетели светящиеся трассы, и все туда, туда, где лежал Олег...

До крови закусив губу, глотая слезный комок, Ваня приказал себе лезть по расщелине вверх. Он уже не видел, как

размытые туманом фигуры немцев, разбрызгивая хлещущие трассы, двинулись на то место, откуда яростно вел ответный огонь Олег...

Ваня остервенело лез все выше и выше. Дрожащими от напряжения пальцами судорожно цеплялся за каждый выступ, за каждый кустик и боялся смотреть вниз. Сапоги скользили, он чуть не сорвался в пропасть, ибо залез уже высоко и видел над головой слабо светящееся холодное небо и такие же слабые мелкие звезды. До звезд казалось близко, и Ваня, срывая ногти, из последних сил подтягивал свое тело все вверх и вверх.

А внизу обвальным ухающим грохотом гремели разрывы гранат...

Под утро Харальд вышел из дому. Слоистая молочно-сизая пелена застелила фиорд, заполнила провал между берегами до самого верха, и от этого дом Харальда, выстроенный на вершине сопки, казалось, стоит на берегу туманного моря, подступившего к самому крыльцу.

Харальд чуть не наступил на человека, лежащего посреди его двора. Когда схлынул первый приступ испуга, Харальд нагнулся.

Человек лежал ничком, неловко заломив руку. Харальд осторожно перевернул его на спину. В утренних сумерках забелело лицо. Вгляделся. Лицо наполовину залито чем-то темным. Харальд просунул пальцы за воротник, ощущая неприятно стылое тело, и уловил слабое биение шейной артерии.

Харальд опасно оглянулся. Туманная мгла была безмятежна и хранила молчание.

Прислушался.

Ни звука.

Харальд снова нагнулся над человеком, стараясь разгадать: кто он? Расстегнул изодранную и залитую чем-то липким гимнастерку и обнаружил под ней тельняшку. Отшатнулся. Русский! Откуда? И тут же вспомнил выстрелы с вечера. Значит, был бой. Да, да, бой! Мгновенно вспыхнула ненависть. Здорово его отделили немцы! Так и надо! Всех их надо за сына! Всех!

Харальд поспешно отошел от лежащего. Он ничего не знает, никого не видел. Мало ли кто может лежать на его дворе. Тут и разведчики ходят, и концлагерные бегут.

Харальд вошел в дом, надежно запер дверь. Перед камином рассмотрел руки, они были в крови. Тщательно вымыл их. Вот, теперь все в порядке, он никого не видел, ничего не знает. Но что-то мешало ему, где-то в сознании пробудилась неприятная мысль и все настойчивее точила, что поступает он не так, как нужно, не по-христиански. Харальд, не находя ответа на свою мысль и желая упрятать ее в сознании подальше, пытался отвлечь себя другими мыслями. Он нервно ходил по комнате. Позади послышался шорох, Харальд испуганно оглянулся.

На постели приподняла голову Альма. — Ты что, папа? — спросила она сонным голосом.

— Там человек, — сорвалось у него с языка, хотя он совсем не собирался посвящать дочь в это событие.

Альма испуганно округлила глаза, шепотом выдохнула:

— Немцы?

— Нет, нет, не бойся. Русский.

— Русский?

Ярко-синие при свете камина глаза Альмы еще больше округлились. Харальд понял, что совсем не успокоил дочь, а наоборот.

— Русский. В крови весь.

Альма села на постели.

— Убитый?

— Вроде живой, — пожал плечами Харальд. — Без памяти.

— Его надо в дом, — как о само собою разумеющемся сказала Альма. — Он простынет на земле.

Харальд будто на столб налетел, остановился, странно поглядел на дочь.

— Надо помочь, — сказала она и стала одеваться.

Харальд отрезвел. Да, надо помочь. Не бросать же живого человека. И бог не простит. «Помоги страждущему». Сейчас все равно, кто перед ним: русский, немец, француз.

Они с трудом внесли мертвотгрузное тело и осторожно опустили на широкую лавку. Начинающийся день еще не пробил туманной мглы, и Альма зажгла свечу, чтобы рассмотреть человека. В трепетном свете они увидели юношу с залитой кровью головой.

— Ой! — жалостливо прошептала Альма и взглянула на отца.

Харальд попытался снять с русского гимнастерку и не смог. Тогда он разрезал ее острым рыбацким ножом, разрезал и окровавленную тельняшку. На плече темнела рана, но не глубокая, со скользком. От нее он не потерял бы сознания. Харальд ощупал русского и обнаружил, что одна штанина мокрая. Поднес пальцы к свече — кровь.

Харальд разрезал штанину, и на белой, будто гипсовой, ноге обнаружил выше колена черную ранку. Она еще сочилась. Много крови потерял русский. У Харальда на мгновение шевельнулась непрощенная жалость к этому беспомощно распластанному в целомудренной наготе юноше. Но Харальд тут же с недовольством подавил в себе жалость и хмуро покосился на Альму. Она с состраданием и болью смотрела на русского.

— Воды морской принеси,— сердито приказал Харальд.

Альма поспешно схватила ведро и выскочила из дому. И это тоже задело Харальда — слишком быстро выскочила. Могла бы и не сломя голову нестись.

Харальд еще раз внимательно осмотрел и ощупал юношу и обнаружил на голове, за ухом, глубокую рану. Он понял, что эта рана и есть главная.

Альма принесла морской воды, запыхалась. Харальд, неодобрительно поглядывая на дочь и смачивая полотенце в воде, обтер кровь с русского. Юноша не подавал признаков жизни. Харальд пощупал пальцами шейную артерию. Бьется. Слабо, еле-еле, но бьется.

Отец и дочь посмотрели друг на друга.

— Йоду надо,— сказала Альма.— Или спирт.

Йоду у них не водилось, спирт же у Харальда был. Но он ничего не ответил. Харальд вообще считал, что лучшее средство для раны — морская вода, а спирт только во внутрь. Но все же полез в шкафчик, достал. Спирту было полфляги, и Харальд вдруг не захотел тратить драгоценную жидкость на этого непрошеного гостя, на этого, может, убийцу Эдварда! Старый рыбак все больше распалялся, гнев снова охватил его.

Нет, к черту! Пусть хоть подохнет этот русский, Харальд не истратит на него ни капли! Спирт самому нужен.

— Давай, чего же ты! — дочь тянула

из его рук фляжку. Отец неохотно отпустил посудину.

Альма смочила спиртом чистую тряпочку и обтерла края ран. Разрезав простыню на длинные полосы, она ловко, будто всю жизнь этим только и занималась, перебинтовала юношу. Унесла окровавленную одежду, порылась в комод и достала рубашку и кальсоны Эдварда. У Харальда вновь ожесточилось сердце: белье сына на этого русского! Но он ничего не сказал, только неприязненно покосился на хозяйничавшую дочь

и даже помог ей одеть юношу в чистое. Более того, разжал ему зубы рыбацким ножом и влил в рот несколько капель спирта. Юноша поперхнулся, застонал, но проглотил. И это было хорошо. Харальд неожиданно для себя удовлетворенно крикнул. Спирт — великая вещь! С наслаждением нюхнул горлышко фляжки, нестерпимо захотелось отглотнуть, но пересилил, воздержался.

Альма принесла свежие простыни, постелила на топчан, пододвинула его к камину. Они осторожно переложили юношу на топчан.

Освещенное огнем камина, отмытое от крови и грязи, лицо русского было хорошо видно. Совсем мальчишка. На нежном подбородке пух. Не бреется еще, или раз в месяц поскоблит — и довольно. Широкий нос, темные густые брови, синие глазницы провалились, разбитые губы запеклись чернотой.

Харальд приложил руку к щеке юноши и с безотчетным удовлетворением ощутил тепло, идущее откуда-то изнутри. Значит, жизнь теплится. Вот что значит — спирт во внутрь.

— Бульону бы, — сказал Харальд, взглянув на дочь.

— Идти надо, — ответила Альма и указала глазами на часы.

Тут только Харальд опомнился. За окном совсем заголубело, сквозь рассветный туман пробивалось солнце. Альме надо на работу. Пока доберется до городка, как раз к началу поспеет. Опозданий немцы не любят, увольняют.

— Иди, — кивнул Харальд.

Альма ушла.

Харальд постоял в дверях, выкурил трубку, успокаивая нервы; оглядел совсем уже очистившийся от тумана фиорд, пустой причал рыбацкого поселка, хорошо видимый отсюда; подумал, что раным-рано рыбаки вышли в море, а оставшиеся в поселке люди заняты своими повседневными заботами и никому нет дела до Харальда, а поэтому никто не заподозрит, что у него лежит русский.

Харальд решил отварить лососевую спинку и жирным бульоном накормить раненого, как только тот придет в себя. Он сходил в чулан, дощатую пристройку к дому, где пахло сложным, чуть затхлым и милым сердцу запахом муки, копченого окорока, рыбы. Харальд совсем успокоился. Даст бог, все пронесет мимо! Все будет по-прежнему. От русского он как-

нибудь избавится. Как — он еще, правда, не знал, но как-нибудь.

Харальд выбрал рыбину получше, закрыл чулан и вернулся в дом, уже не испытывая неприятного осадка от ночных событий. Поставил на огонь кастрюлю с водой и, не спеша нарезая спинку лосося длинными ровными ломтиками, случайно взглянул в окно и помертвел: к дому шли два немца! За ними голенасто вышагивал Людвигсен. Немецкий ефрейтор, стройный и красивый, перетянутый в талии, как девочка, повернул голову назад и что-то сказал, кивая на дом Харальда. Людвигсен услужливо догнал его и, размахивая длинными нескладными руками, показывал то на дом Харальда, то на восток и что-то говорил. Ефрейтор в нерешительности сбавил шаг, посмотрел на дом и круто повернул в сторону.

Когда немцы скрылись за поворотом в лес, у Харальда подкосились ноги. Он обессиленно опустился на стул. Почувствовал, как по мокрой спине побежал холодный ручеек. Руки, безвольно упавшие на колени, мелко тряслись. Оглушенный пережитым страхом, долго сидел неподвижно, не замечая, что вода в кастрюле выкипает.

Если бы немцы вошли в дом, то Харальд ничем не доказал бы свою невиновность, непричастность к русскому. Русский налицо — значит, расстрел. За укрывательство.

Теперь только Харальд до конца осознал, какой опасности подвергает и себя и дочь. Немцы уже ищут! А он, старый дурак, и не подумал об этом! Он, видите ли, спасал жизнь умирающему, поступал по-христиански. Идиот!

И, ожесточаясь на этого черт знает откуда появившегося русского и подсознательно оправдываясь перед собой, думал: ну вот, русский жив, перед богом Харальд чист — не бросил человека, как собаку, — и хватит! Из-за этого полумертвого он не собирается рисковать головой. Нет, не желает! И пока еще не стряслась беда, он пойдет и заявит немецким властям. Власть есть власть, какая бы она ни была. Ей надо подчиняться. Пусть она сама решает, как быть с русским.

Все больше и больше утверждаясь в своей мысли, Харальд тихонько, будто чужой, выскользнул из дому. Он почему-то так и не решился взглянуть на раненого, беззащитно и доверчиво лежавшего у камина.

Харальд шел торопливо, и эта поспешность походила на бегство. Он старался не думать, куда и зачем идет, не думать о русском, не думать о том, что будет с юношей, когда он, Харальд, сообщит немцам. И пока немцев не было перед глазами, Харальд наивно, по-детски полагал, что, даст бог, все обойдется, все уладится и он, Харальд, опять будет ни при чем.

Но немцы быстро оказались перед ним, вернее он перед ними.

Едва Харальд завернул за лесок, как увидел группу солдат, стоявших над чем-то. Харальд невольно замедлил шаг и уже готов был повернуть назад, ибо испугался и только в это мгновение ясно понял, что он хочет совершить. Но немцы тоже увидели Харальда, и один из них поманил его пальцем, как в барах подзывают слуг.

Непослушными ногами Харальд подошел. И увидел, над чем стоят немцы: у их ног лежали трупы.

Трупов было четыре. Они лежали, аккуратно уложенные в ряд. В маскхалатах, залитых кровью. И хотя Харальд вот так, при свете, видел их впервые, он все равно сразу же узнал: это были призраки. Здесь — четверо, пятый — у него дома.

Ефрейтор, тот самый, красивый, спросил что-то, Харальд не понял. Да он и не слушал немца, он прикованно смотрел на призраков, переводя взгляд с одного трупа на другой.

Крайним лежал юноша с тонким и строгим лицом. Он вытянулся в струнку, как на параде. Резко очерченные губы плотно сжаты, на лице суровость, которая сразу выделяла его из других и говорила о том, что это офицер. Он был очень и очень молод.

Рядом с ним — усатый мужчина. Лежал властно, тяжело вдавив тело в землю. Чувствовалось, что и живой он был спокоен и рассудителен. Скорбная складка вертикально перерезала лоб, будто задумался он над чем-то крепко и надолго.

Потом на боку лежал маленький смуглый подросток с черными, как смоль, волосами. Он скрючился, как спят дети, подтянув к подбородку колени. В узкий разрез век стыло глядели черные незрячие глаза.

Последним был светловолосый красавец с надменно приподнятой бровью. Напряженно оскаленный рот еще кричал

что-то злобное и непримиримое. Даже в мертвом теле столько силы и напряжения, что было страшно представить его в бою. И, видать, был он строен и ловок, и ходил по земле легко и свободно.

У Харальда заныло сердце: гибнут самые молодые, самые красивые, самые сильные! Такие же, как сын его Эдвард. И хотя перед ним лежали русские, Харальд уже не мог найти в своем сердце недавний непримиримый гнев, ожесточенность. Он никак не мог оторвать взгляда от этого красавца, которого даже смерть не обезобразила, стоял над ним и думал и не мог понять, зачем люди убивают друг друга, почему не живут в мире, почему господь-бог допускает это!

Подошли два солдата. Один — тощий и долговязый — переломился вдвое, когда нагнулся над трупом. Другой — толстый и широкий в зад — по-бабьи присел. Они умело взяли красавца за ноги и потащили к яме, что виднелась в стороне. Руки красавца безвольно плыли за телом, заламывались, отставали. Мертвый рот хохотал безголосо и жутко, ибо только так, только этим теперь мог русский выразить свое презрение к живым врагам. Маскхалат задрался, обнажив окровавленную тельняшку. Молодое, когда-то сильное и гордое тело было теперь повержено и над ним глумились враги.

Солдаты ногами столкнули тело в яму...

— Дядя Харальд, дядя Харальд, — донеслось откуда-то издалека. Старый рыбак поднял глаза, перед ним стоял Людвигсен и с недовольным удивлением глядел на него. — Господин ефрейтор спрашивает, не видели вы тут постороннего в такой вот одежде. Один из них ушел. Это русские разведчики. Вчера был бой. Слышали?

Харальд кивнул.

— А не видели никого?

Харальд, не отвечая, смотрел, как те двое — тощий и толстый — взяли теперь за ноги строгого офицера и потащили. Вот так же они возьмут и того и будут тащить, как собаку. Надругаются над тем, молодым и беззащитным, которого он вымыл, одел в чистое и который сейчас доверчиво лежит у камина.

Потрясенный, с щемящей болью в сердце, смотрел Харальд, как немцы делают свое привычное дело...

— Видели, нет? — снова донеслось до Харальда. — Что с вами?

Харальд сурово взглянул в пестрые, как птичьи яйца, глаза Людвигсена и твердо сказал:

— Нет, не видел.

Людвигсен улыбнулся, скосил глаза на немцев и доверительно понизил голос:

— Они вас чуть не заподозрили. Ваше счастье, что я сказал, что у вас сын погиб на русском фронте. А эти,— он повел глазами на трупы,— ох, и положили немцев! Завтра похороны...

Харальд, не дослушав, повернулся и пошел домой, не заботясь, как воспримут его уход.

Он шел, будто в кошмарном сне, и все видел перед собой трупы и как их сбрасывают в яму.

Он отошел далеко, до скалы, из которой бил родник. Он поймал пересохшими губами светлую звонкую струю, подержал во рту студеную воду и проглотил, ощущая, как она резко охлаждает горячее горло. Пил долго, ненасытно, будто заливал огонь в душе. Задумчиво стоял и смотрел на нежно звенящую струю, на светлую кровь земли, которую мать-земля щедро отдавала человеку. Человек — священный сосуд, из которого господь запретил проливать кровь. Не убий! А на земле происходят деяния страшные, чуждые всему живому, противоестественные. Молодые, здоровые парни становятся трупами. Парни могли бы жить, радоваться свету, носить чистые рубашки, нянчить детей, а их самих, еще мальчишками, убивают и сбрасывают в ямы. Разбили священный сосуд, вытекла кровь. Господи, что же это такое?! Почему твоя господня кровь, которой ты сам наполнил священный сосуд, проливается по злой воле, от рук лиходеев? Сделай так, чтобы человек на человека не поднимал руку! Сделай так, чтобы люди были братьями.

Харальд охладил лицо из родника и быстро пошел домой. Когда вернулся, другими глазами посмотрел на русского. Нет, не страшен. Не злобный и дикий зверь, какими описывают русских, какими он сам себе представлял их, лежал перед ним, а мальчишка лет восемнадцати. Такой же, каким был его Эдвард, когда уходил воевать. И где-то есть у этого парня отец, мать. И ждут его, как ждал Эдварда Харальд. Русский лежал неподвижно. Харальд пощупал шейную артерию. Бьется. Сердце вдруг радостно сдавило от мысли, что не дал надругать-

ся над этим юным, доверчивым телом, не дал погасить огонек жизни, молодой, еще только начинающейся. И не даст! Нет, не даст! И от этого твердо принятого решения стало хорошо и раскованно, будто выкупался он в освежающей легкой воде.

Харальд доваривал бульон, когда снова увидел в окно немцев. Мгновение он оцепенело смотрел, как солдаты приближаются к его дому, и не верил своим глазам. Господи, что это такое! Потом кинулся к топчану и единым духом задвинул его в угол. Лихорадочно забросал русского брезентом, сетями, которые притащил накануне для починки, и непослушными, чужими ногами вышел на встречу страшным гостям.

— Напиться дайте,— попросил Людвигсен и, сняв с головы берет, обмахнулся им.

Солдаты тоже поснимали с потных голов пилотки, красивый ефрейтор сел на валун, на котором Харальд всегда рубил дрова.

Харальд слышал и понимал все, что говорил ему Людвигсен, но не мог сдвинуться с места. Людвигсен удивленно глядел на него.

— Принесите напиться. Жарко.

Ефрейтор, вынимая сигарету из портсигара, тоже смотрел на Харальда. Солдаты выжидательно усмехались.

Харальд внутренне кричал в отчаянии. Он хотел сказать, что сейчас принесет воды, сколько угодно принесет, и хотел вернуться, страстно хотел вернуться и принести воды, пока немцы сами не вздумали войти в дом,— и не мог. Страх сковал его, парализовал.

Влажными красивыми глазами ефрейтор внимательно глядел на Харальда, и старый рыбак с обнаженной ясностью ощутил вдруг, что если вот сейчас, немедленно, он не повернется и не пойдет, то у ефрейтора удивление перерастет в подозрение и тогда — конец.

Огромным усилием воли Харальд заставил себя повернуться и пошел в дом толчками, запинаясь на ровном. Долго не мог перенести ногу через порог. Один из солдат, наблюдая за Харальдом, выразительно щелкнул себе по горлу пальцем и подмигнул другому. Оба захохотали. Ефрейтор тоже неохотно усмехнулся, только Людвигсен остался серьезным и с

заостренным вниманием глядел в спину старику.

Харальд вынес воды. Ефрейтор, принимая кружку, посмотрел Харальду в глаза. Харальд жалко улыбнулся в ответ, стараясь изобразить на лице готовность к услугам. Ефрейтор напился, сказал:

— Данке шен.

Харальду показалось, что ефрейтор был где-то на грани догадки, и от этого у старого рыбака похолодела спина.

Харальд принес воды солдатам и Людвигсену. Они напились, присели посреди двора и закурили. Харальд стоял перед ними и, понимая, что своим видом сам себя выдает, он все равно ничего не мог поделаться с собой и продолжал стоять. Не владея лицом, жалко и испуганно улыбался.

— Что с вами сегодня? — спросил Людвигсен.

— Голова кружится, — чужим голосом ответил Харальд, а сам посмотрел на ефрейтора.

В одной руке ефрейтор держал сигарету наотмашь, другая расслабленно покоилась на автомате. Лицо его было отсутствующее, но в глазах билась какая-то настойчивая мысль. И хотя смотрел он мимо Харальда, старому рыбаку все равно казалось, что ефрейтор думает о нем, до чего-то хочет докопаться; и оттого, что немец думает о нем и вот-вот может нащупать то, чего так боится Харальд, у Харальда кружилась голова и предательски дрожали ноги. Понимая, что надо как-то отвлечь внимание, Харальд вдруг стал взахлеб говорить, как болят у него ноги, как он не может ходить, что пришла уже старость и порой не знаешь, куда себя деть.

Людвигсен слушал, недоуменно хлопая пепельными ресницами, а ефрейтор все так же вприщурку и будто отсутствующе глядел на фиорд и, не торопясь, курил. Солдаты над чем-то беззаботно ржали.

Харальд смотрел на окованные солдатские сапоги с короткими твердыми голенищами и думал о том, как долго они носятся, крепкий товар. И эта дикая сейчас мысль о сапогах не уходила, торчала занозой в сознании, и он прятался за нее, боясь подумать, что будет, если немцы вздумают войти в дом.

Наконец они засобирались.

— Прочесываем местность, — сказал Людвигсен, пытливо заглядывая в гла-

за. — Вчера господин ефрейтор сам лично убил русского, а сегодня пришли — его нет. Или утащили, или ожил и сам куда-то заполз. Узнаете — сообщите.

Харальд одеревенело кивнул.

Когда они ушли, Харальд почувствовал, что ноги больше не держат, и бесильно опустился прямо там, где стоял. Сидел, вперив бездумный взгляд в землю. Пережитый страх и унижение оглушили. День был, как кошмарный сон, и Харальд придавленно опустил плечи.

Наконец он собрался с силами и поднялся на слабые, подвертывающиеся ноги. Что же делать? Оставлять русского в доме больше было нельзя. На третий раз бог не помилует. Вспомнились прищуренные глаза ефрейтора. И вдруг его осенило. Русского надо укрыть в сарайчике, который стоит на отлете от усадьбы, в соснах. Там в углу, под старыми сетями и парусом, он его и укроет. Там его не найдут. А если и найдут, то Харальд ничего не знает. Сарайчик на отшибе, русский и сам мог заползти.

Сосны вонзали вершины в бледную твердь неба. Разлапистые ветви надежно укрывали сарайчик от постороннего взгляда, зато из окна самого сарайчика хорошо обозревался весь двор Харальда и дорога в поселок. От стволов источался здоровый смоляной дух, кора истекала желтовато-коричневой слезой, которую Ингер собирала для обмазки пробок бутылей с консервированной ягодой. По утрам в ветвях стоял птичий гам. Харальд любил порубить здесь чурочек, посидеть и покурить трубку, глядя на безмятежную гладь фиорда. Посидеть вдали от сутолоки поселка, от надоедливых соседей, в тишине и покое. Нет, все же удачно они выбрали тогда с Ингер место!

В углу сарая, где лежала вверх дном старая лодка и валялись сети, Харальд и устроил лежанку для русского. Он приподнял лодку на подпорки, завесил ее сетями и забросал старым хламом. Никому и в голову не придет, что под лодкой лежит человек.

Харальд вышел, огляделся. Тихо, пустынно. По слюдяной глади фиорда шел немецкий военный катер.

Харальд вернулся в дом и первым делом приложился к фляжке. Отхлебнув порядочный глоток, почувствовал, как покатилась огненная влага в желудок и как сразу полегчало на душе. Перевел дыхание, подумал: слава богу, кажется, про-

несло с этими немцами! Дай бог, дай бог! Харальд приложился еще, но на этот раз глоток сделал поэкономнее.

Харальд спрятал фляжку, подошел к топчану, снял с русского брезент и сети. Юноша лежал без движения, с восковым лицом. Умер! Харальд испуганно схватил его за руку и облегченно вздохнул: рука была живой. Теперь этот парень был дорог ему: Харальд столько понатерпелся из-за него, столько пережил, что русский стал как бы членом его семьи. Вечером они перетащат его в сарайчик, и тогда все будет в порядке.

К вечеру, когда вернулась Альма, Харальд был пьян. Для поддержания духа он все прикладывался и прикладывался к фляжке, пока в ней изрядно не поубавилось. Альма ничего не сказала, но по тревожно блестящим глазам Харальда догадался, что ее волнует.

— Жив, жив,—кивнул он и улыбнулся по-пьяному довольной и щедрой улыбкой.

— Немцы прочесывают местность,—сказала Альма.—Город оцеплен, проверяют всех мужчин.

— И здесь они были,—беспечно махнул рукой Харальд.—Людвигсен сказал им, что я отец погибшего на фронте солдата, и они не стали смотреть в доме,—с хвастливой ноткой закончил пьяный рыбак.

Альма побледнела и странно взглянула на отца.

— Ты бы еще сказал ему спасибо за Эдварда.

— Как это? — не понял Харальд.

— Если бы он не отправил Эдварда на фронт, его бы не убили,—со сдержанным вызовом сказала Альма.—И сейчас нечем было бы защищать тебя.

Харальд отрезвел.

Слова дочери ударили прямо в сердце. Старый рыбак вздрагивающими пальцами зачем-то расстегивал и застегивал пуговицы куртки и не находил ответа.

Да, Людвигсен сыграл немалую роль в том, что Эдвард ушел воевать на стороне немцев. Сам же Людвигсен на фронт не попал, нашли какую-то болезнь у него. С тех пор служит в местной команде квислинговцев. А может, и нет никакой болезни! — впервые пронзила Харальда догадка.—Вон как дрова рубит! И от этой мысли стало нехорошо и пусто в груди. Нет, нет! — торопливо уверял себя Харальд,—Людвигсен на это не способен. Альма наговаривает на него, потому что не любит. Если бы не Людвигсен, немцы нашли бы русского и Харальд лежал бы уже вместе с теми, в той яме.

Прежде чем отнести русского в сарай, они решили еще раз осмотреть его раны. Альма осторожно сняла набрякшую кровью повязку с головы. Смочила кусочек чистой тряпочки в спирте, который она взяла уже не спрашивая отца, отжала спирт и наложила на рану. Быстро и хорошо забинтовала.

Рана на плече кровоточила, но красноты — чего так боялись они — не было. Ее тоже перебинтовали. А вот с ногой было хуже. Края раны воспалились и припухли. Прижигать спиртом было нельзя. Нужны медикаменты.

Протрезвевший Харальд с тревогой всматривался в смертельно бледное лицо юноши, снова с болью подумал, что страдают самые молодые, самые сильные, самые красивые.

В бледных северных сумерках перенесли русского в сарай и уложили на приготовленное место под лодкой, тепло укутали, замаскировали сетями, парусом и всяким тряпьем.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ЛЕВ РУМЯНЦЕВ

Мой росный мир

Мир соткан из березовых колков,
сплетен из трав,
узлами туч завязан,
росой умыт,
и испокон веков
своим рождением
я ему обязан.

И где бы ни был я:
в пустынях ли, во пьдах,
в далеком космосе —
на Альфах или Сигмах, —
мне чудится
его души размах,
с лентой и хрустом —
утренняя сила.

Машины поумнеют во сто крат,
живую клетку выстроит машина,
а мне приснится,
что нашел я клад:
в капустных листьях —
розового сына.

И окрылит
наивный этот сон,
и я увижу
сквозь века и веки
бегущие березки под уклон,
среди травостоя
медленные реки.

Услышу,
как подойник зазвенит,
как шалый свист
ворота мне откроет,
и за дружками
дробный стук копыт
помчит меня
в заветное ночное,

где острый месяц
косит клевера,
от жуткой сказки
сладко и морозно,
где искорки вихрастого костра
летят навстречу падающим звездам...

И все века,
пока я буду жить,
я буду знать,
где довелось родиться.
И тот родник,
что первым дал испить,
пусть не во сне,
а в жизни сохранится.

Вода подступала настойчиво, глухо,
 вода поднималась к цветастым оёнкам,
 как будто хотела прильнуть своим ухом,
 послушать — кто в избах еще остается.
 Но бревна смолевые гордо молчали,
 и церкви молчали, молчали посадки,
 и только всполошные птицы в печали
 кружили, кричали над тонущим Градом.
 Фрегат златоверхий, промытый навилет,—
 навеки Град-Китеж скрывался в пучину.
 А волны неспешно вздымались и плыли,
 и вдаль уносили молву и кручину...
 Предание меркло — ведь волны, как годы.
 Но разве не слышишь ты, нынче не слышишь! —
 Уходит навеки, уходит под воду
 уже не придуманный — истинный Китеж!
 Такой златоверхий, зеленый, смолевый —
 хотя бы успели его на поленья!
 Но мы торопились. И виделось снова,
 как темные воды идут в наступленье.
 Он мог бы и мачтами стать для фрегата,
 подземною крепью и детской качалкой.
 Но, может быть, все мы настолько богаты,
 что рощу, как сказку, и бросить не жалко!..
 Вода подступала настойчиво, глухо
 к стволам, золоченым от яркого солнца, —
 как будто хотела прильнуть своим ухом,
 узнать: что живое еще остается.
 Но сосны тонули и гордо молчали,
 молчала земля, без вины виновата.
 И только всполошные птицы в печали
 кружили, кричали над гнездами града.

Первые стружки, грубые стружки,
 пахнут особенно остро.
 Светлый и цепкий растет на опушке
 дом богатырского роста.

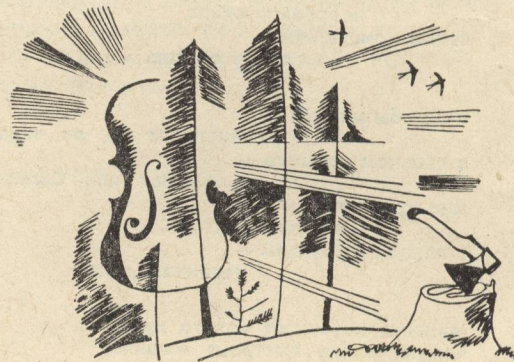
Тешет фуганок янтарный стволуище,
 ходит широко и споро.
 Ладит он брусью и, право, не ищет
 скрытого в бруснях узора.

К месту ли мучиться в час неурочный
 в этом смолевом угаре,
 что погибают в доске потолочной
 сто голосов Страдивари!

Сам говорю я, что нам не до блажи, —
 дом подвести бы под крышу.
 Но, удивительно, — голоса даже
 Не различаю, не слышу.

Я понимаю, я сам в лесорубах.
 Но почему же все чаще
 хочется, дерево тронув не грубо,
 вникнуть в узор говорящий.

Все, чем от века мы скрытно богаты,
 выплеснуть щедро наружу...
 Ветер вихрит на увалах горбатых,
 стружку у ног моих кружит.

Рисунки Г. Метелева

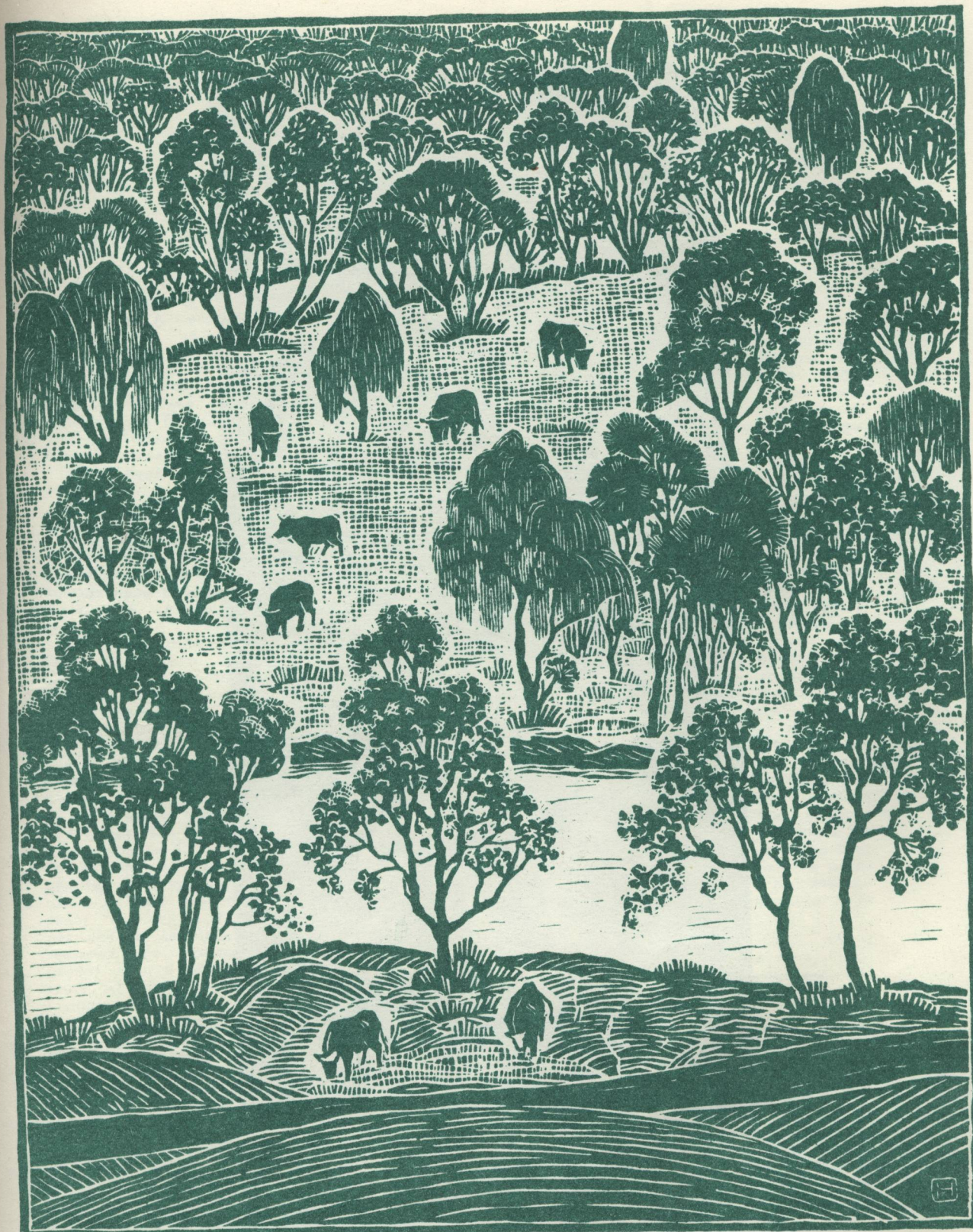

И. НОВОСЕЛЬЦЕВ. (Саратов).

МАТЕРИ.

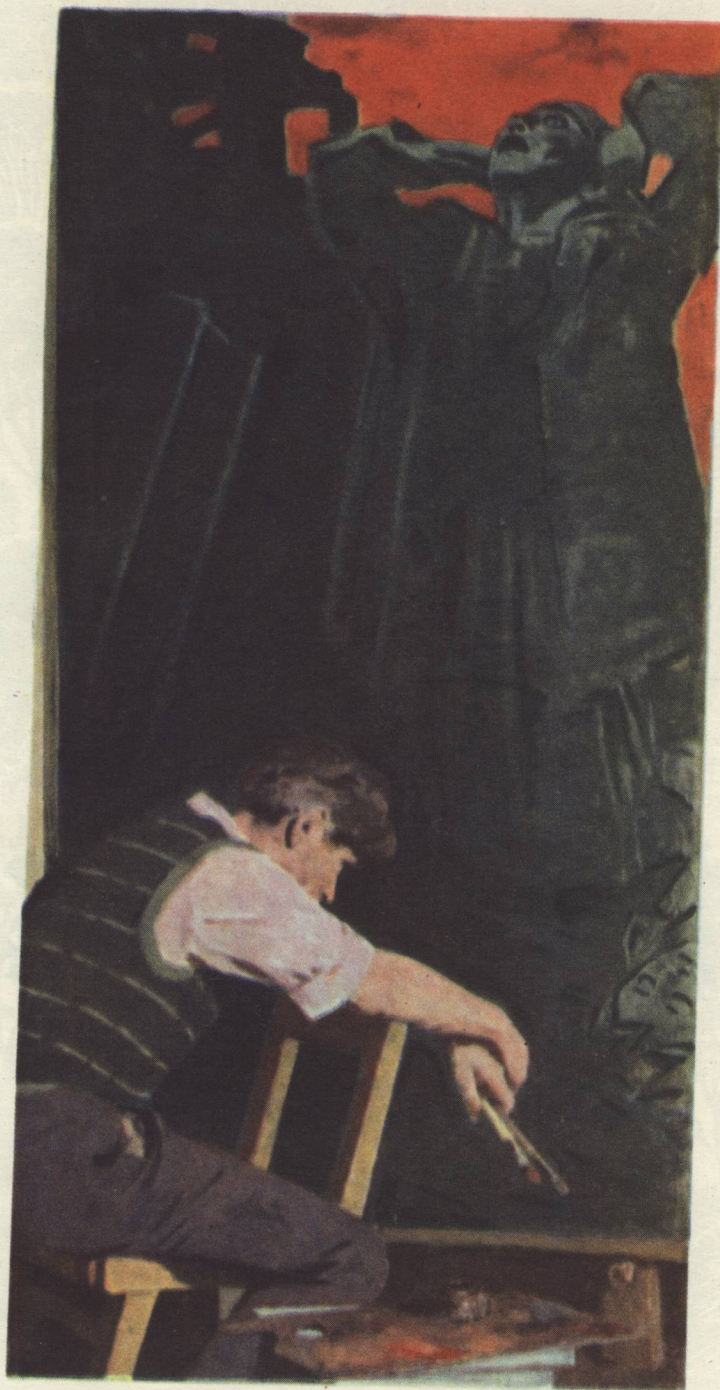

О. ПАРУЛАВА. (Тбилиси).
УТРО В ГОРАХ.

Н. ЧЕРКАСОВ. (Челябинск).

КОРОВЫ У РЕКИ.

М. ЛИХАЧЕВ. (Воронеж).

РАЗДУМЬЕ.

МБ

„Красная гвоздика“

Так это началось

Простой скромный цветок — красная гвоздика. Что в нем особенного? А между тем он вызвал спор на заседании клуба. И все из-за Славы Печникова. Он никак не хотел согласиться, что эмблемой клуба будет красная гвоздика.

— Мы же будущие рабочие — и вдруг какой-то цветок, — возмущался он.

Славу поддерживали другие ребята.

И тут вскочила Наташа Голубева.

— Да ведь красная гвоздика — эмблема пролетарского движения. С этим цветком революционеры выходили на демонстрации, встречались на сходках.

И Наташа рассказала, как однажды в канун праздника Октября она с товарищами ездила к старой большевичке Марии Леонтьевне Сулимовой, чтобы поздравить ее с праздником.

— В руках у нас были букетики красных гвоздик. Мы смущались оттого, что не могли найти розы, георгины. Мария Леонтьевна заметила это: «Да знаете ли вы, что лучших цветов для меня нет. В годы царизма на студенческих благотворительных вечерах в петлицах юношей и в волосах девушек всегда алела красная гвоздика. Ее продавали, а деньги шли в общественную кассу, из которой попадали в подпольный комитет. Гвоздика, даже не махровая, а обычный простой цветок, как бы выражала надежду, чаяния, мечту о лучшей жизни».

А вскоре мы получили большой конверт. В нем копии писем старых большевиков Е. Д. Стасовой, М. Л. Сулимовой, М. П. Ефремова в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с просьбой, чтобы в новой шеститомной «Истории КПСС» было упомянуто о красном цветке гвозди-

ке. А сама Мария Леонтьевна писала нам:

«Дорогие друзья!
Посылаю обещанный материал, связанный со значением цветка красной гвоздики.

Этот вопрос возник в Институте марксизма-ленинизма в период подготовки много-томной «Истории КПСС».

Я имела в руках макет первого тома. На суперобложке изображен молодой Ленин среди рабочих. Внизу — первый номер «Искры», а на нем красная гвоздика — символ революционной борьбы».

Вот тут-то и возникла у нас идея: в библиотеках, музеях, — из книг, газет, журналов собрать интересный материал о цветке революции.

Работа эта оказалась нелегкой, но увлекательной. Тамара Шагова просмотрела подшивку журнала «Работница» за несколько лет и в одном из номеров нашла небольшой очерк-воспоминание, который так и назывался: «Красная гвоздика». Таня Тимофеева из старого настольного календаря принесла документальный рассказ «Гвоздика» азербайджанского писателя Авеза Садыка.

В дневнике клуба появились интересные записи.

«Парижские рабочие умирали с гвоздикой на баррикадах, а солдаты, вдев красный цветок в петлицу, шли в бой, всем сердцем веруя, что теперь смерть не тронет их!»

...«В Австрии перед первой мировой войной рабочие Вены устраивали неоднократно мартовские демонстрации в память борцов за свободу в 1848 году. С гвоздиками в петлицах и руках демонстранты через весь город шли к кладбищу, где находился прах героев-революционеров».

«В мае 1964 года рабочие и служащие фабрики «Лео-Икар» в Риме более двух недель не уходили с предприятия. Они бастовали, протестуя против произвола администрации, закрытия фабрики и увольнения 345 активистов.

На заборе, окружавшем фабрику, всегда можно было увидеть свежие букеты алых гвоздик. Их приносили рабочие и служащие других предприятий Рима в знак солидарности с бастующими товарищами».

Этот боевой цветок прошагал по многим мостовым мира, воодушевлял людей на борьбу за счастье народа. И мы радовались каждой нашей находке.

Наконец настал день, когда можно было рассказать о нашем поиске в Доме культуры. В гости к нам пришли те, кому особенно дорог этот цветок, у кого воспоминания о нем связаны с годами большевистского подполья и революционной борьбы. Когда открылся занавес, почетные гости и члены клуба под музыку песни «Смело, товарищи, в ногу» вышли на сцену. Ветераны революции вручили нам, как эстафету, красную гвоздику. Потом выступили мы и поведали своим товарищам о судьбе бесстрашных революционеров, о героической работе большевистского подполья.

Потом нас слушали члены редакции первого тома «Истории КПСС» и молодежь Института марксизма-ленинизма, жители Москвы, учащиеся учебных заведений профтехобразования.

И всегда — куда бы мы ни шли, с кем бы ни встречались — везде оставляли букетики алых гвоздик.

Теперь красная гвоздика — эмблема нашего клуба, революционной, боевой и трудовой славы. Она стала маяком, на который все держат равнение. И клуб свой мы так и называем «Красная гвоздика».

Почетный председатель клуба

Четыре года почетным председателем нашего клуба была Елена Дмитриевна Стасова, член КПСС с 1898 года, видный общественный и политический деятель, Герой Социалистического Труда. За плечами ее стояла целая эпоха. Стасова была свидетелем и участником многих исторических событий, активным и верным помощником В. И. Ленина. Человек высокой культуры, она с большим желанием и щедростью делилась всем, что удалось сохранить в своей памяти за долгие годы.

Не так часто мы бывали у Елены Дмитриевны дома, но принимала она нас обычно в своем небольшом кабинете. На стенах портреты В. И. Ленина, С. М. Кирова, А. М. Горького, на полках книги. Слушать ее можно было часами.

В музее клуба мы бережно храним фотографии, работы, подаренные Еленой Дмитриевной, перечитываем ее письма. Особенно нам дорого последнее, полученное незадолго до ее смерти.

«Учащимся, мастерам и преподавателям, воспитателям и комсомольцам профессио-

нально-технических учебных заведений.

Дорогие товарищи!

Мне передали, что вы сегодня посылаете своих представителей в поездку, чтобы открыть филиал клуба «Красная гвоздика». Это очень хорошее дело. Надо при этом не упускать из виду, подчеркнуть, что гвоздика, красный цветок гвоздики, символизирует цвет красного знамени пролетариата, рабочего класса, цвет пролитой крови трудящимися в борьбе за свое освобождение и прежде всего рабочими — главной силой революционного движения.

В последние годы у нас появились некоторые модники, пытавшиеся доказать, будто рабочий класс перестал быть ведущей силой. XXIII съезд нашей партии поправил таких «теоретиков», подчеркнув еще раз ту ленинскую мысль, что рабочий класс был и есть ведущая сила. Это особенно надо знать и помнить молодому поколению рабочего класса.

Мы вступили в год, когда советский народ и все прогрессивные люди земли будут отмечать 50-летие Великого Октября. Хочется, чтобы это время было использовано для углубленного изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в нашей стране, ге-

роических традиций рабочего класса СССР. Необходимо лучше уяснить смысл и значение наших завоеваний, чтобы молодое поколение зорче, крепче хранило завоеванное старшими поколениями и приумножало бы то, что достигнуто ими. Желаю Вам дальнейших успехов в учебе, обучении и воспитании.

Москва, 9 декабря
1966 года.

Ваша Елена Стасова».

А вот как пишут наши ребята о встречах с Е. Д. Стасовой.

«О встрече с Еленой Дмитриевной Стасовой мечтал каждый из нас. Поэтому можно понять, с каким волнением и радостью мы подходили к ее дому. Это был знаменательный день 15 октября 1966 года — день ее рождения. Мы были не единственными гостями. Пришли поздравить Елену Дмитриевну ее друзья, знакомые, представители общественных организаций. Принимала она нас лежа: сидеть уже не могла. Мы вручили нашему другу красные гвоздики. Она была очень довольна. Волнуясь, я рассказал коротко о делах клуба. Елена Дмитриевна похвалила нас.

Прошло полтора месяца с этого памятного дня. И вот мы снова, в последний раз, встретились с Еленой Дмитриевной. Страшно потрясенные, стояли мы у гроба в по-

МАША ПОРЫВАЕВА

Маша Порываева — комсомолка-москвичка, партизанка, участница Великой Отечественной войны. Одна из улиц столицы носит ее имя. О Маше помнят на Псковщине, в селе Красном. На обелиске надпись: «Здесь летом 1942 года была схвачена немцами партизанка-разведчица Маша Порываева».

...Девять раз ходила она в разведку. И когда фашисты схватили ее, она стойко держалась, товарищей не выдавала. Измученная пытками, с ружьями, стянутыми колючей проволокой, Маша шла к виселице с высоко поднятой головой.

10 мая 1964 года в Москве на доме, где жила разведчица, была установлена мемориальная доска. «Красная гвоздика» ведет о ней поиск.

Старые большевики — частые гости клуба

четном карауле. Смотрели на дорогое нам лицо. Старались запомнить все до мелочей. Лицо ее мало изменилось. Казалось, что Елена Дмитриевна заснула ненадолго. Все ребята нашего клуба пришли проститься со своим другом. Мы возложили красные гвоздики у ее гроба и поклялись: быть такими же целеустремленными, честными, так же любить Родину и людей. Жизнь Елены Дмитриевны всегда будет примером для нас.

Юрий Никитенков.

Поиски, поиски, поиски

В ноябре 1966 года «Комсомольская правда» объявила Всесоюзный поход-конкурс «Следопыты Октября». Включился в него и наш клуб. На первом же заседании обсудили вопросы, решили, как будем на них отвечать, распределили задания. Побывали в музеях, архивах, записали воспоминания участников рево-

люционных событий. Собрался большой, интересный материал. Решением жюри клубу присудили поощрительную премию.

Очень увлек ребят поиск. Несколько месяцев собирали они материалы о красноармейской звездочке.

Вот страничка из дневника ребят:

«Несколько дней работал в Исторической библиотеке. Пересмотрел гору газет. Искал первые приказы о ношении пятиконечной звездочки. Наконец удача!

«Приказ № 310, Москва, 28 ноября 1918 года.

Все военнослужащие в управлениях и учреждениях военного ведомства, находясь при исполнении обязанностей службы, обязываются носить революционный военный знак — красную звезду с изображением на ней молота и плуга.

Упомянутая звезда носится на головном уборе, в виде нагрудного знака на кителе и рубашке, на левой стороне груди или в петлице гражданского платья, по желанию.

Гражданам, не состоящим на обязательной военной

службе, ношение красной звезды не разрешается.

Председатель
революционного
военного Совета
Республики».

Приказ этот я переписал из газеты «Известия народного комиссариата по военным делам» № 176, суббота, 7 декабря 1918 года.

Еще один документ.

«Приказ № 1379

Москва, 29 мая 1922 года.

Во изменение приказа ВСР 1918 года № 310.

Ношение красноармейцами и комсоставом РККА революционного военного знака — красной звезды — на груди, при ношении форменного обмундирования, отменить; таковой должен носиться на головных уборах, согласно приказа ВСР 1922 г. за № 953.

Заместитель председателя
революционного военного
Совета Республики».

Текст этого приказа взят из газеты «Известия народного комиссариата по военным делам», 14 июня 1922 года.

Вот что записала Наташа Макарова.

«Побывали мы и в Центральном музее Вооруженных Сил. Читали исторический декрет Совнаркома от 28 января 1918 года об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В тексте декрета — поправки, сделанные рукою В. И. Ленина. Слова этого документа звучат как клятва: «В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма».

В музее хранится и служебная «Книжка красноармейца», которая была утверждена В. И. Лениным и Я. М. Свердловым.

В ней напечатаны декреты и распоряжения о Красной Армии; рассказывается о высоком назначении красноармейца и воинском долге. По предложению В. И. Ленина в книжку были включены основные положения суворовской «Науки побеждать».

С большим интересом мы прочитали листовку «Что такое Красноармеец», изданную в 1918 году военным отделом издательства ВЦИК:

«Солдат Красной Армии — вооруженный пролетарий, передовой боец революции. Он выполняет величайший долг — отстаивание завоеваний революции от ее врагов. Он приносит своему родному классу лучшее, ценнейшее, что имеет, — свою жизнь. Он не продажный наймит и холоп, он вступает в ряды Красной Армии, как передовой боец революции».

Увидели мы и документ-листок, посвященную красной звезде. Она начиналась словами: «Смотри, товарищ! Вот она, красная звезда. Ее носят красноармейцы на фуражках. Она — отличительный знак красноармейца».

Красная звезда — знак Красной Армии».

Еще один поиск. О нем рассказывает в своем дневнике Володя Павлов.

«14 мая 1967 года. Мне и Саше Савельеву поручено собрать материал о нагрудном знаке «Ударник», учрежденном в годы социалистической индустриализации. Символом какого массового движения стал он? Что означают цифры, изображенные на нем?

20 19 мая. Обратился к преподавателю истории в нашем

училище В. А. Мигуло. Он сказал: «Знак «Ударник» был всесоюзным. Цифры «4» и «5» обозначали «пятилетку в четыре года». К нему выдавалась книжечка ударника».

23 мая. Позвонили в ВЦСПС, нам посоветовали обратиться в Центральный Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

25 мая. Приехали в архив. Здесь внимательно выслушали нашу просьбу. Выдали временные пропуска с правом работы в читальном зале архива и допуска к материалам.

26 мая. Работаем в архиве. Читаем газеты. Интересно, но нужного материала нет.

27 мая. Просмотрели описи фонда СНК. Заказали три дела.

1 июня. Просмотрели описи фонда ВЦСПС. Заказали 12 дел.

3 июня. Просмотрели описи ВЦСПС. Находим имена награжденных значком рабочих. Очень интересно.

6 июля. Находим материал о книжечке ударника. Оказывается, она вышла до знака. У каждого завода была своя книжка.

9 июля. Ура! Фонд 5451. Опись 16.

Постановлением Президиума ВЦСПС от 14 ноября 1932 года Президиум ВЦСПС постановил объявить 1 января 1933 года началом второй пятилетки и Всесоюзным днем ударника.

Были установлены почетные звания лучшего рабочего данной профессии цеха, завода, района, области Союза ССР. Получившим почетное звание выдавался специальный значок.

С 1933 года вводится Всесоюзная книжка ударника.

* *

Клуб революционной, боевой и трудовой славы «Красная гвоздика» работает пять лет при Центральном Доме культуры учащихся профессионально-технических учебных заведений Москвы. Руководит им Евдокия Яковлевна Большакова. Мы были участниками двух Всесоюзных слетов. Получили дипломы и ценные подарки. Наш поиск продолжается.

Следопыты клуба «Красная гвоздика».

НАТАША КОЧУЕВСКАЯ

Отважная комсомолка москвичка Наташа Кочуевская девятнадцатилетней девчушкой добровольно ушла на фронт и погибла как герой.

Летом 1966 года следопыты клуба «Красная гвоздика» побывали на месте гибели Наташи — в калмыцких степях; прошли дорогой боев 28-й армии. В небольшом поселке Халхута у обелиска павшим героям ребята поведали местным жителям о юности и героическом подвиге Наташи Кочуевской. Они побывали на высоте, в трех километрах от Халхуты, где погибла московская комсомолка. Ее могилу ребята убрали красными гвоздиками.

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

В 1965 ГОДУ в № 7 «Уральского следопыта» был напечатан очерк Е. Бирюкова «Сквозь торосы и штормы», записанный со слов Х. Х. Чемборисова. Хайрулла Халиулович — участник экспедиции 1924 года на остров Врангеля, где был водружен Государственный флаг Советского Союза. У меня сохранились фотографии тех лет, имеющие отношение к событиям, описанным в очерке. Вот как они ко мне попали.

В 1923 году я приехал во Владивосток учиться в промышленно-экономическом техникуме. Здесь мы, учащиеся, создали сразу ячейку РКСМ, а губком комсомола прикрепил к нам эсминца «Сергей Лазо» для шефской работы. Меня избрали председателем шефской комиссии. Без всякой казенщины мы проводили вечера, диспуты. На комсомольские собрания приглашали

моряков эсминца. Устраивали прогулки за город, помогали на корабле выпускать стенгазету.

Но вот большую группу моряков с эсминца «Сергей Лазо» перебросили на канонерскую лодку «Красный Октябрь». Летом 1924 года она отправляется в поход в северные воды, чтобы освободить от захватчиков остров Врангеля. Покинув бухту Золотой Рог, канонерская лодка прошла очень трудный путь сквозь торосы и штормы к острову Врангеля.

Наконец моряки у цели. 21 августа 1924 года водружен флаг СССР.

Когда экипаж «Красного Октября» вернулся из трудного похода, мы, шефы, встречали своих друзей. В память об этой встрече сфотографировались на канонерской лодке.

Н. ТИМОШЕНКО

Золотой ливень

Я полон сил и озорства, я осенью счастливей.
Летит и кружится листва, как золотистый ливень.
Хомяк за ворохом шуришит, нору зерном напичкав.
И в лес, как щука в камыши, ныряет электричка.
И трактор — толстый носорог — зафыркал на полянах.
О, сколько стилей и эпох, земля, ты сберегла нам!
Скользит мой старенький баркас, и вроде между прочим
С Луны вот в этот самый час уходит к Веге летчик.
А здесь такая благодать, шуришит с боков осока.
Мне до воды рукой подать, а до звезды далеко.
Но о покое не моля, я тоже, честь по чести,
Две эти грани, как земля, соединяю вместе.
Я полон сил и озорства, я осенью счастливей.
Летит и кружится листва, как золотистый ливень.

Проплывают облака

Даль открыта и гулка, ветра гуканье сквозное.
Проплывают облака, чуть усталые от зноя.
Через горы и моря, шум березовый напевный,
Их приветствует заря — ясноокая царевна.
Дни, недели и года — все в дороге и в дороге!
Ну, куда они, куда, молчаливые пророки?
...Даль открыта и гулка, ветра гуканье сквозное.
Проплывают облака, чуть усталые от зноя.

* * *

Птицы, даль уремная, полдень яркий выдался.
Я с тобой, черемуха, столько лет не виделся.
Я черствей и сдержанней, это годы делают.
Ну, а ты по-прежнему тянешь ветку белую.
Будто вся из инея, ты в пылу цветения
То ли сказка зимняя, то ли боль весенняя.

ВАЛЕНТИН СОРОКИН

Перед дождем

Это месяц в затоне лежит,
Зацелованный баловень лета...
Это — яблоня тихо дрожит,
Вся охвачена кипенью света.
Заалели с краев небеса.
И стоит она,

буйно сверкая,—

Перед ней замирают леса,
Соловьи впопыхах замолкают.
Вся — кипение, завязь и страсть,
Символ юности

и постоянства!

Даже звезды случайно упасть
Возле этой принцессы бояться...
Каждый шорох, как снег, на весу
Растворяется в сумраке ночи.
...Только ливень — веселый плясун
Смело

смотрит ей в жаркие очи.

* * *

Чего судьба мне только не давала!
А жизнь моя, как прежде, нелегка.
...Оплаканные синью перевалы,
Наполненные солнцем облака.
Красавицу уже не покорю я,
В доме Кащей не взломаю дверь...
Вот сяду под скалой, да погорюю,
Подумаю, что делать мне теперь.
И подсмотрев, как снова я не плачу,
Седой Урал, по-стариковски прост,
За молодость, не знавшую удачи,
Преподнесет озерный ковшик звезд.
Он скажет громко: — Выбирай любую!
Но я устало руку отведу.
Ведь я ищу не просто голубую,
А самую высокую звезду.

Рисунки Ю. Ефимова

ТАНК "БЕСПОЩАДНЫЙ"

А. КУЗНЕЦОВ

НА УРАЛ пришла весна 1942 года.

В апреле начальник сборочного цеха одного из уральских заводов вызвал к себе в контору слесарей-сборщиков:

— Надо один сверхплановый танк сделать.

И пояснил, что деньги на этот танк дали писатели В. Гусев, С. Маршак, С. Михалков и Н. Тихонов и художники М. Куприянов, П. Крылов и Н. Соколов [Кукрыниксы].

Времени оставалось в обрез, и был составлен не только суточный, но и почасовой график. К маю танк КВ был готов. Представитель Госкомитета Обороны принял машину с оценкой «отлично».

Прибывший с Урала танк сгрузили в Болшево, под Москвой.

20 мая художники и поэты, на чьи деньги строился танк,— все, кроме Н. Тихонова, который находился в то время в блокированном Ленинграде, приехали «на смотрины». Танкисты показали им «Беспощадный» — так был назван танк — в движении, рассказали о работе систем и вооружения в бою.

В расположение бригады «Беспощадный» прибыл к вечеру 24 мая 1942 года. А на следующий день, на торжественном построении, он был «зачислен» в бригаду гвардии полковника Скубы.

Уже о первых боях, проведенных «Беспощадным» в 1942 году, писала газета «Правда».

...«Беспощадный» вел огонь с места по отступающей пехоте противника, и тут в бой лавиной двинулись немецкие танки — сразу двадцать восемь машин. На счету «Беспощадного» уже были поединки с одним и с двумя танками противника, но драться одному против двадцати восьми!..

— Что будем делать, хлопцы! — спросил командир танка Хорошилов у экипажа.

Командир орудия Фатеев, радист Егоров, механики-водители Царапин и Филиппов молча смотрели на своего командира. Потные, измазанные пороховой копотью лица... Он, старший лейтенант Хорошилов, сам должен сделать выбор и отдать приказ.

— К бою, ребята... Заводи, Егор!

Царапин нажал кнопку стартера, машина вздрогнула — сработали амортизаторы на катках, в окуляре прицела закачалась равнина, по которой шли черные танки, высоко за собою поднимая столбы пыли. Теплая дрожь двигателя передалась броне «Беспощадного».

Экипаж «Беспощадного».

Фатеев прикинул к окуляру прицела, пальцы сжали рукоятки механизмов подъема и поворота пушки.

Треугольник прицела лег на силуэт головного танка противника, нажата кнопка «спуск». «Беспощадный» качнулся, жарко обдало лица танкистов пороховой гарью, о стенку моторного отсека гулко ударились стреляная гильза...

«Беспощадный» принял бой.

Три машины противника поджег он, две подбил. Остальные, отстреливаясь, дали задний ход и скрылись за холмом...

Обстрелянным в боях встретил «Беспощадный» суровое лето 1942 года. Бои шли непрерывно. Едва ремонтники успевали устранить полученные «Беспощадным» повреждения, как танк снова шел в сражение. О тяжести проведенных боев лучше всего говорит одна пробоина лобовой брони и 23 вмятины от прямых попаданий.

«Дорогие наши, родные, тт. Хорошилов, Царапин, Фатеев, Филиппов, Егоров!» — писали танкистам на фронт художники Кукрыниксы. — Как приятно было прочитать о ваших подвигах в «Правде». Читая газету, мы произносили вслух все трое: «Вот это молодцы! Вот это герои! Сдержали свое обещание!» Но у нас тут же возник беспокойный вопрос: все ли живы, здоровы! Ведь в газете об этом не сообщалось ничего. И успокоились только тогда, когда получили от вас письмо, где сообщались подробности ваших славных дел и где вы писали, что весь экипаж невредим. Ведь вы стали родными братьями нашими, и все, что происходит с каждым из вас, нас волнует».

«Дорогие товарищи Хорошилов, Царапин, Филиппов, Фатеев и Егоров!» — писал Маршак. — Несколько дней тому назад мы с радостью прочли корреспонденцию в «Правде» о подвигах экипажа тяжелого танка «Беспощадный»...

Когда у вас будет свободная минута, напишите нам, что пришлось вам испытать, расскажите попросту, как было дело, как дрались вы, как выходили из трудных положений. Да и не только об этом. Напишите нам о себе, как пишете домой, о каждом в отдельности. Все вы очень нам дороги. Мы счастливы, что вы живы и невредимы, что первый боевой экзамен показал, как хорошо подготовились вы к исполнению своего воинского долга...

В августе-сентябре на участке бригады возобновились кровопролитные бои, еще более упорные, еще более тяжелые, чем в июле-августе. Вот что, например, доносил командующему бронетанковыми и мотомеханизированными войсками 16-й армии комиссар бригады Паршутин:

«...В 16.00—2.9.42 года танк «Беспощадный» в составе трех танков KB атаковал сильно укрепившегося противника в д. Воробьево. Умело маневрируя и ведя огонь, танк «Беспощадный» первым ворвался в деревню, где огнем уничтожил 5 танков, 3 пушки, 4 миномета, 4 дзота и 3 автомашины. Наша пехота овладела населенным пунктом и закрепилась в нем...»

За проявленную отвагу и мужество в борьбе против немецких оккупантов весь экипаж танка «Беспощадный» был награжден боевыми орденами. 21 сентября 1942 года 6-й отдельной танковой бригаде было вручено боевое гвардейское знамя.

Приближалась вторая военная весна. Ночью закручивали метели, а днем пригревало так, что мокрел снег, и с южных скатов крыш свешивались нити капели.

На участке бригады гитлеровцы сконцентрировали ударную группу. Командир бригады гвардии полковник Скуба получил приказ контратаковать противника. Не было известно ни точной линии оборонительных сооружений противника, ни расположения его огневых средств...

...Полковник Скуба вызвал к себе командира батальона.

— У меня нет другого выхода, майор, — сказал он. — Ты понимаешь, майор! Только разведка боем.

Некоторое время оба молчали. Они были кадровыми военными и хорошо знали, что такое — разведка боем: под тщательно организованный огонь обороны противника надо послать лучший, самый отважный и сплоченный экипаж. По нему будут вести огонь из всех видов оружия. А там, за линией наших окопов, командиры получат возможность по вспышкам выстрелов нанести на карту огневые точки противника и отдать приказ на атаку...

Майор и полковник долго молчали: практически из разведки боем редко кто возвращается. Оба они знали, что в эту разведку пойдет «Беспощадный», и оттого так долго молчали...

...Пока Филиппов, Фатеев и Егоров заправляли машину топливом и пополняли боекомплект, Хорошилов и механик-водитель Царапин вместе с комбатом прошли по маршруту до реки, неширокой и скованной льдом. Кое-где виднелись «окна»: саперы замеряли глубину брода и толщину льда. У берега были воткнуты в снег две вешки, обозначающие проход. Иногда со стороны леса раздавался треск автоматной очереди. Время от времени за лесом перед участком бригады взлетали осветительные ракеты.

Старший сапер доложил, что проход в минном поле проделан, что у брода в назначенное время машину будут ожидать люди, которые проведут ее через минное поле к просеке, где у немцев нет никаких постов.

В половине пятого экипаж «Беспощадного» разбудил дежурный.

Раскидали лапник, которым была укрыта машина. Царапин и Филиппов забрались в танк. Стало слышно, как заработали ручные насосы подкачки топлива и масла, как защелкали тумблеры. Пока Егоров бегал к дневальным набрать во фляжки кипятку, Царапин завел двигатель, поставил его для прогрева на малые обороты и вместе с Филипповым вылез из машины. Присели на поваленное дерево, открыли тушенку, нарезали сало.

Царапин волновался: только что курил в машине, и здесь, перед едой, закурил снова.

— Брось, Егор, — сказал ему Хорошилов. — Дай хоть перекусить на свежем воздухе.

Царапин молча положил на снег папироску, придал каблук. Стал есть, подцепляя тушенку кончиком ножа.

В предутреннем лесу было зябко. Хорошилов почувствовал легкий озноб. Механики, Царапин и Филиппов, уже перемазались в машине: носы черные. И смех и грех.

— Умылся бы ты, Егор, что ли! — хохотнул Филиппов.

— Ты на себя посмотри, — сказал Фатеев и полез за зеркальцем.

С. Я. Маршак передает командиру экипажа танка П. М. Хорошилову дарственный диплом.

Молчал лишь Егоров. Молчал, ел, но дело свое — главного завхоза экипажа — не забывал: у его ног лежал туго набитый вещмешок с пайком.

Меж тем дневальный разбудил и другие экипажи, по лесу заходили, заговорили приглушенно. Зашуршали о броню ветки — сбрасывалась маскировка. Батальон готовился к атаке. Но с заведенным двигателем стоял только «Беспощадный». Под струями выхлопных газов оттаивал снег.

Кто-то подошел сзади, спросил:

— Куда, хлопцы, спешите! Машину перегреете.

— В гости, — отозвался Филиппов и с ухмылкой уточнил: — К теще на блины.

Все, что осталось от завтрака, Егоров запихал в мешок, пошел к машине, влез на башню.

— Да брось ты сидор, все полегче двигателю будет! — и сюда сунул нос Филиппов.

Егоров отмахнулся: не до шуток.

Хорошилов поглядел на часы:

— По местам, ребята!

К броду подошли в назначенное время. Высунувшись по пояс из люка командирской башенки, Хорошилов еще издали заметил саперов.

Саперы обрадовались, видно толклись здесь уже порядочно и озябли. Они побежали навстречу, замахали руками, стали взбираться на бро-

ну, мостились на крышках моторного отсека, откуда шел жар. Хорошилов сказал им:

— Только через реку. Дальше, по минному полю, пешком пойдете: один справа, другой слева, по ширине прохода, чтобы нам не напороться...

Саперы закивали — известное, мол, дело.

Лед в реке не выдержал, подломился. В пролом тотчас же поднялась вода, растеклась по льду.

Вешки на другом берегу были едва заметны, но танкисты выбрались точно меж ними, ссадили саперов, и танк медленно двинулся прямо по их следам.

Когда достигли леса, Хорошилов опять посмотрел на часы. Сверился по карте с расчетом времени. Минуты три сэкономили.

Прощались с саперами. Хорошилов разрешил перекурить. Напоследок. Кто знает, когда еще доведется.

Еще раз посветив фонариком и сверившись с картой, командир приказал Егорову:

— Пулемет к бою!

Они были уже за линией фронта. Впереди их ожидала неизвестность.

Где-то вдалеке, так же, как и вечером, взлетали в небо осветительные ракеты. С обеих сторон лениво постреливали.

Пошли просекой, как темной улицей. С обеих сторон — непроглядная лесная глушь.

— Вот где батальонам-то пройти, Павел Максимович, — сказал Егоров, тоже по пояс, как

и Хорошилов, стоя в люке — так удобнее наблюдать.

— Еще чего скажешь, Алеша! — отозвался Хорошилов. — Один, два, ну три экипажа просекой пройдут... А дальше что! В лесу же не раз вернуться, перещелкают по очереди. А по полю...

Вдруг что-то промелькнуло через просеку: никак машина! Значит, там шоссе.

— К пулемету, Алеша! — приказал Хорошилов. И второму Алексею, Фатееву: — Что-нибудь видишь?

— Да ни хрена без фар не вижу...

— Огонь — только по команде.

Егоров влез в башню, захлопнул за собой люк.

Здесь, в просеке, возле самого шоссе, был немецкий пост: метров за пятьдесят до шоссе из лесу выбежал немец, посветил фонариком, показал, что ехать — влево. Едва он отбежал, как «Беспощадный» вкатил на шоссе. Через кювет влево, в лесок, вели отпечатки гусеничных траков. Метров через сто Хорошилов велел остановиться, развернуть машину и посветить на лес фарами. На опушке стояло с десятков машин с крестами на башнях, экипажей не было видно. Часовой с автоматом на груди, ослепленный фарами, погрозил кулаком: чтобы не светили, не нарушали маскировки.

— Подчинись, Егор, — усмехнулся Хорошилов, и Царапин включил фары. — Теперь прямо по шоссе, не останавливаясь. Километра через два будет хутор, там тоже посветишь... В общем, по обстановке... — И Егорову: — Передай, Алексей, нашим...

Хорошилов опустил в люк, посмотрел на карту.

— В квадрате... — он назвал квадрат, — сто пятьдесят метров от просеки и пятьдесят от шоссе, до десятка машин противника. Пока не опознан, иду к хутору.

Когда подошли к хутору, было по-прежнему темно. Царапин опять посветил. И тут тоже были танки — до десятка машин. Радировали в батальон. Но по хутору уже забегали, заматались темные фигурки.

— Опознали, гады! — сказал Хорошилов.

В крайней избе сквозь неплотно завешанные окна пробивались полоски света. Поверху, с крыш, подпертые шестами, свисали кабели. Связь. Две полевые машины стояли во дворе.

— Вправо — никак штаб! Фатеев, пугни осколочным! — крикнул Хорошилов.

«Беспощадный» стал. Царапин включил фары, и как только в избе отворилась дверь и показались фигуры в офицерских шинелях, Фатеев выстрелил...

— Егор! Дави машины во дворе! — крикнул Хорошилов. Царапин отпустил рычаг сцепления, всех тряхнуло, и «Беспощадный» ввалил во двор

осевшего после взрыва дома, смял стоявшие во дворе автомашины и, раскидывая дымящиеся бревна, снова выскочил на шоссе. По броне уже цокал град пуль, отовсюду по танку били из автоматов...

— Направление 0 — 30! Из пулемета — огонь! — приказал Хорошилов.

Фатеев развернул назад башню. Там, в хуторе, выбежав на дорогу, несколько автоматчиков вели стрельбу в угон. Фатеев пугнул их двумя очередями и снова развернул башню по ходу машины.

У деревни уже развиднело настолько, что включать фары не потребовалось. Позади ухнуло несколько снарядов: должно быть, наши танки ударили с закрытых позиций.

На шоссе перед древней противник спешно занимал оборону, Фатеев выпустил несколько очередей из пулемета, и «Беспощадный» ворвался в деревню. Отовсюду стреляли из автоматов, и лишь в конце деревни на полотно шоссе выползли из дворов два танка. К одному из них еще бежал замешкавшийся танкист, на ходу натягивая комбинезон.

Егоров уже докладывал:

— Бронебойным готово!

Один из немецких танков выстрелил. Ударило по башне, но в следующий миг все с облегчением услышали визг уходящего в сторону снаряда: рикошет. «Беспощадный» тряхну-

С. А. Паршутин.

М. К. Скуба.

ло, — теперь уже Фатеев ударил из своей пушки. Стрелявший немецкий танк словно бы скорчился: башня съехала вперед, ствол ткнулся в снег. Из танка повалил дым. Из люка что-то вскинулось и осталось лежать на броне.

— По второму, по второму, черт!..

Но Фатеев уже разворачивал ствол пушки, и Егоров опять докладывал:

— Бронебойным готово!

Фатеев нажал на спуск. Немецкий танк дрогнул, подался в кювет, извернулся боком и загорелся. И почти тотчас же в нем взорвался боекомплект.

— По усадьбе, Егор! По усадьбе объезжай...

Подбитые машины врага загораживали путь, и Царапин повел «Беспощадный» прямо по плетням, в обезд...

Почти совсем рассвело. Из траншей выскакивали вражеские пехотинцы и бежали через поле. А за деревней, на окраине которой догорали только что подбитые танки, готовились к бою орудийные расчеты.

Егоров из пулемета очередями сходу прижал их к земле, и Царапин, давая орудия, повел танк по огневым позициям.

Ко второй батарее они шли уже под огнем пушек, заваливая окопы.

Они успели повредить два из трех противотанковых орудий у опушки леса, когда перебило траки левой гусеницы.

Теперь «Беспощадный» вел с места круговой огонь, вспахивая снарядами и пулеметными очередями снежное поле, по которому бежали и ползли, стреляя из автоматов, немцы.

Лицо Егорова блестело от пота и крови. При попадании снаряда в башню радиста бросило головой на затвор пулемета.

— Держись, держись, Павел! — кричал по радиации Хорошилову полковник Скуба. — Черепашки пошли... Уже скоро...

И связь оборвалась. Егоров вдруг повалился. Лопнули зажатые в руке провода меж блоками радиации, за которые он ухватился, падая. А пуля, прошив Егорова, заклинила еще и механизм поворота башни.

Для кругового осмотра оставалась исправной лишь командирская башенка. Теперь танкисты отбивались гранатами, а когда гранаты кончились, открыли pistolетные окна. Но немцы не показывались там, где были окна. Вот они уже на машине, разбивают выстрелами приборы наблюдения.

— Рус, сдавайся! — кричат чужие голоса. Каблуки и приклады отстукивают по броне.

Раза два Царапин давал газ, и немцы, слыша вой запускаемого двигателя, всякий раз прыгивали с брони, но потом это перестало на них действовать.

Тогда Хорошилов приказал:

— Ну-ка, замрите, ребята! Скоро подоспеют наши.

И пять раз выстрелил из pistolета.

За броней стихло. Немного погодя, прильнув лицом к поврежденному прибору наблюдения, Хорошилов увидел бегущих от леса немецких солдат с охапками соломы: немцы решили поджечь танк.

— Ну, все, ребята, конец, — сказал Хорошилов.

Царапин и Филиппов пролезли в боевое отделение. Царапин шлемофоном закрыл Егорову лицо.

Услышав голоса и возню в машине, немцы закричали:

— Шнель, шнель!..

И тогда Хорошилов услышал далекий гул двигателей, резкие хлопки орудийных выстрелов, треск очередей: бригада пошла в атаку.

Хорошилов, сплюнув, затушил сигарку. Боевое отделение заполняло дым горячей соломы.

— Включи вентилятор! — приказал Хорошилов Фатееву. Щелкнул тумблер, вентилятор заработал, но тяги не было: немцы заткнули щели в броневом колпаке вентилятора.

Фатеев вдруг запел. Хорошилову рассказывали, как поют перед смертью бойцы. Он не верил этим рассказам. Не верил, что можно петь перед смертью: до этого ли! Но теперь и он тоже запел. Уже не видно было лиц товарищей, резало глаза, нечем было дышать.

Хорошилова, Царапина, Фатеева, Филиппова и тело погибшего Егорова вынесли из обожженной машины подоспевшие товарищи.

Все, кроме Егорова, через несколько дней вернулись в строй.

24 и 25 февраля экипаж танка уже снова участвовал в боях в составе бригады севернее Жиздры. А в начале марта 1943 года экипаж «Беспощадного» провел свой последний бой. Вот что говорится о мартовских атаках экипажа в донесении командования бригады:

«За период с 1 по 5 марта в р. Ашково противнику нанесены следующие потери экипажем «Беспощадного»: танков сожжено и подбито — 8, минометов — 2, ПТО — 7, пулеметов ручных и станковых — 17, автомобилей — 7, тягачей — 1, уничтожено живой силы — до 2-х рот.

В первой атаке танк «Беспощадный» получил две сквозные пробоины. Были ранены механик-водитель Царапин и радист Стародубцев, но Царапин, преодолевая боль, вывел танк из-под обстрела. После короткого ремонта танк «Беспощадный» вновь пошел в атаку. В следующей атаке был убит Хорошилов и ранены механик-водитель Филиппов, заменивший Царапина, и радист Игнатов. Танк вновь был восстановлен. Третью атаку провел гв. старшина Фатеев. В последнем бою, отомстив за товарищей, погиб Фатеев...»

На этом и заканчивается боевая летопись славного тяжелого советского танка КВ «Беспощадный». След его затерялся.

Но не забылись подвиги героического экипажа «Беспощадного».

Прошло двадцать три года со дня окончания войны, многие не вернулись домой, к матерям, сестрам, женам и детям. Погиб Павел Хорошилов, гвардии старший лейтенант, коммунист. Погиб командир орудия гвардии старшина Алексей Фатеев. Погибли радисты, гвардейцы Егоров, Стародубцев, Игнатов. Погиб комбат, гвардии майор Ситник. Тот гвардии майор, что послал экипаж «Беспощадного» в легендарную разведку.

Но остались в живых два члена экипажа танка КВ «Беспощадный». Царапин Е. С. и Филиппов Г. И. Жив и бывший командир отдельной гвардейской Ельнинской Краснознаменной ордена Суворова, ордена Богдана Хмельницкого танковой бригады гвардии генерал-майор танковых войск М. К. Скуба. Ныне он в отставке, живет на Украине в городе Сумы. Бывший комиссар бригады С. А. Паршутин тоже в отставке, проживает в Житомире.

СЕМЬ ДНЕЙ, СЕМЬ НОЧЕЙ

А. В. ПАВЛОВ

Александр Васильевич Павлов был поручиком царской армии. С первых дней Октябрьской революции решительно принял сторону восставшего народа. Свой богатый военный опыт он отдал организации вооруженных сил молодой Советской Республики. Летом 1918 года А. В. Павлов прибыл на Восточный фронт. Командовал полком, бригадой, а с мая 1919 года — 27-й стрелковой дивизией. С его именем связаны многие боевые операции в Башкирии, на Урале, в Западной Сибири. С осени 1919 года его ставят во главе 10-й армии Южного фронта. По окончании гражданской войны А. В. Павлов командовал корпусом, войсками Западного и Приволжского военных округов, работал преподавателем Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. В 1934 году им были написаны воспоминания о гражданской войне, в том числе — об освобождении Челябинска.

Публикацию воспоминаний А. В. Павлова, отрывок из которых мы предлагаем вниманию наших читателей, подготовил научный сотрудник Центрального Государственного архива Советской Армии О. А. Полетаев.

Челябинск, узел всех путей, ведущих с запада на восток, являлся важнейшим стратегическим пунктом.

Противник понимал всю тяжесть последствий в случае выхода красных войск на Сибирскую равнину, поэтому к выходам из горных дефиле Урала по реке Миассу были выставлены все те войска, которые могли быть собраны командованием колчаковской армии. Пользуясь условиями местности, противник особенно сильно укрепил свои позиции, усилив их проволочными заграждениями, по реке Миассу в районе железной дороги, подтянув сюда сильную артиллерию, вплоть до тяжелых калибров. По линии железной дороги курсировало несколько бронепоездов. На этом участке действовала доблестная наша 26-я стрелковая дивизия. На стыке 26-й и 27-й дивизий противником были собраны 12-я Уральская дивизия, 1-й егерский батальон, 5-й и 18-й полки 5-й Оренбургской бригады казаков, 12-й конный дивизион¹. На фронте 27-й дивизии (в центре и на левом фланге) — 4-я Уфимская дивизия, 4-й егерский батальон, легкий артдивизион, 3-я отдельная Оренбургская казачья бригада, 8-я Камская дивизия, 12-й Оренбургский казачий полк, 1-й конный отряд и конногорная батарея — всего 6500 штыков, 1800 сабель, 142 пулемета, 23 орудия.

К тому времени 27-я дивизия, усиленная прибывшими пополнениями, насчитывала 7535 штыков, 277 сабель, 164 пулемета и 20 орудий. Силы почти равные, но белые занимали укрепленные позиции, красные же части были окрылены предыдущими победами и неудержимым стремлением вперед, к Омску, где сидел враг рабочих и крестьян — кровавый Верховный правитель белых адмирал Колчак.

¹ Здесь и ниже автор приводит цифровые данные на основании оперативных материалов 5-й армии Восточного фронта.

Среди населения, и особенно в станицах челябинского казачества, шла самая беззастенчивая агитация. Пользуясь тем, что челябинские казаки — в большинстве староверы, очень преданные своим религиозным убеждениям, агитация белых главным своим содержанием имела религиозную установку. По станицам распространялось и устно, и письменно, что большевики — звери, которые в бога не верят, все иконы оскверняют и жгут на дрова, скотину режут, а жен и девушек бесчестят, заставляя присягать Ленину и в посты есть мясо.

Под влиянием этой агитации население казачьих станиц и поселков, способное носить оружие, ушло к белым. Скот был загнан по лесам и болотам и скрывался в тайниках. В населенных пунктах оставались только старики и старухи.

Эта агитация, как ни странно, давшая вначале положительные результаты для белых, обернулась вскоре совершенно не в их пользу. Как только были нашими частями заняты первые казачьи поселки и станицы, оставшиеся казаки — старики и старухи, — приготовившись, как они сами впоследствии говорили, «принять мученический венец», воочию убедились, что их церкви-молебни остались в полной сохранности, а иконы старого письма никто не трогал; что постную пищу, рыбу и борщ, красноармейцы и командиры уплетают с преогромнейшим аппетитом не только по постным, а и по скоромным дням; что не только скота никто не трогал, а наоборот, подкармливая своих коней, подбрасывали клочок сена корове или овце квартирохозяев, а за каждую взятую курицу расплачивались деньгами по обоюдному соглашению; вместо оргий, которые устраивало по станицам пьяное белое офицерство, увидели трезвых, степенных крестьян, таких же, как они сами. Настроение сразу изменилось в нашу сторону. Полетели ходки к ушедшим станичникам, и те поодиночке и группами стали возвращаться в свои станицы. Наконец в одной из станиц, где временно остановился штаб дивизии, ко мне и комиссару явились несколько стариков и попросили разрешения перейти им фронт наших войск и отправиться к белым, чтобы рассказать своим сыновьям-казакам об обмане, в который их ввели «офицеры».

После небольшого совещания между мной и комиссаром мы решили такое разрешение дать. Старики с нашими проводниками были пропущены через фронт и направлены к белым. Результаты сказались очень быстро: уже через неделю к нам стали переходить казачьи сотни в полном составе и при оружии, ушедшие до этого к белым. Многие из них выражали даже желание встать в наши ряды. От этого предложения мы осторожно отказывались: холодное оружие оставляли у казаков, а огнестрельное сдавалось ими по описи к нам на хранение.

Перелом наступил в нашу пользу, и это, как показали дальнейшие события, сослужило свою службу.

Директивами командарма-5 тов. Тухачевского, отданными 17 и 22 июля, ставились задачи: 26-й дивизии, наступая вдоль железной дороги Златоуст — Челябинск, к 25 июля выйти на фронт Томинский — Синеглазовской — Челябинск исключительно; 27-й дивизии — овладеть городом Челябинск, 35-й дивизии, наступая в направлении на завод Ниж. Кыштымский, занять фронт Петровская — Неяская — Сафонов.

При выполнении этого приказа дивизия всту-

пила в упорный бой с противником, оборонявшимся на линии реки Миасс. Ожесточенный бой длился около двух суток. Наконец, сопротивление противника было сломлено. К исходу суток 23 июля 3-я бригада, не встречая серьезного сопротивления противника, вышла на указанный приказом фронт. К этому же времени 26-я дивизия вела упорные бои на фронте Архангельский — Тохтыбаево.

Командир 3-й бригады тов. Хаханьян решил по своей инициативе ночным налетом хотя бы одного полка ворваться в город Челябинск. Задача была возложена на храбрый 242-й Волжский полк под командой известного теперь всей Красной Армии героя Степана Вострецова. Полк, идя в голове бригады, после короткого боя в районе станицы Кременкульская, ворвался в город, захватив узловую станцию Челябинск.

Большая станция была переполнена эшелонами всякого наименования до отказа. Кроме эшелонов с военными грузами и имуществом, здесь были эшелоны с богатыми буржуазными семьями, которые, оставив насиженные места по пути наступления Красной Армии, забрав наиболее ценное свое имущество, с комфортом устроились в теплушках и, очевидно, сдавшая обильными взятками железнодорожное и военное начальство белых, с удобствами, по мере надобности, передвигались на восток в эшелонах. Неожиданное появление красных бойцов на станции произвело такую невообразимую панику среди населения этих эшелонов, которую трудно описать. После первых же пулеметных очередей буржуа пустились, как зайцы, наутек во все стороны, оглашая летнюю ночь воплями и стенаниями. Большая часть их была днем собрана и водворена на жительство в городе Челябинске.

Один генерал, ужинавший в санитарном поезде в окружении сестер милосердия, до последнего момента успокаивал всех, что здесь какое-то недоразумение, что красные не могут быть здесь. Только тогда убедился в этом, когда сам Вострецов и несколько красноармейцев ввалились в вагон. Увидев хорошо и обильно уставленный яствами стол, оттеснив генерала в сторону, они уселись за стол сами и, не обладая изысканными манерами, стали с волчьим аппетитом уничтожать все, что было хотя и не для них, но вкусно и хорошо приготовлено.

На станции Челябинск было захвачено 58 исправных паровозов, 1470 вагонов, 40 пулеметов, 3 орудия, 3 бронепоезда, 4000 пленных и огромное количество интендантского и санитарного имущества. Сам город все предыдущее время представлял собою основную базу для всего фронта белых. Все склады, магазины и мало-мальски подходящие помещения были заполнены разнообразными товарами, начиная от изящных американских лакированных ботинок до модных шляпок парижских модниц. Пищевые продукты — белая мука, масло, кетовая икра, мясо — были в изобилии. Наши тылы и обозы, отставшие от стремительного марша дивизии, нас несколько не беспокоили: продукты, захваченные в Челябинске, обеспечивали питание всей армии на длительный срок.

Штаб 24 июля утром прибыл в Кременкульское. Взятие Челябинска было полной неожиданностью даже для командования дивизии. Было ясно, что если внезапной ночной атакой удалось захватить силами одного полка город и важнейший железнодорожный узел, то ведь еще

не все сделано. Надо было во что бы то ни стало удержать его, так как общая обстановка властно говорила за то, что со стороны противника будут предприняты все меры, какие только возможны, для обратного взятия узла.

Наша дивизия оторвалась временно от других частей армии и в особенности от постоянного мощного соседа — братской 26-й дивизии — и должна была рассчитывать временно только на свои собственные силы. Поэтому необходимо было всю дивизию, собрав в кулак, сосредоточить в районе города и, прибегая даже к круговой обороне, удерживать город до подхода наших сил. Стойкость полков, их мужество, их вера в своих начальников не допускали ни малейших сомнений.

Во исполнение этого решения форсированными маршами к исходу 24 июля дивизия заняла следующее положение. 3-я бригада: Кайгород — Мысово — Шершни — Челябинск; 2-я бригада: Долгодеревенская — Челябинск — Першин; 1-я бригада: Касаргинский — станция Касарги. Штаб дивизии расположился в городе Челябинске.

Как и надо было ожидать, для нанесения нашим силам контрудара и восстановления утраченного положения, противник, кроме сил, действовавших раньше в районе Челябинска, подтянул свежую 13-ю Сибирскую дивизию, состоявшую из трех полков по 1500 бойцов в каждом, прекрасно обмундированных и вооруженных, при сильной артиллерии. Полки эти, по словам взятых нами впоследствии в плен офицеров, «производили отрядное впечатление» по своей боевой подготовке, выдержке и боевому настроению. Эта 13-я дивизия, вместе с 4-й Уфимской, 8-й Камской и отрядом сводных кавалеристов из казачьих полков генерала Волкова, собранные в кулак, уже 25 июля перешли в энергичное наступление. Жестокий бой на подступах к городу Челябинску, то ослабевая, то доходя до крайнего напряжения, длился непрерывно в течение семи дней.

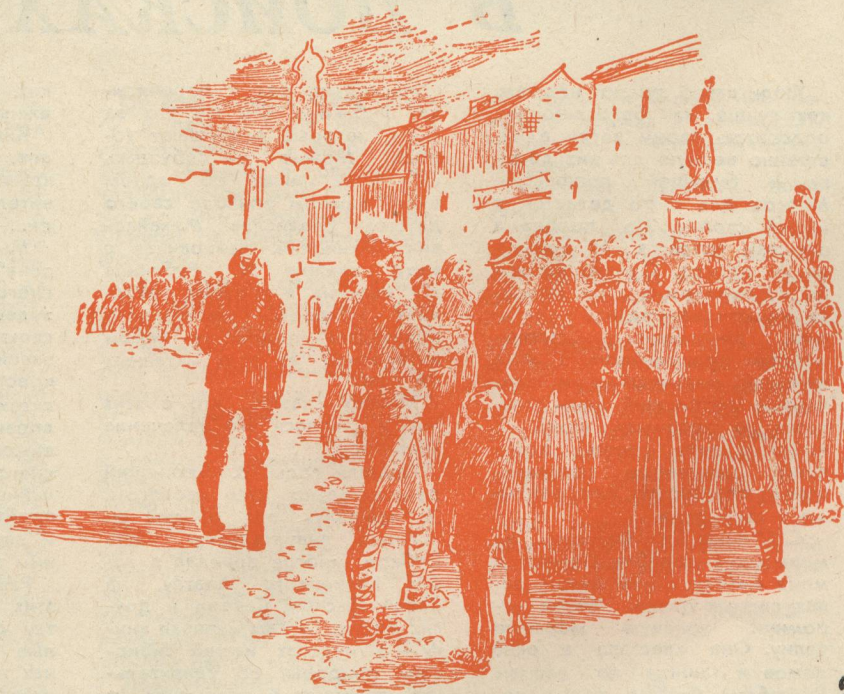
Этот исключительный по своему напряжению и упорству бой не может быть полностью описан только сухим перечислением этапов боя и описанием маневра, совершаемого теми или другими полками. Необходимо поэтому несколько подробнее осветить ту обстановку, в которой протекал этот бой, так как именно эта обстановка в конечном счете решила результат боя.

Челябинск был городом с преобладающим населением рабочим. Сюда к описываемому моменту собралось много рабочих из окружающих горных заводов. Основная компактная масса горняков из челябинских угольных копей — шахтеры в количестве до 10 000 человек, забравши свои семьи, бросили пожитки и копи и собрались в городе.

Красноармейцы и командиры различных частей дивизии, попав в город, не только нашли в нем изобилие всего, что нужно, вплоть до хорошего табака и душистой махорки, в которой мы до этого очень нуждались, но они нашли в рабочих близких, родных им по духу людей, которые радушно их принимали как своих братьев, деля с ними все, что можно было разделить. Красноармейской массе без всяких объяснений было понятно, что даже временное оставление города повлечет за собой поголовную резню и издевательства над семьями рабочих, собравшихся в городе. Поэтому решимость отстаивать город до конца была принята добровольно и твердо, а это очень много значило.

Нахождение старшего командного состава — как командира дивизии, так и командиров бригад, — здесь же в городе, под огнем, в передовых шеренгах бойцов, тоже имело большое бодрящее значение, не говоря уже о том, что нахождение на поле боя давало командованию возможность немедленно учитывать все нюансы разыгрывающегося большого сражения и немедленно принимать те решения, которые требовались обстановкой боя.

Но наряду с плюсами имелись и минусы. Прежде всего, в городе было до 5000 пленных, которые своевременно не могли быть отправлены в тыл и оставались на нашем попечении. Во-вторых, челябинская пересыльная тюрьма, находящаяся на окраине города, в районе боя, была полна преступников самых разнообразных профессий, от мелких воришек до разбойников, рецидивистов (политических мы немедленно освободили). Население тюрьмы определялось примерно до 3000 человек, которые все время досаждали нам своими воплями и просьбами выпустить их из тюрьмы, действительно находящейся под артиллерийским огнем противника. И, наконец, тре-

тые: в городе были колоссальные запасы водки. Водка, проникнув в войска, могла в этих исключительных обстоятельствах сыграть роковую роль.

С пленными вопрос разрешился сравнительно просто. Вооружив несколько десятков рабочих, дабы не ослаблять выделением конвоя боевых частей, пленные были отправлены в сопровождении этого импровизированного конвоя в тыл.

С тюрьмой было дело сложнее. Выпустить и пополнить город разбойниками и ворами, деклассированным элементом, было совершенно невозможно: и без этого охотников пожить в общественной собственности было достаточно, несмотря на суровые меры расправы с грабителями. Было решено держать их до последней возможности под замком, а в случае мятежа принять решительные меры, о чем им и было объявлено. Освобождены были только женщины.

Еще труднее было с водкой и спиртом. Запасы их были колоссальны. К крупным складам и цистернам была приставлена охрана, водку же, находящуюся в стеклянной посуде, решено было уничтожить. Это дело поручено было помощнику коменданта города — матросу. Через некоторое время мы были в достаточной степени удивлены, когда помощник коменданта, вернувшись, заявил, что он просит освободить его от этой обязанности уничтожения водки, так как, дескать, у него рука на это не подымается. Пришлось поручить это дело нескольким коммунистам из политотдела дивизии.

Оставался еще один крупный нерешенный вопрос: как быть с рабочими, в какой степени их можно использовать как боевую силу?

Этот вопрос не представлял собою какой-либо трудности в смысле готовности рабочих, и в особенности шахтеров, принять участие в бою. Многие из них, в особенности молодежь, уже без нашего вмешательства были в боевых линиях если не в качестве бойцов, то в качестве санитаров, подносчиков патронов и исполняющих другие многочисленные обязанности в боевом тылу полков.

Были сформированы рабочие сотни. Во главе их поставлены командиры из их же среды, бывшие в свое время унтерами. Вооружения было в нашем распоряжении более чем достаточно. Все получили винтовки, по два пулемета на сотню. Таким образом в нашем резерве оказалось около тысячи пролетариев-бойцов.

С рассветом 25 июля противник перешел в решительное наступление. Энергичным ударом 239-й и 240-й полки были сбиты с фронта Долгодеревенская — Касаргинский, однако после ряда контратак они вновь заняли эту линию. Оттеснив 240-й полк в район Ужевка, противник устремился по тракту на Челябинский, который прикрывался подошедшими в район Каштакский 236-м и 238-м полками. Остальные части дивизии занимали к этому времени следующее положение: 242-й и 243-й полки заняли с боем Тагайкуль и Коновалов, 235-й полк — район Круглый, 237-й — Першин.

Противник, усилившийся 12-й Сибирской дивизией, переброшенной из тыла, теснил наши части, направляя удар на Акбашево, стремясь обойти левый фланг 27-й дивизии и выйти в тыл к Челябинску с северо-запада.

В ПОИСКАХ СВОЕЙ

Люди давно думают над тем, как лучше, как безошибочнее подсказать своим детям единственно верную для них дорогу к будущей профессии. Многое для этого делается в нашей стране. Но проблема все-таки остается. И решить ее не просто. Однако какими бы открытиями в этом вопросе ни ознаменовалась педагогика, по-прежнему старым добрым проводником в еще неясный мальчишкам и девочкам завтрашний день останется их любимая книга. Я имею в виду прежде всего книги, написанные специалистами, бесконечно влюбленными в свое дело.

«...Я плыл к Везувию на маленьком корабле Плиния и меня вместе с ним душил запах серных паров. Видел огромную зеленую морскую волну. Она хлестала в окна домов и тащила по улицам Лиссабона бревна, лодки, корабли...

Несколько раз я перечитывал Рубакина. Что же это за силы, которые разрушают города? Можно ли обуздать их?» — так пишет об одном очень важном эпизоде своего детства Владислав Михайлович Ляхницкий. Невзрачная с виду книжка Н. Рубакина «О великих и грозных явлениях природы» неожиданно показала подростку самой интересной из всех читанных им книг.

Можно сказать, что с этих пор и началось его увлечение геологией.

Прошли годы. В. Ляхницкий действительно стал геологом. За тридцать лет работы он исходил значительную часть Сибири, многое повидал в горах Кузнецкого Алатау, на Забайкальском Севере и других местах. И сам написал книгу — о чудесах нашей сибирской природы, об удивительных явлениях и открытиях, о замечательных людях-сибиря-

ках, встречавшихся ему на таежных тропах.

Книга составлена из рассказов, и каждый из них притрачивает нам ту или иную удивительную особенность Сибири...

Мы читали сказки Мюнхгаузена о городке, засыпанном снегом, — помните, когда безудержный бахвал привязал свою лошадь к столбику, окавшемуся потом верхушкой креста на церкви? Но сказка сказкой. А В. Ляхницкому и вправду приходилось не раз зимовать в избах, занесенных снегом по самую трубу. Случайный путник мог свободно пройти по снегу над крышей и даже не заметить, что под ним жилье.

Разве не удивительно, что в этих местах Кузнецкого Алатау снег иногда скрывает целые леса, особенно на склонах гор, где толщина покрова достигает пяти-шести метров. А рядом, в каких-либо ста

28 июля бои на всем фронте достигли сильнейшего напряжения. Боевая линия временами отходила до окраины города. Настойчивыми контратаками железные полки, утомленные многодневным напряженным боем, вновь и вновь отбрасывали наседающие полчища противника. Захваченные нами в Челябинске бронепоезда принимали самое деятельное участие в бою, курсируя по железнодорожным линиям. Все резервы до последнего человека были использованы. В этот критический момент были брошены в бой сотни пролетариев-рабочих, шахтеров. С пением «Интернационала» шли они стальными колоннами в горячий бой на подступах к Челябинску. Порыв их был всепокрушающим. Многие положили здесь свои головы за дело рабочего класса. Вечная им память!

На участке 26-й дивизии к этому времени был достигнут перелом и, сломив силы противника, дивизия быстро продвигалась вперед, сближаясь с 27-й дивизией, ведущей кровавые бои за Челябинск. 29 июля 27-я дивизия получает мощную помощь своей соседки, выделившей 233-й полк из состава дивизии в распоряжение начдива-27. Кроме того, из армейских средств поспевают к Челябинску пять легких батарей. Эти существенные подкрепления, подоспевшие в критический момент боя, решают дело в нашу пользу. Все яростные атаки противника отбиты. Инициатива была вырвана у противника и перешла в наши руки.

К полудню 1 августа бой за Челябинск кон-

чился. 27-я дивизия заняла 1-й бригадой фронт Козырев — Худяково, 3-й бригадой Анфалов — Миасская и 2-й бригадой Хорино — Лопшино. В боях за Челябинск было взято 4192 пленных и много военного имущества.

Противник, разбитый и деморализованный, отходил вдоль железной дороги на Курган, за реку Тобол, обессиленный, ведя слабые арьергардные бои.

Так кончился упорный семидневный челябинский бой. Велика была радость рабочего населения города Челябинска, когда после грома беспрерывной канонады, потрясавшей день и ночь город, наступила тишина. На площадях, в садах — всюду шли митинги. Спешно грузились эшелоны с мукой, маслом и кетовой икрой в Москву. Полки после боев щеголяли в новеньких френчах, в английских и американских ботинках. Воскресала остановившаяся промышленность, заработали шахты, подавая на-гора уголь, который так нужен был нашему железнодорожному транспорту и заводам. Беспрерывной лентой, усилившись захваченными в Челябинске паровозами, наш транспорт повез хлеб, мясо и другие продукты на запад, в далекую Россию, где в этом особенно нуждались. 27-я дивизия, передохнув пару дней, похоронив товарищей, павших в бою, ринулась лавиной дальше по широкому простору сибирской равнины.

Рисунок Е. Стерлиговой

ВЕСНЫ

километрах, — в Хакасии — снега нет вовсе. Там весь год на телегах ездят...

В. Ляхницкий пишет о покорителях снежных лавин, о работе на золотых приисках, о силаче Федоре, который никак не мог «разрубить» топором струю воды, бьющую из монитора. О реках на горе, о «загорающих» рыбах, о снежном человеке, который оказался... обыкновенной росмахой, о горном ключе Амурдакене, температура воды которого — почти сто градусов. Для того, чтобы искупаться, геологи отходят от ключа метров на четыреста. Там температура воды уже градусов тридцать. Сбрасывают полшубки в снег, раздеваются и нежатся в теплой речке. Протянут руку — сугроб, кинут камень — с веток сыплется иней...

А однажды автору довелось наблюдать явление жуткое и незабываемое.

Он возвращался после работы в лагерь. Была ночь. До лагеря оставалось километров шесть. И вдруг в совершенно непроглядной тьме он заметил вдалеке странный свет. Фонарь? Но откуда здесь быть фонарю?

Снял ружье, поднял его, а над стволами вспыхнуло светящееся облачко диаметром сантиметров тридцать. Поднял руку с растопыренными пальцами — и в темноте возникли пять маленьких светящихся конусов. Поднял руку выше — и конусы увеличились, стали ярче.

Это были огни Эльма. Со всем не безобидные, как может показаться. Они были причиной многих воздушных аварий. Они погубили когда-то гигантский дирижабль «Гинденбург». Огни эти возникают обычно перед грозой.

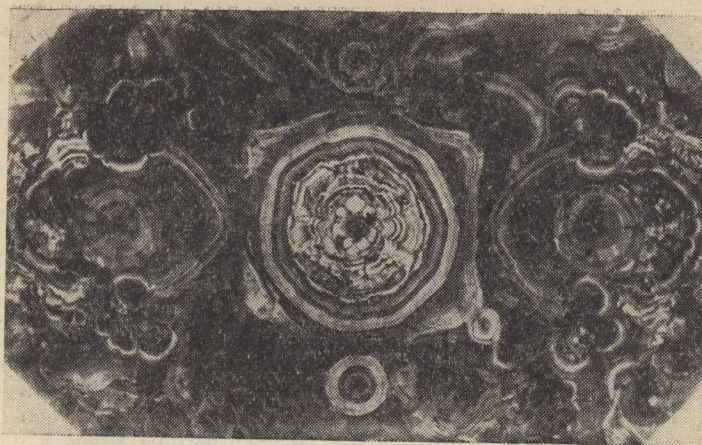
Действительно, вскоре началась светящаяся метель, повалил сверкающий снег и гря-

нул гром такой силы, что невольно прижал к земле. Отгремел — и ослепила новая вспышка...

Немногим удавалось такое увидеть.

Юные читатели, познакомившись с книгой В. Ляхницкого «В поисках весны», выпущенной недавно Восточно-Сибирским книжным издательством, откроют для себя много нового. И кто знает, может быть с этой книгой зародится кое у кого стремление отправиться на поиск своей весны — посвятить себя изучению еще многих не открытых тайн Земли и ее природы. И, может быть, именно на этом пути раскроются наиболее полно качества его ума и характера.

Р. ГРИГОРЬЕВ.

ТАГИЛЬСКАЯ МАЛАХИТНИЦА

Малахит — один из тех камней, которые уральская природа щедро наделила исключительно красивой расцветкой и богатством рисунка.

«Это камень яркой, сочной, жизнерадостной и вместе с тем шелковисто-нежной весенней зелени, — писал академик А. Е. Ферсман, — камень, который может по праву считаться ценным кладом русских подземных сокровищ, так как только на Среднем Урале давно открыты уникальные месторождения — Меднорудянское («Демидовская медница») и Гумешевское («Гумешки»), которые уже давно его прославили на весь мир».

История еще не знает подобных крупных скоплений этого камня. Чудо-малахитницей назвал в свое время тагильскую кладовую Андрей Николаевич Оберюхтин, потомственный малахитчик, мастер Свердловского завода «Русские самоцветы».

Интересна ее история.

В 1814 году житель Нижнетагильского завода Козьма Кустов, расчищая колодец, заметил на дне его небольшой прожилок медной зелени. Козьма поспешил объявить об этом заводскому начальству. Разведка подтвердила: это медная руда. Так было положено основание знаменитому в горной истории Меднорудянскому руднику.

Но в том же году, попутно с медными рудами, обнаружился и малахит. Особенно знаменательным был 1836 год, когда в южной части месторождения, под руслом речки Рудянки, южнее шахты Надежной, на глубине 76 метров в гнезде среди тальковых медистых глин, «окисной железны» (бурого железняка) и известняков была встречена колоссальная глыба малахита весом... 250 тонн!

Перед разработкой этого гнезда хозяева округа Демидовы предписали «составить совет, как удобнее вынуть эту малахитовую массу. На случай дробления предложено сде-

лать модель». Модель имела длину 5,3 м, ширину 2,5 м и высоту до 1,2 м. Эту глыбу впоследствии извлекли из выработок по частям, причем крупнейшая из них весила около двух тонн.

После этой уникальной находки на руднике ежегодно добывалось до полутора-двух тонн малахита.

А всего из «Демидовской медницы», до тех пор пока не закрыли рудник, было добыто около 125 тысяч тонн камня.

* *

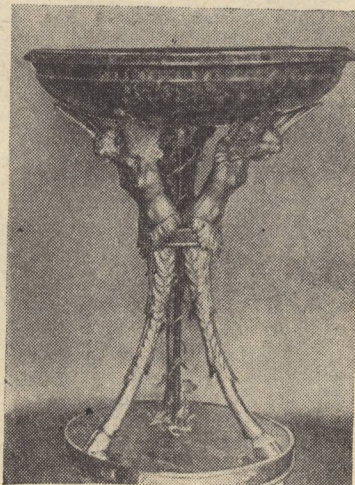
Редкостная тагильская глыба почти полностью ушла на оформление Эрмитажа. Известно, что только на одни колонны и пилястры Зимнего дворца израсходовали две тонны сто двадцать восемь килограммов малахита.

Известный художник А. Г. Венецианов, обращаясь к одному из своих корреспондентов, писал о создании знаменитого Малахитового зала в заново отделяемом (после пожара) Зимнем дворце: «Дворец чуть-чуть не кончен (я еще не был), в нем будет малахитовая комната — малахит в перстнях носили, помните?»

Малахитовый зал производит очень эффектное впечатление нарядным и ярким сочетанием зеленых тонов камня с позолотой архитектурных деталей и с малиновым шелком мебели. В зале, по длинным сторонам его, установлено восемь малахитовых колонн, расположенных попарно, и по коротким сторонам — восемь пилястров на белых мраморных постаментах, украшенных бронзовыми венками и шлемами. По средней оси боковых стен расположены два малахитовых камина с украшениями из золоченой бронзы.

В этом же зале представлены и разнообразные изделия: круглый стол с малахитовой столешницей на кариатидах из темной бронзы, парные прямоугольные столы на бронзовых подстолях, вазы изысканной яйцевидной формы, широкие вазы в форме античных кратеров на высоких малахитовых пьедесталах, торшеры, отделанные малахитом темного тона, вазы-кувшины, шкатулки, письменные приборы, подсвечники...

А у Советской лестницы дворца установлена колоссальная малахитовая ваза, изготов-

ленная екатеринбургскими мастерами. Ее высота 184 сантиметра, диаметр — 146 сантиметров. Это одно из лучших творений уральских малахитчиков. Здесь умелой рукой замечательно подобран рисунок камня, темные и светлые волнистые полосы, закономерно чередуясь, причудливо опоясывают тело вазы. На изготовление ее пошло около 310 килограммов малахита.

В другой сокровищнице Ленинграда — Исаакиевском соборе — еще одно чудо: десять малахитовых колонн, высотой 9,5 метра каждая. «В полумраке собора, — писал академик А. Е. Ферсман, — среди мягких тонов серого и серовато-розового мрамора зеленые бархатистые колонны производят чарующее впечатление».

Основу каждой колонны составляет полый чугунный цилиндр, охваченный бронзовым кожухом, на который наклеены специально подобранные пластинки малахита толщиной 3—3,5 миллиметра. Мастера-камнерезы настолько искусно подобрали по рисунку, цвету и форме отдельные пластинки камня, что колонны производят впечатление вырубленных из цельной глыбы. На изготовление их пошло около трех тонн малахита.

Еще одной редкостью считалась дарохранительница весом 115 килограммов, изготовленная из цельного куска бирюзового малахита в 30—40-х годах прошлого столетия. Долгие годы она служила надгробием заводчика Н. Н. Демидова в подземелье Никольской церкви в Нижнем Тагиле. Где находится дарохранительница сейчас — неизвестно.

Множество изделий из нижнетагильского малахита хранится в зарубежных музеях и частных собраниях. Русские цари любили делать подарки императорам, королям и шахам. Особо дорогими дарами считались изделия из уральского малахита, как, например, поднесенные Александром I Наполеону стол, канделябр и ваза из этого камня.

Чудесные малахитовые вазы были подарены царским двором финансовому магнату Ротшильду в Лондоне и персидскому шаху. Не ударил лицом в грязь и тагильский заводчик Анатолий Демидов — князь Сан-Донато. Он преподнес папе римскому самоцвет-

ную глыбу, которая, кстати, и до сих пор считается одним из бесценных сокровищ Ватикана. Большой известностью пользовалась огромная чаша (2×1,43 м) и ваза высотой в 2,5 м, выставленные тем же Анатолием Демидовым на Парижской выставке в 1878 году.

За годы Советской власти уральские умельцы создали немало великолепных изделий из нижнетагильского малахита. Среди них особенно славятся творения потомственного малахитчика А. Оберюхтина. Им, кстати, изготовлен в 1948 году на свердловском заводе «Русские самоцветы» уникальный письменный прибор из 12 предметов.

А за вазу, выставленную в 1958 году на Брюссельской выставке, заводу «Русские самоцветы» была присуждена большая золотая медаль.

* *

Все, о чем рассказано выше, стало уже достоянием истории. Уникальное Меднорудянское месторождение больше не дарит людям свои богатства: шахты его были разрушены в 1918 году. А сама эта подземная кладовая затоплена. На месте ее сооружен стадион Высокогорского железного рудника.

И все же Свердловский завод «Русские самоцветы» и ювелирно-гранильная фабрика делают из малахита множество всевозможных изделий — спрос на этот зеленый камень вырос. Но где предприятия добывают сырье?

Увы, поскольку его нигде не добывают, фабрика и завод скупают камень у «самодельных» добытчиков, у тех, кому «подфартило» найти около экскаватора малахитовый самородок или подобрать его на руднике.

А ведь малахит еще есть в недрах Урала. Давно известно, что в юго-восточной части главного разреза Высокогорского рудника можно организовать попутную добычу его.

Что бы рудоуправлению взять по-настоящему в свои руки добычу этого ценного поделочного камня, стоимость которого на мировом рынке сейчас более 100 рублей за килограмм!

Малахит — это большая ценность. Даже мелочь, отходы пошли бы в дело. Из них исстари производят долговеч-

ные и весьма дорогостоящие краски.

Бесхозяйственное отношение к подземным ценностям могло бы тянуться еще долго, если бы за решение этой важной проблемы не взялся общественный технико-экономический совет Тагильского горкома партии. Изучая возможности добычи зеленого камня, члены горной секции совета подняли архивы и нашли множество ценных документов, доказывающих наличие богатств в затопленном Меднорудянском руднике. Подтвердили это и старожилы-специалисты.

Было установлено, что в заброшенной «меднице» имеется много ценного сырья — порядка нескольких миллионов тонн. Богатая зона находится близ поверхности земли и ее вполне можно разрабатывать открытым способом.

Раскрыть подземные богатства месторождения — таков был вывод. Рекомендации совета одобрило бюро Тагильского горкома партии. У Меднорудянского рудника началась вторая жизнь. По заданию рудоуправления шахтостроители прошли из шахты «Магнетитовая» по горизонту 30 метров и квершлаг до старинных работ «Демидовской медницы» длиной более 200 метров. Подсечены медистые глины с признаками малахита. Убран многолетний двадцатиметровый навал шлака с площади рудника и пробурены скважины. Доставленные в «Уралмеханобр» керны показали, что в них, в числе медистых минералов, есть и малахит.

Разработка медных руд раньше велась здесь подземным способом. Горные работы достигли глубины 300 метров. Под землей осталась масса рудных целиков, а среди глин и железняков — скопления малахита.

Открытые горные работы охватят значительную площадь. Шансы встретить здесь промышленные скопления малахита — очень велики. Будем надеяться, что вскоре вновь раскроются двери богатой подземной кладовой и вернут нижнетагильскому малахиту былую славу.

Ю. С. СОЛОВЬЕВ,
старший геолог Уральского
территориального
геологического Управления

ОТКРЫТИЕ

АВТОГРАФА

В декабре 1966 года уфимские книголюбцы готовились отметить 200-летие со дня рождения Н. М. Карамзина выставкой редких книг той эпохи.

Выставить было что — время Карамзина хорошо представлено в книжном фонде республиканской библиотеки. Но непременным экспонатом признали книгу Д. В. Дашкова «О легчайшем способе отвечать на критики», изданную в 1811 году. Автор ее был связан с Уфой.

Экземпляр этот поступил в библиотеку вместе с личными книгами Дашкова задолго до революции, но с тех пор в него никто не заглядывал. Иначе заметили бы надпись на форзаце книги:

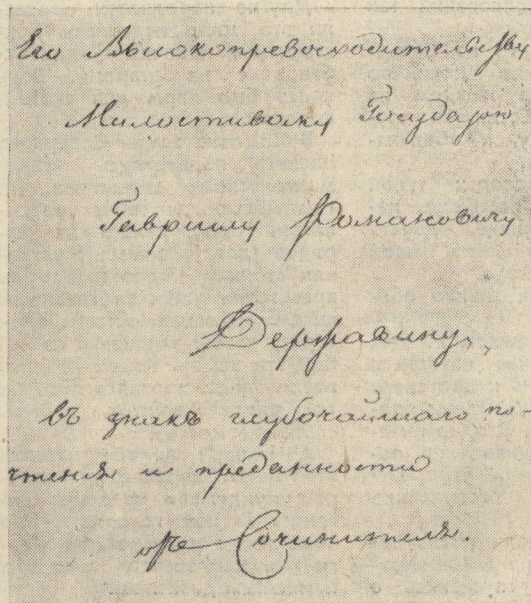
**«ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛСТВУ
МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ
ГАВРИИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ
В ЗНАК ГЛУБОЧАЙШЕГО ПОЧТЕНИЯ
И ПРЕДАННОСТИ ОТ СОЧИНТЕЛЯ».**

Но почему же книга, предназначенная для поднесения Державину, оказалась в библиотеке самого дарителя?

Не поможет ли прояснить этот вопрос история отношений Д. В. Дашкова и Г. Р. Державина?

Чу из „Арзамаса“

В одном из своих писем из Кишинева посланный царем за сочинение вольнолюбивых стихов А. С. Пушкин писал: «Кланяюсь ЧУ, если ЧУ меня помнит...»

«ЧУ» — это шутовское прозвище знакомого Пушкину литературного критика Дмитрия Васильевича Дашкова, помещика, владельца имения «Благовещенский завод» под Уфой. Прозвище это он получил как участник общества сторонников реформы русского языка, назвавшего себя «Арзамас». В общество это входил и А. С. Пушкин.

Обычно в «Арзамасе» все члены общества обращались к собранию со словами: «граждане» и «сограждане», хотя персонально с комической важностью именовались «превосходительствами». Символом их направления до некоторой степени служил красный фригийский колпак (знак освобождения раба в древних Греции и Риме, модный головной убор французских санкюлотов). Этот колпак надевался председательствующим на заседании и каждым вновь вступающим членом. Принятый в общество получал шутовское прозвище, заимствованное из баллад Жуковского. Так, самого Жуковского звали «Светлана», В. Л. Пушкина — «Вот», А. С. Пушкин именовался «Сверчком». Подобно Французской академии, где каждый нововступающий член был обязан произнести хвалебную погребальную речь академику, освободившему ему своею смертью место, арзамасцы также произносили подобные речи. Только, за неимением своих покойников, брали для этого напрокат живых членов Российской академии. Более того, каждый принимавшийся в «Арзамас» произносил сочиненную Дашковым «Формулу торжественного обещания», в тексте которого были слова: «...если же я нарушу сие добровольное торжественное обещание, да буду проклят... да буду членом Российской академии!»

С Академией этой арзамасцы находились в состоянии холодной войны.

„Арзамас“ против „Беседы“

«Творец отличил людей от скотов и «Арзамас» от «Беседы», — язвил арзамасец Д. Н. Блудов по адресу Российской академии (существовала тогда наряду с Академией наук и имела задачей только лишь изучение русского языка и литературы) и состоявшего при ней литературного общества «Беседа любителей русского слова». Общество это возглавлял президент Российской академии А. С. Шишков, реакционный литератор и адмирал.

В чем же состоял спор «Арзамаса» с «Беседой»?

Арзамасцы — сторонники Карамзина, добивались приближения литературного языка к народно-разговорной речи. Члены «Беседы» («халдеи беседные» — по выражению Жуковского) отстаивали устарелый язык церковных книг.

«Арзамас» не был политическим обществом. На вооружении его состояли лишь литературная

критика и сатира, правда, очень острая. О задачах «Арзамаса» Дашков говорил: «Беседа сотворена на то, чтобы твердить и писать глупости, Арзамас — на то, чтоб над нею смеяться». Однако в глазах тупоумных реакционеров все это выглядело не так невинно. Например, член «Беседы» Голенищев-Кутузов писал тогдашнему министру просвещения про сочинения Карамзина: «Карамзин явно проповедует безбожие и безначалие».

Вольнолюбивые и просветительские черты «Арзамаса» привлекали к себе людей прогрессивных. Недаром в 1817 году в «Арзамас» вступили один за другим будущие декабристы: Н. И. Тургенев, генерал М. Ф. Орлов, Н. М. Муравьев и наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин.

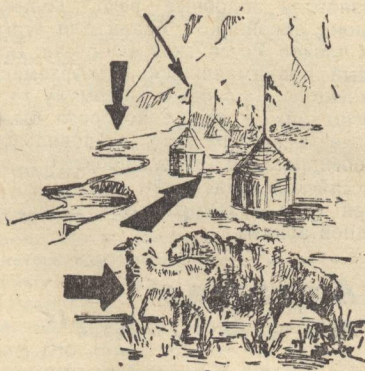
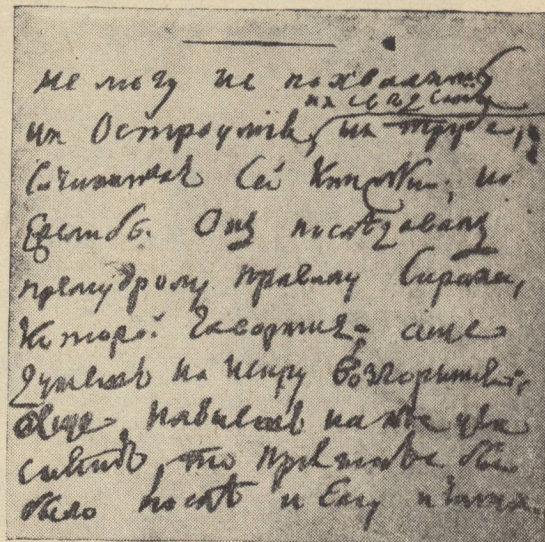
Но чем же тогда объяснить столь уважительную надпись на книге, поднесенной Дашковым своему противнику?

Дашков и Державин

На одном из арзамасских заседаний Уваров («Старушка»), обращаясь к Дашкову, назвал его «сильным вождем ЧУ, провозгласившим первым брань и погибель «Беседе». Действительно, война карамзинистов с шишковистами началась еще до возникновения «Арзамаса», вскоре после появления первых статей Дашкова и особенно после издания им в 1811 году книги «О легчайшем

способе отвечать на критики». Известный библиограф тех лет М. Н. Лонгинов писал об основателе «Арзамаса»:

«Д. В. Дашков... пользовался большим авторитетом в кругу карамзинистов и друзей Жуковского. Многосторонняя образованность, верный

В 1963 году в городе-курорте Ессентуки вновь открыли краеведческий народный музей. Во время немецко-фашистской оккупации он был разгромлен, и все пришлось создавать заново. Много потрудились жители нашего города. По крупице собирали музей.

Тогда-то и задумались организаторы: «Придут в музей посетители. Начнут спрашивать про название города. Что отвечать! Есть семь толкований слова Ессентуки, но какое

из них правильное — мнения расходятся».

Но почему толкований так много!

Дело в том, что на Северном Кавказе жило множество народностей. На каждом из языков слово Ессентуки звучало по-разному, и объяснялось по-разному.

Вот эти переводы: тупой угол, хорошее пастбище, надежное пристанище, девять знамен, обжитое место, живой волос и живая вода.

Каждый из них можно объяснить.

В далеком прошлом на том месте, где сейчас находится город, была степь и протекала речушка, которую казаки прозвали «Кислуша». В одном месте она поворачивала на восток, образуя тупой угол. Отсюда первое толкование слова.

Тогда же в степи росла хорошая трава, и на эти прекрасные пастбища спускались с

гор со своими отарами овец горцы.

Другие народности прозвали это место надежным пристанищем, конечно — для чабанов с их отарами. Ведь здесь был корм для скота и водопой.

В XIII века земли Северного Кавказа подверглись татаро-монгольскому нашествию. На том месте, где сейчас расположен город, девять их отрядов (девять знамен!) устроили стоянку. Через некоторое время они ушли за главными силами на запад, оставив один отряд, чтобы закрепить за собой эти земли. Воины надолго осели здесь, появился поселок из рядов кибиток, то есть «обжитое место».

А «живой водой» называли это место карачаевцы, которые придумали красивую легенду. В ней говорится, что вода этих мест исцелила одного горца, и он стал красивым и сильным джигитом.

Правда, впоследствии Дашков перешел целиком на консервативные позиции, был даже министром юстиции у Николая I, и упомянуть в его деятельности добром, кроме «Арзамаса», кажется, нечего.

[illegible]

И уж, во всяком случае, не чувствовал себя врагом всех арзамасцев, среди которых были люди, глубоко уважаемые им.

рука, Bone Egmembane
Cplgmbas, Vung vlabgme
amababaut nung "muy
gmm noxady o cabel
okhantned "nomocabet

Чабаны же говорят, что шерсть у овец, если они пили эту воду, становилась блестящей и шелковистой, поэтому они и называли это место — «живой волос».

Организаторы музея обратились в Узбекскую Академию наук. Она изучает восточные языки. Академик М. Е. Массон (кстати, он — частый гость у нас, на Кавказе) ответил нам: «Слово Эссен-туки пришло на Северный Кавказ в XIII веке, вместе с полчищами татаро-монголов. Оно состоит из двух слов: Эссен — имя собственное, мужское; туг — произвие: дородный, тучный. Так, по всей вероятности, звали военачальника отряда татаро-монголов. Когда же здесь возник поселок, то ему дали имя этого военачальника. Эссен-туга похоронили на возвышенности, которая находится недалеко

Весной 1963 года наша группа выехала к холму. Осмотрели площадку. На ней там и сям небольшие холмики, по-видимому могильные. А совсем рядом со скифским курганом виднелась непонятная воронка. Края ее поднимались над площадкой на высоту около полутора метров. Вся воронка заросла травой. Особенно густой она была в цен-

Вскоре же попался кусочек кирпича. Откуда он здесь? Может быть, ребяташки занесли, играя! А вот еще малюсенький кусочек голубой глазури. Он-то и решил спор в пользу раскопок на этом месте.

За работу взялись охотно и дружно. Кто вел дневник, кто копал, кто просевал откинутую землю. Вскоре показалась кладка стены. Мы открыли угол здания. Через несколько дней сумели освободить от земли уже всю стену от угла до угла, а потом и все здание. Оно оказалось квадратным. С западной стороны его был вход, а перед ним площадка, пол которой покрыт квадратными кирпичами. На ней как раз ожидала наход-

Этим, конечно, можно объяснить уважительный тон дарственной надписи Дашкова на книгу, поднесенной виднейшему литератору тех лет.

Но как все же книга эта вновь оказалась в библиотеке Дашкова? Или, может быть, она так и не была послана?

Вспомним, что на книге, кроме дарственной надписи, на отдельных страницах имеются еще пометки, выполненные совсем другим почерком. А на последних, чистых, листах — написанный тем же почерком целый отзыв о книге.

Встал вопрос: не послал ли Дашков этот экземпляр Державину, а тот вернул его автору со своим мнением? Проверить это предположение можно только сличением почерков.

Экспертиза дает ответ

В академическом издании сочинений Державина образцов его почерка множество. Но беда в том, что на взгляд простого книжника все они разные. Никак не скажешь, что документы молодого и старого Державина, четко написанные им рапорты начальству и небрежные, черновые наброски писаны одним и тем же лицом. Куда уж тут сличать со спорным текстом!

Но ведь такие вопросы специалисты умеют решать точно.

И вот мы в Уфимской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы. Старшим экспертам В. В. Богословской и Е. С. Бондаренко задача показалась интересной. Они засели, но не за сличение спорного текста с бесспорными образцами почерка Державина, а за сравнение его почерков с почерками современников. Цель — выявление комплекса особенностей державинского почерка, признаков, свойственных одному ему и неповторимых в почерках других лиц.

Лишь тогда, когда этот комплекс был выяснен, эксперты взялись за спорный текст. И вот

их заключение: «Рукописный текст, начинающийся словами «Не могу не похвалить...» и заканчивающийся словами «...от современников и потомства» на двух последних листах книги Дмитрия Дашкова... и пометки в виде отдельных слов, фраз на страницах... выполнены Г. Р. Державиным». (Акт экспертизы № 935 от 29. XII. 66 г.)

Позднее графологическая экспертиза Центрального Государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ) подтвердила правильность заключения уфимских экспертов.

Что же писал маститый академик и большой русский писатель в своем отзыве на книгу арзамаса Д. В. Дашкова?

Вот он, этот текст, который теперь смело можно включать в собрания сочинений Г. Р. Державина:

«Не могу не похвалить ни остроумия, ни сведения (осведомленности — Н. Б.), ни труда сочинителя сей книжки, но если бы он последовал премудрому правилу Сираха, который говорит: еще дунешь на искру — возгорится, еще плюнешь на нее — угаснет, то приятнее бы было после и ему, читателям его рассуждений. К чему ведут такие бранные пересуды друг друга? Неужто ко исправлению языка? Напрасно. Напротив, к насмешкам только любящих словесности. Уклоняйся от таковых распрей, писать старайся сколько можно скромнее, правильнее и чище, вот единственное средство, чем усовершенствовать язык и заслужить похвалу от современников и потомства!»

Как видит читатель, в этих строках Державин не присоединился ни к одной из споривших тогда сторон. Однако его совет («писать чище») так и кажется направленным против шишковистов, сплошь засорявших язык архаизмами. Ожидать большего от члена «Беседы» было нельзя.

Н. БАРСОВ,
г. Уфа

ка — осколок арабского орнамента, покрытого голубой глазурью. А в самом здании мы увидели большую груду длинных, узких кирпичиков треугольной формы, также покрытых голубой глазурью.

В этот день на раскопки приехал профессор Массон. Он объяснил, что этими кирпичиками когда-то был покрыт купол мавзолея Эссен-туга.

Пол в мавзолее тоже оказался покрытым такими же кирпичиками, как и площадка перед входом. Сняв их, мы углубились под пол. На глубине около метра под лопатой показалась коричневая пыль. Оказалось, что это дерево. Оно пролежало в земле около семи веков и превратилось в пыль.

Похоже на то, что мы открыли ящик. А вот и контуры его... Ящик был заполнен зем-

лей. Осторожно выбирая землю совочками и ножами, мы расчистили мужской скелет, лежавший на спине, с вытяну-

тыми вдоль туловища руками. Он очень хорошо сохранился.

Антропологический институт, куда мы обратились с запросом, ответил нам, что это был монгол, живший в XIII—XIV веке.

Как будто все сходится. Таттаро-монголы пришли сюда в XIII веке нашей эры. Этот человек, монгол, тоже жил в это время. По богатому захоронению ясно, что это не простой воин, а начальник. Нет лишь одного доказательства, что его звали Эссен-туг. Но мы не теряем надежду, что сможем доказать и это.

Т. Б. ПАЛИМПСЕСТОВА

Е. ВОЙСКУНСКИЙ, И. ЛУКОДЬЯНОВ

Рисунки С. Киприна

Заботы верховного казначея

Подле моста через протоку, что отделяла квартал моряков от квартала оружейников, Миликон велел рабам остановиться. Откинул полог, внимательно осмотрелся. Улочка была пуста. Миликон слез с носилок, велел рабам ждать, а сам быстро перешел протоку по шатким мосткам и направился к зарослям камыша. Здесь, на низком берегу Бетиса, стояла канатная мастерская купца Эзула.

Эзул встретил высокого гостя на пороге. Засуетился, заблестел влажным голым черепом, собрался было пасть ниц, но Миликон остановил его. Морщась от болотной вони, прошел в убогую каморку за мастерской. Эзул мелко семенил следом.

Миликон опустился на скамью, безразлично отстранил поданную купцом чашу с вином.

— Никто тут не крутился из этих, Павлидиевых?

— Нет, светозарный,— ответил Эзул.— Я сам трижды обошел мастерскую—никого нет.

— Ну, слушай. Я отдал повеление. Завтра главный оружейный склад будет открыт. Найми тридцать повозок и за час до восхода солнца гони к складу, мои люди их нагрузят. Слушай дальше. Сегодня же передай греку мое повеление: пусть к вечеру переведет корабль к крайнему восточному причалу. Там потише, чем в порту, меньше чужих глаз. А с утра вытряхнешь из греческого корыта наждак—да смотри, не растряс с повозок, чтоб весь до последнего зернышка был доставлен на склад,—и набивай трюм оружием. Сам присмотри, чтоб грузили с усердием—меч к мечу, секира к секире. Полплотнее. Ты понял, камышовая труха?

— Все понял, светозарный,—закивал Эзул, остренько поглядывая хитрыми глазками.—Исполню, светозарный. Дозволь надеяться, что ста-

рый Эзул будет скоро вознагражден за верность и усердие...

— Надейся,—великодушно разрешил Миликон.

— Одну только утеху себе и позволяю—сладкую еду,—жалостливым голосом сказал Эзул.— Жилище совсем обветшало, на одежду и то не хватает....

— Ну-ну, не прибедряйся, старый плут. Будто я не знаю, сколько у тебя серебра накоплено. Где Павлидиев сынок? Почему я должен ждать? Было тебе велено...

— Я исполнил, светозарный! Все сделал, как ты велел. Не моя вина, что он опаздывает.

— Собачий род,—пробормотал Миликон и пнул ногой груды плетеных корзин.— Сиди тут и нюхай.

— Светозарный,—сказал Эзул после недолгого молчания.— Никто из верных тебе людей не знает так хорошо торговлю и ремесла, как я. И когда ты по праву займешь трон Тартесса...

— Я сделаю Амбона верховным казначеем,—усмехнулся Миликон.

Эзул так и подпрыгнул, затряс неопрятной бордой.

— Амбона!—возопил он.— Этого толстобрюхого навозного червя, чья ослиная голова...

— Может, и так,—развлекался Миликон,— но со своей ослиной головой он оказался умнее тебя. Амбон достиг богатства, а ты...

— Да он всю жизнь душил меня!—Эзул брызгал слюной, бил себя кулачками в грудь.— Он потопил в море мой корабль, он не подпускает меня к Касситеридам! Он меня разорил...

— Отодвинься,—прервал купца Миликон.— Я пошутил. Если ты завтра сделаешь все так, как я велел,—будешь казначеем.

— Можно ли так шутить, светозарный Миликон,—захныкал Эзул.— Позволь сесть... Меня ноги не держат от твоих шуток... Конечно, я все сделаю, как велишь. Разве я когда-нибудь...

— Ты сам будешь ведать погрузкой, потому что грека я вечером увезу на охоту. Ни мне, ни ему не нужно завтра быть в городе.

— Ты не будешь?—Эзул замстно обеспокоился, глазки у него забегали.— Но если...

¹ Продолжение. Начало см. в № 5.

— Не бойся,— небрежно бросил Миликон.— Ты сделаешь дело без помехи. Завтра людям Павлидия будет не до нас.— Он пропустил меж холеных пальцев завитую бороду. Повысил голос: — Долго еще я буду ждать этого собачьего сына?

Тут из мастерской донеслись крики. Дверь распахнулась, в каморку шагнул молодой человек в короткой, до колен, темно-серой одежде, перетянутой широким кожаным поясом, какие носили тартесские моряки. На его загорелых щеках курчавился юношеский пушок, твердые губы кривились в усмешке.

Он мяукнул вместо приветствия, повалился на корзины, непочтительно спросил:

— Зачем звал?

Верховный казначей прикрыл веками глаза. Его коробило от такой развязности, однако он не одернул юного наглеца.

— Я привык, чтобы ожидали меня,— сухо сказал он, сделав нажим на последнем слове.

Юнец заворочался, устраиваясь поудобнее, корзины трещали и скрипели под ним.

— Я очень торопился,— ухмыльнулся он,— но сегодня всюду разъезжают глашатаи и меня дважды задержала толпа. А потом,— продолжал юнец, пристраивая одну из корзин себе на кудлатую голову,— потом мне пришлось малость проучить палкой нахальных рабов, загородивших мост носилками. А потом, когда я вошел в мастерскую,— тут он запустил в Эзула корзиной,— я споткнулся о канаты. Твои рабы, Эзул,

растянули там канаты, и я был вынужден вздуть одного или двух... Кстати, Миликон, не твои ли носилки были там, подле моста?

— Слушай, Тордул, я терпеливо сношу твою дерзости, потому что...

— Потому что побаиваешься моего грозного родителя.

Миликон выпрямил спину.

— Я никого не боюсь,— сказал он высокомерно.— Я столь же светозарен, сколь и твой отец. А ты, хоть и предпочел удел простого моряка, не должен забывать, что в твоих жилах течет кровь высокорожденного...

— Пополам с кровью рабыни,— вставил Тордул.— А ваши титулы для меня все равно что плевков.

— Я сношу твою дерзости только потому, что у нас с тобой одна цель.

— Да,— уже серьезно согласился Тордул.— С тех пор, как ты рассказал мне о несчастном Эхиаре, у меня одна только цель: восстановить справедливость, вернуть Тартессу законного царя.

— Этого хочу и я.

— Давно уже слышу. Но дальше разговоров дело не идет. Чего ты ждешь, Миликон? Я перестал тебе верить.

— Я ждал удобного часа. Теперь он настал.

Скрипнули корзины. Тордул вскочил, стал, широко расставив голенастые ноги, перед Миликоном, впился в него напряженным взглядом.

— Настал? Ты говоришь — настал наш час?

— Да. Не знаю только, готов ли ты со своими...

— Мы готовы! — крикнул Тордул. Он подскочил к двери, выглянул, потом заговорил шепотом:

— Тартесс пропах мертвечиной, вот что я тебе скажу! Великая Неизменяемость — ха! Да она только на кладбище и бывает, неизменяемость! Сидят в своих дворцах, провонявших кошками, жрут с серебряных блюдец...

— Я сам ем с серебряного блюда, но это нисколько не вредит моему пищеварению, блистательный Тордул, — с тонкой усмешкой сказал Миликон.

— Хватит! — рявкнул Тордул. — Да, я — блистательный по рождению, а могу ли я носить этот титул, если он теперь продается за деньги?

— Деньги нужны казне, — спокойно возразил Миликон. — Это я тебе говорю как верховный казначей.

— А куда идут эти деньги? На новые дворцы, на кошек, на наложниц? Олово — вот богатство Тартесса, его сила. Возим мы его, возим с Касситерид, а кто его нынче у нас покупает? Все склады забиты слитками. Где фокейские корабли? Как можно было допустить, чтобы Карфаген стал на их пути?

— Оставим Карфаген, поговорим лучше о завтрашнем дне...

Но Тордул не унимался. Крупно шагал по каморке, выкрикивал хриплым матросским голосом:

— Нашли забаву — голубое серебро! Зачем оно нужно?

— Не кощунствуй, — Миликон сдвинул густые брови. — Ты прекрасно знаешь заветы предков.

— Заветы предков? Да я ставлю корабль олова против самой облезлой из твоих кошек, что наши почтенные предки и сами не знали...

— Довольно, Тордул! Голубое серебро — святыня Тартесса. Сядь и слушай. Завтра за час до восхода твои люди должны скопиться у западных ворот крепости. Пробирайтесь не по дороге, а левее, где густой кустарник, только без шума, чтобы на сторожевых башнях не услышали. Завтра — большая кошачья охота, и многие блистательные отправятся туда со стражниками; именно такого дня я и дожидался. Ты со своими людьми ворвешься во дворец и схватишь Аргантония...

— Я своими руками убью его! — закричал Тордул.

— Пошлешь по городу верных людей кричать на царство Эхиара, а про Аргантония пусть кричат... сам знаешь, что.

Тордул нетерпеливо дернул ногой.

— А Эхиар?

— Мои люди доставят его в город. Ты встретишь его с надлежащим почетом.

— За это не беспокойся! — восторженно вскричал Тордул.

— Я еще не кончил. Когда вы ворветесь в крепость, направьте часть людей к дворцу своего родителя. Пусть они сомнут его стражу, а его самого возьмут под надежную охрану.

— Это я сделаю, — ответил Тордул, помолчав. — Но... что с ним будет дальше?

— Посмотрим. Думаю, что его государственная мудрость пригодится Тартессу и в дальнейшем.

Они поговорили еще немного, обсудив подробности предстоящего переворота, а затем

юный мятежник покинул мастерскую купца Эзула: он торопился к своим людям.

Эзул проводил его за ворота, посмотрел вслед и вернулся в каморку. Отломил кусок сладкой лепешки, сунул в редкозубую щель под вислыми усами, пожевал, исподлобья взглянул на верховного казначея.

— А что, светозарный Миликон, если этот сумасшедший и впрямь захватит власть и провозгласит царем этого... Эхиара?

— В Тартессе будет править наместник Карфагена, — сказал Миликон, поднимаясь. — Только Карфаген может покончить с царствованием Аргантония. А мы, — он дернул Эзула за бородку, — мы дадим для этого Карфагену оружие из черной бронзы. Падрубал терпеливо поджидает в Столбах нашего греческого гостя.

Эзул довольно засмеялся, с бороды его посыпались крошки.

— То-то обрадуется греческий простофиля, — сказал он. — И оружие увезет, и старого дружка Падрубала повидает. Хи-хи-хи, придется бедным фокейцам с персами палками воевать...

На кошачью охоту

— Не нравится мне это, Горгий, — сказал кормчий и сплюнул в грязную воду между судном и причалом. — Томили нас, томили, а теперь — кха! Давай в восточную гавань, выгружай наждак, бери черную бронзу и убирайся в море...

— Что тебе не нравится, Неокл? — рассеянно отозвался Горгий. — Чего хотели, то и получаем.

Они сидели на корме под жарким солнцем Тартесса, полуголые, распаренные. Из-за мешков, сваленных возле мачты, доносились рассыпчатый стук костей, ленивая матросская перебранка.

— Эй, Лепрей, довольно трясти!

— Все равно больше двух шестерок не выкинешь.

— Мое дело. Сколько хочу, столько и трясу. Pokатились кости, раздался взрыв хохота.

— Опять один и один! Подставляй лоб, Лепрей!

— Жаль, Диомеда нет, он мастер щелкать...

— Что ж мы, братья, так и прощелкаем всю стоянку? Чего хозяин нас держит, как собак на цепи?

— Правильно делает, — отозвался рассудительный голос. — Диомед вот сходил себе на берег да и пропал.

— А скучно, братья, без Диомеда... Ну, чья очередь выкидывать?

Да, пропал Диомед, тоскливо подумал Горгий. Обещал разузнать Миликон, куда он заделвался, и молчит. Смутно все, тревожно... Велит корабль ставить под погрузку, а самого меня на кошачью охоту тащит. Мне ихние кошки поперек горла, тьфу!.. И как же завтра без меня грузить станут?! На первой волне груз разболтается, еще трюм разнесет... Неокл, он, конечно, дело знает, да все не свой глаз...

— Не нравится мне, — продолжал зудить кормчий, потирая слезящиеся глаза. — Груз дорогой, а как его через Столбы провезешь? Карфагеняне там.

— Что делается в Столбах, о том здешние правители знают лучше нас. Не пошлют же они такое оружие прямо в лапы врагам.

А сам думал с нехорошим холодком в животе: Миликон сухой путь запретил, в море выталкивает. А от Миликона кто приходил с поведением? Канатный купец... Эзул, тот самый... Сидит в Тартессе, а о нем в Столбах Падрубалкарфагенянин заботится, ремешок с письменами шлет. Темное это дело... Может, рассказать Миликону про ремешок?

Новый взрыв смеха прервал его смятенные мысли.

— Эй вы, потише! — крикнул Горгий.

Потянулся к ведру, плеснул на себя воды: хоть и теплая, а все-таки полегче, когда мокрый.

Рассказать Миликону про ремешок, конечно, можно, но вот вопрос: в новинку ли ему это будет? Уж если Эзул у него ходит в доверенных людях, то, может, и сам Миликон стакнулся с Падрубалом?

Горгий тихонько поцокал языком.

— Ты ему скажи, что корабль неисправен — кха! И спроси дозволения отправиться сухим путем, — будто сквозь туман слышал он нудную речь кормчего.

Не ответил. Снова и снова перебирал в памяти слова Эзула, с час назад приходившего на судно. Хорошо начал купец, обрадовал: завтра, мол, с утра выгружай наждак, получишь черно-бронзовое оружие. Была понятна и просьба перевести корабль к восточному причалу — для удобства погрузки. А дальше началось непонятное: желает-де светозарный Миликон показать тебе кошачью охоту... Высокая, мол, это честь для приезжего купца, еще никто из греков не устался.

Вдруг пришла догадка: не опасается ли Миликон, что он, Горгий, заполучив оружие, перегрузит его на повозки и, нарушив запрет, уйдет из Тартесса сушей? Не потому ли желает держать его, Горгия, при себе вплоть до того часа, когда закончится погрузка и можно будет выводить корабль в море? В море, напрямик в загребущие Падрубаловы лапы...

Ну нет, любезнейший, не на такого ты наскочил!

Горгий поднялся, взглянул на клепсидру: сколько вытекло воды с полудня. О, уже четыре часа... Пока не поздно, надо идти к купцу Амбону. Пусть Амбон забирает наждак, а заодно и корабль. И пусть грузит опово в слитках прямо на повозки, и пусть лошадей дает, а не быков, так-то поскорее до Майнаки доберемся. Сегодня же вечером и пустимся в дорогу. Уж лучше олово в Фокее, чем рабство в Карфагене...

Да, и еще не забыть попросить у Амбона провожатых и охрану до перевала, а то нарвемся еще на гадирский отряд. Этот Амбон, по всему видно, в чести у Павлидия, уж десяточек стражников выпросит у него... А Миликон — что ж, пусть везет на охоту свою кошачью стаю, он, Горгий, ему не попутчик...

Повеселев от принятого решения, Горгий велел кормчему приготовить все для выгрузки наждака, а сам прошел к себе в каюту. Вытащил из-под койки сундучок, облачился в серый, обшитый по подолу красным меандром гиматий.

Только ступил на сходню — глядь, из тучи пыли, вечно висевшей над портовыми закоулками, выскочили два всадника. Гулко простучав копытами по доскам причала, осадили у сходни коней, заорали сытыми голосами:

— Эй, фокейский купец, собирайся! Светозарный Миликон ожидает тебя в носилках!

И Горгий понял, что нельзя противиться судьбе.

Когда завязывал в каюте сандалии, бросился ему в глаза воткнутый в стенку кинжал из черной бронзы — подарок Павлидия.

Хоть и кошачья, а все-таки охота, подумал он, мало ли что может случиться.

И сунул кинжал за пазуху.

Неслыханную честь оказал иноземному купцу светозарный Миликон: пригласил в свои носилки. Велел греку сесть на ковер, сам же покойно расположился на вышитых серебром подушках.

Дорога, что шла вдоль крепостной стены на север, была хорошая, лошади — одна впереди, другая сзади — бежали розно, носилки чуть покачивались. За носилками ехал особый возок, разгороженный внутри так, чтобы охотничьи кошки не задирали друг друга. Было их там десятка два, злых, длинноногих, двое суток не кормленных. За возком пылил конный отряд — личная стража верховного казначея.

Заговаривать первым с высокородившимся не полагалось, и Горгий томился за закрытыми занавесками. Миликон жевал сушеные плоды смоковницы, щурился на Горгия, поигрывал серебряным нагрудным украшением.

И чего он едет занавесившись, подумал Горгий, экая духотища... Он украдкой зевнул, прикрыл рот рукой. Глаза его слипались.

Лошадиные копыта загрохотали по мосту. Горгий очнулся от дремоты.

— Откинь занавески, — сказал Миликон.

Дышать стало легче. Далеко позади остались Тартесс — крепостные стены, дымные кварталы ремесленников, сторожевые башни. Бетис медленно катил под длинным мостом желтые воды. А там, впереди, расстилались зеленые поля, в предвечерней дымке чуть лиловели горы.

Дорога пошла похуже. Носилки трянуло. Миликон, глядя на Горгия, посоветовал:

— Скрести под собой ноги.

— Далеко ли еще, светозарный? — осведомился Горгий.

— Туда, — вяло махнул рукой Миликон. — Видишь ли, очень много кроликов развелось на полях Тартессиды, рабы не успевают сберегать от них посевы. Тут-то и пригодились наши охотничьи коты.

И он принялся рассказывать Горгию, как кот поднимает кролика с кормовища, как настигает его и перекусывает шею.

Мне твои заботы, думал Горгий, а сам кивал в знак почтительного внимания. Но и собственные заботы, от которых последние дни голова трещала, теперь, как ни странно, отодвинулись от Горгия. Он сам дивился охватившему его безразличию ко всему на свете. В голове было легко и пусто...

— Почему ты не слушаешь? — услышал он вдруг голос Миликона.

— Извини, светозарный...

— Я тебе толкую, что вся сила у них не в лапах, а в зубах. Но если круглый год их кормить сырым мясом...

Пусть они подавятся, все как есть, подумал Горгий, а вслух сказал:

— Такими котами надо дорожить.

Смеркалось. Слева проплыли глинобитные домики, рощица смоковниц. Донесся надсадный

скрип гончарного круга. Крик осла. Дорога заплеталась меж бурых холмов и побежала вниз, к мелькнувшей среди трав реке. Быстро падала, сгущаясь, темнота, впереди засветилась группка неярких огней.

Копыта притомившихся лошадей зацокали по каменистой улочке, и носилки остановились подле невзрачного заезжего двора. Из ворот вышли двое с чадающими факелами: увидев Миликона, согнулись и замерли в поклоне.

— Приехали, — сказал Миликон и неспешно слез с носилок. — Здесь переночуем, а перед восходом выедем на охоту. Напоишь котлов водой, — бросил он хозяину заезжего двора, плешивому вольноотпущеннику, — а кормить не вздумай. Нам же приготовить еду. Пожирнее.

— Светозарный! — вскричал хозяин. — Мне ли не знать твоих вкусов! А кроликов нынче развелось... Будет забава твоим кошечкам, да пошлют им боги хорошего здоровья...

Миликон не дослушал, пригнувшись, шагнул в низкую дверь. Горгий последовал за ним. Телохранилители спешили, лениво потянулись с кожаными ведрами к колодцу.

В комнате тускло горел масляный светильник. За нечистым столом, склонив косматую голову над недопитой чашей, дремал человек. Он поднял осовые глаза на вошедших, уставился на Горгия. И Горгий узнал в нем того купца из Массалии, с которым по пути в Тартесс по-встречался в Майнаке.

— Здравствуй, массалиот, — приветливо сказал Горгий. — Сухим путем, значит, дошел сюда от Майнаки?

Массалиот помотал головой, пытаясь стряхнуть тяжелое опьянение.

— Ага, это ты, горбоносый фокеец, — просипел он. — Не утопили тебя кар-рфагеняне в Столбах?

— Как видишь, я цел. И товар мой тоже.

Горгию хотелось толком расспросить массалиота о сухом пути, но при Миликоне, само собой, лучше было помалкивать. Да и пьян купец не по-хорошему. Авось, до утра протрезвится, подумал Горгий, тогда и расспрошу.

— Вижу, ви-ижу... Я все вижу! — сказал массалиот. — И кар-рфагенский нос твой вижу... С таким носом можно через Столбы...

— Пьяный дурак, — устало сказал Горгий, отворачиваясь.

Миликон, вздернув бровь, пристально смотрел на массалиота, потом перевел взгляд на Горгия.

— Четвертый день здесь сидит, — объяснил хозяин, почесывая плешь. — Привез товар, но все выжидает чего-то. Проезжих расспрашивает — какие цены в Тартессе, да нет ли там беспорядков. Я ему толкую: в Тартессе беспорядков отродясь не бывало, не то что в других местах, — так ведь не верит. Сомневается... С утра до ночи вино хлещет. Упрямее не выдывал постольца...

— Не верю! — рявкнул массалиот, уронил голову в объедки и сразу захрапел.

— Скажи моим людям, чтоб унесли его во двор, — велел Миликон. — Да прибережи здесь и свету прибавь.

Ужинали вдвоем. Миликон молча обглаживал баранью ногу, косил на Горгия черным пронизательным глазом. Со двора доносились фыркание лошадей, мычание быков, истошные кошачьи вопли. От всего этого, от пьяных слов массалио-

та опять стало Горгию тревожно. Кусок в горло не лез. Хотелось спать.

— Скучно с тобой, грек, — сказал Миликон. — Или о корабле своем думаешь? Не бойся, погрузят все как надо. Эзул смышлен в таких делах. Или не доверяешь ты ему?

— Как не доверять достойному человеку, — уклончиво ответил Горгий.

— Мерзавец он первейшей руки.

— Да я и то заметил...

— Что ты заметил?

— Так ведь... — у Горгия чуть с языка не сорвалось про ремешок, про Падрубала, но тут же он осекся. — Хитер уж очень...

— Без хитрости не проживешь, — наставительно сказал Миликон. — Тем более у нас в Тартессе.

Он замолчал, прислушиваясь к звукам во дворе. Потом опять взглянул на Горгия, сказал:

— Узнал я про твоего пропавшего матроса.

— Где он? — встрепетул Горгий.

— Люди Павлидия схватили его на базаре. Литеннон пытался у него, не встретился ли ты в Столбах с карфагенянами. Ведь ты соврал Литеннону, что прошел Столбы безлунной ночью. Луна-то была, вот и заподозрил тебя Литеннон.

Ах, проклятые, с ужасом подумал Горгий. Стараясь не выдать тревогу, спросил:

— А что говорил мой матрос?

— При пытке не был, не знаю. — Миликон усмехнулся. — А теперь и спросить не у кого: Литеннон, ты сам видел, череп раскроили. Само собой — случайно... Твой матрос теперь на рудниках. Придется отплыть без него: с рудников не возвращаются.

Он поднялся, вышел во двор. Постоял, глядя на дорогу, скудно освещенную ущербной луной, тихо поговорил с начальником своей стражи. Потом вернулся в комнату, где для него приготовили ложе. У дверей уселись, зевая, телохранили.

Горгию было велено ложиться спать в углу двора. Он растянулся на охалке свежежскошенного сена, закинул руки за голову. Прямо над ним стояло созвездие Арктос¹. Значит, восток вон в той стороне... за стеной, сложенной из нетесаных камней... Где-то там, за морем, — Фокее. Тоже спит под луной. Только там, должно быть, уже под утро...

Шальная мысль пришла ему в голову: стена невысока, перемахнуть через нее и пуститься наутек... подальше от этих проклятых богом опасных мест, от Миликоновых хитросплетений. Долиной Бетиса подняться вверх, потом — горными тропами — на восток, к Майнаке... Мешочек с деньгами при нем, кинжал тоже... Но уже плыли перед мысленным взором недоумевающие лица кормчего Неокла, Диомеда, матросов... купца Крития... Нет, не убежать. Одной веревочкой связала его с ними судьба...

Звякнуло оружие. Рядом присел на сено один из Миликоновых стражников. Шумно поскреб грудь, ругнулся вполголоса.

Ну вот, теперь и захочешь, а не уйдешь...

Среди ночи проснулся Горгий от неистового шума. Топот тяжелообутых ног, крики и ругань, лязг оружия. Рядом с хриплым стоном рухнул человек. Горгий быстро отполз в сторону, затаился между возком и стеной. Пытался понять,

¹ Большая Медведица.

что происходит: передрались ли телохранители между собой, или еще какая беда нагрянула?..

Шум драки оборвался внезапно. Во дворе вспыхнули факелы, в их дымном багровом свете Горгий увидел вооруженных людей в желтом.

Стражники Павлидия! Они бродили с факелами по двору, разглядывавая убитых.

— Ну что, нашли грека? — спросил начальник.

— Ищем, блистательный. Здесь должен быть, куда ему деться...

У Горгия застучало в висках. Он прижался боком к шершавой стене, нащупал за пазухой кинжал.

— Вот он! — донеслось с другого конца двора. — В сено, злодей, закопался.

— Тащи его!

Горгий услышал хриплый испуганный голос:

— Не трогайте меня, я купец из Массалии...

— Да это не тот! Проезжий, что ли... У того, говорили, нос горбатый и одежда чистая.

— Бросьте этого, ищите дальше!

Колблющийся свет факела приблизился.

— Ага, вот он, горбоносый, за повозкой! Гляди-ка, кинжал наставил...

Пахнуло потом и кожей. Два копья уперлись Горгию в грудь. Подошел блистательный, весь в серебряных перевязях и пряжках.

— Отдай кинжал, — велел он, кривя губы в нехорошей улыбке. — Все видели? — Он потряс кинжалом в воздухе. — Этим кинжалом грек и убил светозарного Миликона!

— Ошибка! — закричал Горгий. — Никого я не убивал... Я спал во дворе...

— Стража светозарного Павлидия не ошибается, — прервал его блистательный. — А с карфагенскими лазутчиками у нас разговор короткий. Ведите его!

Понуро побрел Горгий под наставленными копьями со двора. Увидел на миг сумрачный взгляд массалиота. Потом его толкнули в повозку.

Тордул и Павлидий

Дворец Павлидия был открыт только для доверенных людей. Но имелась в нем комната, куда ходу не было никому. Здесь верховный жрец в уединении обдумывал и решал государственные дела.

На возвышении — статуя бога Нетона, перед которой горел жертвенный огонь. На полу — бычьи шкуры. В углу была из стены водяная струя, падала с плеском в маленький водоем. От жертвенного огня вода казалась красной.

Павлидий сидел, откинувшись на подушки, перед низким столом с бронзовыми ножками. Тордул стоял перед ним. Переминался с ноги на ногу, избегал взглядов верховного жреца. Были они непохожи друг на друга, только крупные хищные носы напоминали о родстве. Шека Тордула рассечена, одежда изорвана, левое плечо обмотано окровавленными тряпками.

— Хорош, — тихо сказал Павлидий, отводя от глаза финикийское стеклышко. — Давно тебя не видал... Не прибавили тебе ума морские походы. Да и тот, что был, ветром выдуло.

Тордул молчал. Он весь еще был во власти недавней короткой и бешеной схватки у крепостных ворот. Не мог он понять, почему так получилось: против ожиданий, стражи оказалось не только не меньше, но и куда поболее обычного. И часа не прошло, как его, Тордула, люди были смяты и повязаны. Самого же Тордула прямою приволокли сюда...

— Округлил тебя Миликон вокруг пальца, обманул, как котенка, — продолжал Павлидий. — На что ты рассчитывал, поднимая оружие против тысячелетнего царства? Рассуди сам: может ли малый котенок опрокинуть могучего быка?

— Твой могучий бык еле стоит на ногах, — мрачно ответил Тордул. — Он поражен болезнью.

— А ты уже и в лекари? — Павлидий насмешливо прищурился. — Да будет тебе известно, сынок, что болезнь Тартесса называлась — Миликон. Но сегодня, хвала Нетону, с этой болезнью покончено.

Он встал, подкинул в огонь щепот пахучего порошка. Заговорил другим тоном, почти ласковым:

— Ах ты, простачок. Да разве ты не понимаешь, что был нужен этому мошеннику только для прикрытия?

— Не понимаю, — буркнул Тордул и потер раненое плечо.

— Боли? — сочувственно спросил Павлидий.
— Дергает...
— Дай мне осмотреть рану.
— Не твоя забота! Говори, что хотел сказать. Какое еще прикрытие?

— Изволь. — Павлидий снова уселся, поиграл стеклышком. — Давно уже мне стало известно, что твой Миликон связался с Карфагеном. Уговор у них был: Миликон поможет карфагенянам захватить Тартесс.

— Не может быть! — выкрикнул Тордул. — Зачем ему это?

— А затем, что собирался сесть в Тартессе наместником Карфагена. Постой, да ты, замышляя бунт, не собирался ли властвовать в Тартессе?

— Нет! — отрезал Тордул. — Мне власти не надо. Власть должна принадлежать законному царю — Эхиару.

— Вот как! — Павлидий поджал тонкие губы.

— Да, Эхиару! Вы обманули... вы скрываете от народа, что законным наследником трона был царский сын Эхиар. Аргантоний был верховным жрецом, вот как ты сейчас. Он силой захватил трон Тартесса!

— Даже если это было так, все равно ты поздно хватился: Эхиара уже много десятков лет нет в живых.

— Неправда, он жив! Он томится в рудниках, у него отняли не только трон, но и имя. Он затерялся среди тысяч безымянных рабов, но он жив!

— Кто тебе сказал это? — тихо спросил Павлидий.

— Ну, Миликон сказал...

— Ах, Миликон! — Павлидий усмехнулся. — А ты и поверил, дурачок...

Тут раздался быстрый стук, шел он не со стороны двери, а из-за статуи бога Нетона. Павлидий прошел туда, отворил в стене потайное окошко. Оттуда донесся невнятный голос. Павлидий слушал, приложив к окошку ухо.

— Хорошо, — сказал он, выслушав до конца. — Миликона сегодня вечером похоронить возле храма со всеми почестями. Пошли в город глашатаев, пусть объявят народу, что светозарный Миликон пал от преступной руки предателя-грека, карфагенского лазутчика. Пусть это вызовет всенародный гнев против чужеземцев. Ты все понял? Ну, ступай. Погоди! Когда толпа в священном порыве устремится бить греков, проследи особо, чтобы не пострадали ни корабль, ни груз. Запомнил?

Он вернулся к столу. Встретил растерянный взгляд Тордула, горестно покачал плечевой головой.

— Кругом враги, кругом враги... Иной раз думаю, Тордул: зачем взвалил я на себя столь тяжкое государственное бремя? Удаляться бы в долину Бетиса, пожить на покое... Что с тобой?

Тордул, пошатываясь, подошел к водоему, подставил голову под струю. Павлидий забеспокоился.

— Не упрямясь, Тордул, дай осмотреть рану. Я, как известно, хорошо разбираюсь в ранах.

— Не хочу...

Тордул жадно, взахлеб напился воды, потом тяжело опустился на край водоема, здоровой рукой провел по мокрому лицу. Теперь он сидел, а Павлидий стоял над ним, поджав губы.

— Ты сказал, что я... что я был нужен Миликону как прикрытие. Что это значит?

— Ты, кажется, знаком с купцом Эзулом, — сказал в ответ Павлидий и заходил по комнате. — Вчера вечером он был схвачен и при первой же попытке сознался во всем. Он был у Миликона главным посредником для связи с Карфагеном. Так вот. Фокейский корабль по пути в Тартесс был остановлен в Столбах карфагенянами. Греку велели передать Эзулу тайное письмо. Мои люди сразу заподозрили, что грек подослан карфагенянами. Но по наущению Миликона был убит в драке мой человек, который расследовал это путаное дело. Слушай дальше. Миликон решил использовать фокейский корабль для того, чтобы переправить карфагенянам оружие из черной бронзы. Это ускорило бы их нападение на Тартесс... Чтобы отвлечь внимание моих людей от погрузки, он и велел тебе выступить сегодня. Сам же уехал с греком на охоту. Он знал, что твой бунт обречен на неудачу. Одного он не знал — что этой ночью падет от кинжала грека.

Тордул удрученно молчал.

— Если все это правда... — заговорил он наконец.

— Показания Эзула записаны. Ты можешь их прочесть.

— Если это правда... — повторил Тордул и вдруг, скривившись, ударил себя кулаком по лбу. Он мычал и раскачивался из стороны в сторону, и злые слезы текли по его щекам.

— Ты неосмотрителен и излишне горяч, мой мальчик. Теперь ты сам видишь, что не должен был порывать со мной и доверяться этому негодяю...

Тордул вскинул на отца яростный взгляд.

— Ты только что велел похоронить этого негодяя и изменника с почестями у стен храма!

— Да, это так, — с печальной улыбкой отозвался Павлидий. — Нам постоянно приходится объяснять народу то одно, то другое. Но как ему объяснить, что третье лицо в государстве — изменник и ставленник Карфагена? В глазах народа мы, правители, должны быть непогрешимы, более того — святы. Иначе падут устои и все рассыплется...

— И поэтому вы лжете народу на каждом шагу! — крикнул Тордул.

— Ну, зачем ты так... То, что кажется тебе ложью, на самом деле государственная мудрость.

— Вы все изолгались! По привычке бубните древние заветы, славите Неизменяемость... Ну-ка, припомни, кто был блистательным в старые времена? Храбрый из воинов, вот кто! Он поровну делил со своей дружиной и еду, и добычу. Он был как все, только в бою бился впереди всех. А теперь? Кто, я спрашиваю, теперь блистательный? Толстопузый богачей, обвешанный серебром и пропахший кошками! Да еще напридумывали свержающих, светозарных, — помилуй боги, глазам больно!

— Замолчи, Тордул. — Верховный жрец нахмурился.

— Да еще бесстыжую торговлю открыли — продаете титулы за деньги...

— Замолчи, говорю тебе! — повысил голос Павлидий. — Я никому не позволю...

— Ну так зови своих палачей! Руби мне голову!

Тордул поднялся. Они стояли лицом к лицу, впившись друг в друга гневными взглядами. Потом Павлидий отошел к столу, сел, поиграл стеклышком. Спокойно сказал:

— Не подобает нам горячиться. Не чужие мы люди, Тордул... Я готов забыть твои неразумные выходы. Ты останешься у меня во дворце, у тебя будут еда, питье и одежда, достойные твоего происхождения. Первое время, конечно, придется сидеть во дворце безвылазно.

— Ты очень добр,— насмешливо сказал Тордул.— А что собираешься ты сделать с моими товарищами?

— Пусть это тебя не тревожит. Пролить кровь не в моих правилах. Твоим товарищам придется немножко поработать на рудниках.

— Ну так вот: я буду с ними до конца! Павлидий пожевал губами.

— Послушай, мой мальчик. Постарайся меня понять. Я бы хоть сейчас отпустил их на все четыре стороны. Но, видишь ли, это может вызвать...

— Ни о чем я тебя не прошу. Мы пойдем на рудники все вместе.

— Ты сейчас говоришь в запальчивости. Отдохни день или два, приди в себя, и тогда...

— Я все сказал, отец. Вызывай стражу.

— Одумайся, Тордул.

— Вызывай стражу! И навсегда забудь о нашем родстве!

Некоторое время Павлидий сидел молча, опустив плечи и уставясь в пляшущий огонь. Потом медленно поднялся, подошел к массивной двери, отворил ее и дважды хлопнул в ладоши.

В двадцать девятой толпе

Во сне боги уводят человека, куда хотят. Только что Горгий стоял на высоком корабельном носу и смотрел, как двумя косыми валами убегают, убегают синяя вода от переднего бруса. А проснулся — все та же провонявшая немывимыми телами пещера, куда на ночь сгоняли двадцать девятую толпу.

Чадил факел в медном кольце на стене: в темноте рабов не сосчитаешь, не убережешь. Горгий поднялся, размятая затекшее тело, ненароком толкнул Диомеда, храпевшего рядом на соломе. Матрос вскинулся, заругался спросонок...

Ночная тоска взяла за горло — хоть плачь, хоть головой об стенку бейся. Видать, покинули Горгия боги. А может, просто не достигает их взор дальнего края Ойкумены? Сам же испугался этой мысли. Что ж боги — их мало, а нас вон сколько, за каждым разве усмотришь?..

Ночные разбойники, бешеные псы — вот кто они, правители Тартесса! Где это видано — обвинить человека в убийстве и ни за что, ни про что, без суда, без разбора затолкать на погибельные рудники... Вот и Диомеда так же: схватили на базаре, пытали, пытали, внутренности отбили — и сюда. Разозлились, что ничего он не

рассказал... А вышло, что зря Диомед, горемыка, побои терпел: все равно ведь он, Горгий, оказался на рудниках. Ладно, хоть в одну толпу угодили, встретились...

И еще думал Горгий о том, как не повезло ему: попал в самую середину раздора меж правителей Тартесса. Миликон чем-то там обидел Павлидия, Павлидий велел своим людям убить Миликона. Светозарные дерутся, а простолюдины кровью харкают...

Бежать, бежать отсюда! Лучше подохнуть с голоду в чужих горах, чем здесь, в неволе...

Стражники заколотили в медную доску, закричали:

— Выходи на работу! Во славу царя Аргантония, на работу!

Вставали рабы, потягивались, разминали наболевшие, плохо отдохнувшие мускулы. Зевали, протирали глаза, отхаркивались, по-разному молились богам, перемежая молитвы проклятиями.

Горгий с Дисмедом пожевали припасенные с вечера зеленые веточки — по греческому обычаю, чтобы во рту было свежее. Вышли из пещеры.

Стражники ходили меж рабов, сбивали в полдюжины, чтобы легче было считать. Делали зарубки на счетных палочках, путались, снова и снова начинали пересчитывать двадцать девятую толпу.

Были здесь больше иберы разных племен: илергеты, карпетаны, илеаты. Были и вовсе дикие, обманом увезенные с далеких Касситерид — рослые, светлорылые, раскрашенные синей глиной. Рабы из тартесских горожан держались в этой пестрой толпе особняком.

Внизу, у ручейка, над кострами кипело варево. Богато живут в Тартессиде, рабам — и то варят пищу в медных котлах.

Расселись вокруг котла по полдюжины. Старшие пошли за ложками. Ложки — тоже медные, со знаками двадцать девятой. Чтобы знать, если кто украдет.

Ели молча, не торопясь, хоть и покрикивали стражники. Торопливая еда силы не дает: заглотить по жадности кусок не разжевывая — пропал кусок без толку. Ложками черпали по очереди, макали в варево черствые ячменные лепешки — свежих рабам не давали: не напасешься.

Горгий хоть и был голоден, а ел трудно: от непривычки с души воротило. А Диомед — ничего. Обвыкся. Рядом шумно чавкал здоровенный горец-кантабр, весь с головы до ног густо обросший бурой шерстью. Ложку он, видно, не понимал, черпал из котла горстью, а ладонь у него была как лопата. Прочие едоки недовольно косились, но помалкивали: уж очень был силен и свиреп этот самый кантабр.

День начинался sereneкий. Ключья ночного тумана плыли над ущельем, смешивались с дымом костров.

От соседнего котла подошел молодой раб — нос крючком, глазищи горят, как у лихорадочного, левая рука обмотана тряпьем. Присел на корточки, стал оглядывать едоков. Уже не раз видел Горгия, как этот раб слоняется меж котлов, приглядываясь к людям. А сегодня увидел вблизи — и сразу припомнил: тот самый моряк, что однажды: его, Горгия, в портовом кабаке угощал дикарским пивом с Касситерид. Торгул... нет, Тордул — вот как его зовут...

Подбежал стражник, заругался на Тордула — мол, не путай, собака, счета, давай в свою полдюжину. Тордул поднялся, резанул стражника ненавидящим взглядом. Тот озлился.

— Как смотришь?! — заорал. — Глаза вылупил, падаль! Давай на место!

У Тордула запрыгали губы от ярости.

— Сам ты падал! — выкрикнул в ответ.

Звяканье ложек и чавканье стихло. Такого на рудниках еще не слыхивали. Стражник ошалело уставился на строптивого раба. Потом размахнулся, с силой ударил обидчика тупым концом копыя. Удар пришелся по левому плечу. Тордул взвыл, покатился по земле. На тряпке, обмотанной вокруг его руки, расплывалось темное пятно. Горгий присел над скорчившимся Тордулом, стал осторожно разматывать тряпку.

— Душегубы, — пробормотал он и добавил на ломаном тартесском: — У человека больная рука, а ты бьешь...

— У человека? — с издевкой переспросил стражник. — Вот я покажу тебе человека!

Он закричал, замахап руками, сзывая других стражников. Тем временем Горгий, быстро осмотрев старую колотую рану Тордула, туго стянул над ней руку ремешком, чтобы унять кровотечение, потом вытащил из-за пазухи кожаный мешочек с мазью, с которым никогда не расставался. Он услышал над собой грубые голоса, ругань, но не поднял головы, торопливо втирал мазь в рану. Кто-то схватил его за шиворот, рывком поднял на ноги. Горгий увидел злые бородатые лица стражников — сбежалось их сюда около десятка.

— Ты тут говорил про человека? — спросил старший стражник, недобро усмехаясь и обдавая Горгия сложным запахом вина и бараньего сала.

— Ну, я...

Старший умело ударил его ногой в живот.

— Запомни: во-ню-чий раб, вот кто ты. Ну-ка, повтори!

— Я не раб, — прохрипел Горгий, разгибаясь. — Я ни в чем не провинился.

Диомед проворно встал между ним и стражником и принял следующий удар на себя.

— Э, да тут бунт! — взревел старший. — Взять их!

— Что за шум? — раздался вдруг властный голос. — Па-чему задержка у котла?

Стражники вытянулись при виде подхолившего начальства. Это был сам Индибил, начальник всех рудников, низенький, толстый, с круглым, не лишенным приятности лицом. Серебра на нем было в меру, в руке он держал витой бич с серебряной рукояткой. Его сопровождала личная стража, угрожающе колыхались гребни на их шлемах.

— Блистательный, тут бунтуют рабы... — Стражник стал рассказывать о случившемся.

Индибил не дослушал, коротко махнул бичом, бросил:

— На голубое серебро.

Двинулся было дальше, но тут взгляд его скользнул по Тордулу, который сидел, хрипло дыша, на каменистой земле. Индибил остановился, в раздумье выпятил нижнюю губу.

Горгий воспользовался заминкой.

— Блистательный, дозвошь попросить... Я здесь без вины... Пусть меня поставят перед судом, у меня есть свидетели...

Но Индибил вроде бы и не слышал его слов. Он все смогел на Тордула, и тот, встретив его взгляд, выдавил из себя:

— Что, узнал?

Индибил повернулся к старшему стражнику:

— Ат-меняю голубое серебро. Этого не трогать. За его жизнь ты отвечаешь головой. Понял, борода?

Старший недоуменно кивнул.

— Блистательный... — Горгий повысил голос, но Индибил даже не взглянул на него.

— Живо на работу, — распорядился он и пошел своей дорогой.

И слушать не хотят, со злостью подумал Горгий. Не-ет, правды тут не найдешь...

Он получил пинок ногой в зад.

— А ну, быстрее в колонну! — заорал старший. — Радоваться должен, иноземец, что на голубое серебро не угодил!

Колонна рабов двинулась. Старший потоптался немного над Тордулом, который все сидел, раскачиваясь и придерживая раненую руку здоровой. Потом велел одному из стражников увести Тордула в пещеру: пусть отлеживается, кто его знает, что за птица, может, он родственник блистательному Индибилу.

Тянулись по каменистым тропам нескончаемые потоки рабов. Горгий с Диомедом шли в паре, поглядывая по сторонам. Изрыты здешние невысокие горы, как муравейник. Всюду чернеют дыры рудников, новых и старых, таких, в которых добычи уже нет, только по ночам рабов туда загоняют. Какой только руды нет в этих горах! Позаботились о Тартессе владельцы подземного царства Аид с Персефоной, накопили меди и серебра.

Тянулись в горы скрипучие повозки, запряженные быками: везли пищу для рабов, для стражников. Обрато в Тартесс повозки возвращались груженные слитками, — там, в городе,

искусные руки ремесленников сливали медь с заморским оловом, ковали оружие, делали утварь и украшения.

Видно, не суждено ему, Горгию, исполнить волю Крития, доставить в Фокею оружие. Да и вернется ли он в Фокею вообще?.. Хорошо хоть, Диомеда здесь встретил — все родная душа. Нетерпелив Диомед, одно у него на языке — бежать да бежать. А как убежишь, если стража кругом. Наслышался уж Горгий рассказов о беглых рабах — почти никому не удалось далеко уйти, всех побросали на рудник голубого серебра, откуда, по слухам, и вовсе нет возврата. Там человек в скорости сам помирает непростой смертью. От чего — знают только там...

Вот и Тордул сюда попал. Неосторожные речи вел он тогда в портовом кабаке. За это, может, и попал... Долго ли здесь?..

Как шел Горгий, опустив голову, так и налетел на медшего впереди кантабра. Тот оглянулся, осклабился. Зубы у него страшенные, как у вепря. Силен кантабр, да туп. Посмеиваются над ним втихомолку рабы из городских: будто у них, у кантабров, не мужчины, а бабы всем заправляют. Что ни народ, то свой обычай...

Медленно стягивалась двадцать девятая толпа в темную дыру рудника. В свете факелов разобрали кайлы, рудные ящики, кожаные мешки. Надсмотрщики с криками, с тычками развели рабов по выработкам.

Спустились по веревочной лестнице в круглый колодец, кое-где укрепленный ивовой плетеной. Внизу от ствола в разные стороны шли ходы, а от ходов — ходки поуже, огибавшие рудное тело. В одном из таких ходков разожгли костер, чтобы накалисть забой, чтоб растрескалась от огня

крепкая порода, — хворосту еще с вечера заготовили. Повалил дым, вытягиваясь наружу, — днем все шахты курились. Ело глаза, першило в горле. Кашляли, плевались. Пока раскалялся забой, поплелись в другую, обожженную вчера выработку.

И пошли вгрызаться чернобронзовыми кайлами в породу. Отвалият глыбу, разобьют на куски помельче, потащат ящик с рудой к колодцу.

Так и шли день за днем — от утренней пищи до вечерней, после которой только и мог Горгий, что натереться салом, соскрести с себя грязь и копоть, да повалиться на слежавшуюся солому.

Сегодня Горгию не повезло: велели таскать руду в заспинном кожаном мешке наверх. Уж лучше бить кайлом в забое (можно ведь там разок-другой и не в полную силу ударить), чем мотаться вверх-вниз по веревочной лестнице. Кантабр приволок очередной ящик. Утирался волосатой ручищей, отдыхал, пока Горгий перекидывал куски породы в мешок. Вдруг наклонился, загудел что-то Горгию в ухо. Тот отшатнулся, испуганно посмотрел на заросшее шерстью лицо кантабра: чего нужно этому медведю?

— Я — с тобой — говорить, — сказал кантабр, медленно подбирая слова. — Ночь. Понимать? Ночь.

Горгий кивнул. Вскинул мешок за спину, полез по раскачивающейся лестнице. Его мутило от дыма, от усталости, от безысходности.

Вечером в пещере кантабр подполз к Горгию, вклинился огромным туловищем между ним и Диомедом. Зачесался, заговорил, мешая тартесские слова со своими, непонятными:

— Ты сильный — я сильный — он, — кивнул на Диомеда, — тоже сильный. Еще есть — наши горцы. Понимать?

— Дальше что?

— С работы идти — темно — каждый наш одного стражника быстро-быстро задушить — бежать наверх — горы.

Он замолчал, уставился на Горгия немигающими глазами.

Горгий долго не отвечал, думал. Чувствовал: не только кантабр, но и Диомед жадно ждет ответа.

— Правильно говорит волосатый, — не выдержал Диомед. — Если накинемся разом...

— А дальше что? — хмуро спросил Горгий. — Куда бежать?

— Наши горы, — зашептал кантабр. — Половина луна быстро-быстро ходить — наше племя — много желуды — сыр от коза — много коза у нас. Хорошо!

— Нет, — сказал Горгий. — Нам с тобой не по дороге, кантабр. У нас в Тартессе корабль, люди ждут. Нам туда надо.

— Тартесс! — услышав это слово, кантабр затряс кулачищами, глаза его налились кровью...

Так и не сговорились. А через день Диомед отозвал Горгия в дальний закоулок шахты и возбужденно зашептал:

— Беда, хозяин! Один городской из нашей толпы грузил слитки и со знакомым возчиком говорил. Слух пошел по городу, что греки Миликона убили. Накинулась толпа на наших, и всех, как есть, перебили, в воду побросали...

Горгий тупо уставился на огонь факела, долго молчал. Потом спросил:

— А корабль?

— Корабль они хотели сжечь. Уже огня подложили, да стражники потушили, разогнали всех. Купцу Амбону казна наш корабль продала, вот что. Купцу Амбону.

Несколько дней Горгий ходил сам не свой. Будто потухло у него что-то внутри, будто лишили его боги слова и мысли. Диомед шептался по вечерам с кантабром, пытался и хозяину растолковать подробности замышляемого побега, но Горгий не то чтобы не слушал его, а — не слышал. Уже Диомед не на шутку стал тревожиться. Однажды, повозившись в углу пещеры, выкатился вдруг семенящей походочкой на середину — под рубищем на животе набита солома, глазки прищурены, нижняя губа презрительно выпячена. «Па-чему задержка у котла? — гаркнул на всю пещеру. — Ж-живо на работу!» Рабы испуганно повскакали, услышав знакомый голос. В дыру просунулась голова стражника. Диомед простер к нему руку, заорал: «На голубое серебро!» Стражник юркнул обратно — чуть не помер со страху.

Долго гоготали рабы в пещере, требовали от Диомеда повторить представление. А он все поглядывал в угол, где лежал Горгий. Заметил усмешечку на лице хозяина — и давай дальше выламываться. Только вдруг схватился за грудь, задержался в кашле, с трудом отполз к лежанке. Горгий положил ладонь ему на горячий потный лоб. Диомед затаил, часто дыша.

— Тебе нужно беречь силы, — сказал Горгий.

— А что их беречь, если бежать не хочешь...

Горгий не ответил, но матрос уже и тому был рад, что расшевелил немного хозяина.

А утром, когда шли на рудник, Горгий шепнул Диомеду:

— Послушай... Не дожидаясь меня, беги, если хочешь...

Матрос покачал головой. Горгий пристально посмотрел на его изможденное лицо. Впервые заметил в рыжих всклокоченных волосах Диомеда седые нити.

Как-то поздним вечером, когда пещера хрипела, бредила, вскрикивала в беспокойном сне, Горгий сжал плечо Диомеда, горячо зашептал:

— Теперь нам терять нечего... Говори, что с кантабром порешили?

Побег назначили на один из вечеров, когда только-только зарождалась новая луна.

Колонна устало брела с рудника. Мотались по ветру, разбрызгивая искры, огни факелов. Стражники с копьями на плече шли по бокам колонны. Горгий и Диомед присматривались к «своему» стражнику: был он высок, но узкоплеч, справиться с таким не составило бы труда, если б не были они, греки, изнурены тяжелой работой и голодом. Горгий — еще ничего, держался, а вот Диомед плох, с кровью кашляет, изувечили его люди Павлидия...

Горгий нашарил за пазухой острый камень, прихваченный с рудника. Как подойдет колонна к повороту (там скалы громоздятся у самой дороги) — по крику кантабра враз кинутся они на стражников: греки — на «своего», кантабр, что шел впереди, — на другого, еще два горца-соплеменника — на третьего. Камнями по голове, мечи из ножен, — пока подоспеют прочие стражники, бежать со всех ног наверх, по скалам, бежать и бежать в горнсе бездорожье — а там будь что будет...

Диомед хрипло дышит рядом, пальцы мертвой хваткой вцепились в шершавый камень. Не видно луны за облаками, мотаются факелы на ветру.

Поравнялись с поворотом. Ну вот, сейчас...

Горгий не спускает глаз со стражника, примеривается к прыжку.

Дикий гортанный вскрик... Диомед рванулся из колонны, но тут же рухнул наземь, задыхаясь в приступе кашля. Горгий растерянно склонился над ним. Шум, крики, пляска факелов... Позади двое горцев кинулись на стражника, один сразу напоролся на копье, упал, захрипев, а второй начал было карабкаться по скале, да споткнулся, подбежали стражники, навалились на беднягу... А впереди кантабр мощным ударом свалил «своего» с ног, дикой кошкой метнулся к скалам. Прыжок. Еще... Стражники полезли за ним, ругаясь... Опоздали! Уже издали донесся победный рев кантабра, и эхо повторило его с жуткой силой.

Бегали стражники вдоль остановившейся колонны. Молча, понуро стояли рабы. А Диомед все корчился на земле от кашля. Горгий опустился рядом на колени, приподнял пылающую голову матроса.

Рана у Тордула очистилась, стала заживать. В руднике он теперь не работал: сидел наверху, подсчитывал да на дощечках записывал, сколько ящиков руды выдает в день двадцать девятая толпа. Чистая была у него работа. И стражники не задирали Тордула: кому охота навлекать на себя гнев блистательного Индибила?

Горгий иногда работал наверху — таскал ящики для подсчета. Тордул приветливо ему улыбался, усаживал рядом, заводил разговоры про целебную мазь — из чего, мол, ее делают,

да всякий раз совал греку то пол-лепешки, то кусок сыру. Стражник хмурился, гнал Горгия работать, но — без пинков и зуботычин.

А потом Тордул перевелся в ту пещеру, где жили Горгий с Диомедом. Все ему удавалось, счастливику этакому. Ну, может, и не совсем счастливчик, как-никак тоже в неволе, но чистая работа и сытный харч — тут все равно что счастье.

И где он только добавку к харчу раздобывает? Неужели сам Индибил отваливает ему со своего блистательного стола?

Однажды после работы притащил Тордул целого жареного кролика. Пока греки с жадностью облаживали хрусткие кости, Тордул пригляделся к рисункам на стене.

— Ты рисовал?

— Нет, он. — Горгий киенул на Диомеда. — Не узнаешь? Ваш царь Аргантоний.

Тордул засмеялся, покачал головой: ну и ну!

— А это кто?

— Павлидий, чтоб его кишки собаки по базарной площади растаскали, — с полным ртом ответил Диомед.

Тордул помолчал, потом повернул разговор:

— Слыхали? Того раба, что третьего дня бежал, поймали у реки. Жажда, видно, замучила его, спустился к реке, а там кругом засады. С полдюжины стражников, говорят, он положил на месте, прежде чем его скрутили.

— Что ж с ним теперь будет? — с печалью спросил Горгий.

— Изведает высшее счастье, — Тордул злобно усмехнулся, — будет добывать для царя Аргантония голубое серебро... пока не издохнет.

Знал Горгий, что не полагается в Тартессе допытываться, для чего нужно голубое серебро, но теперь-то ему было все равно.

— Мы, греки, привыкли жить по-простому, — задумчиво сказал Горгий. — Дерево есть дерево, собака есть собака. Всему — свое назначение: людям одно, богам другое. А у вас все не просто... Ума не приложу, что это за голубое серебро, и что из него делают...

— Никто не знает, — резко ответил Тордул, поджав острые колени к подбородку. — Тысячи рабов долбят гору, мрут, как мухи, для того, чтобы отправить в Сокровенную кладовую дватри пирима голубого серебра за месяц. А знаешь, сколько это — пирим? Вот, на кончике ногтя поместится.

— Для какой же все-таки надобности его добывают? — допытывался Горгий. — Делают что-нибудь из него?

— Делают, а как же. Лет сорок копят, потом глядишь — щит сделают. Потом на другой копить начинают.

— А щит для чего? — не унимался Горгий.

— Так завещано предками, сынами Океана... И еще велено, чтобы щит ни на один пирим больше не весил, чем предки завещали. В году один раз, на праздник Нетона, верховный жрец

повесит щит на грудь, покажется людям, а они и радуются, ликуют... Ах, Великое Накопление! Ах, заветы предков!

— Чего ж тут радоваться?

— Велено — и радуются. — Тордул помолчал, потом вскинул на Горгия сердитый взгляд. — Чего ко мне привязался? У вас разве богам не поклоняются?

— Так то — боги, дело понятное. А у вас...

Тордул заворчался, зашуршал соломой.

— Менять надо все в Тартессе, — с силой сказал он. — Законы менять. А первым делом — царя!

— Кого ж ты вместо Аргантония хочешь? — спросил Горгий без особого интереса.

Тордул огляделся. Час был поздний, все в пещере спали. Спал и Диомед, подложив под щеку кулак.

— Аргантоний — незаконный царь. — Тордул понизил голос. — Он заточил истинного царя... Томит его здесь, на рудниках, уже много лет...

Горгию вспомнилось, как Тордул бродит от костра к костру, заглядывая рабам в лица.

— Да ты что, знаешь его в лицо?

— Нет. — Тордул со вздохом откинулся на солому. — Знаю только — зовут его Эхиар. Дряхлый старик он... если только жив...

— Ну, а если даже и жив? — спросил Горгий. — Как ты его опознаешь?

— Есть одна примета, — ответил Тордул.

На Горгия напала зевота. Он улегся, прикрылся гиматием, огорченно подумал, что дыр в нем, гиматии, становится все больше и месяца через два будет нечем прикрыть наготу, а ведь скоро, говорят, начнутся зимние холода... Вспомнилась ему далекая Фокея, каменный дом купца Крития, где была у Горгия своя каморка, вспомнился хитрый мидянин-портной — этот самый гиматий расшил он по подолу меандром, расшил, верно, хорошо, но содрал, мошенник, по крайней мере лишние полмины. До сих пор обидно. Шутка ли — полмины! И Горгий стал прикидывать, чего и сколько можно было бы купить за эти деньги, но тут Тордул зашептал ему в ухо.

— Послушай, я не успокоюсь, пока не найду Эхиара или не узнаю точно, что его нет в живых. Хочешь ты мне помочь?

Только и забот у меня, что подыскивать для Тартесса нового царя, подумал Горгий.

— Чем я могу тебе помочь?

— У меня есть в городе верные люди. В то утро, когда мы штурмовали крепость, они были в море. А теперь вернулись. Я с ними переговариваюсь через одного возчика. Так что не все потеряно. Ты слышишь?

— У Павлидия целое войско, а сколько людей у тебя? Три десятка?

— Ты слишком расчетлив, грек. Видно, тебя не привлекает свобода.

Горгий приподнялся на локте, смерил злым взглядом Тордула, этого наглого мальчишку.

— Убирайся отсюда... щенок!

Тордул вспыхнул. Но, против обыкновения, не полез драться. Твердые губы его разжались, он коротко рассмеялся — «гы-гы-гы» — будто костью подавился.

— Мне нравится твоя злость, грек. Так вот: давай соединим наши две злости. Помоги мне, и ты получишь свободу.

Быстрым шепотом он стал излагать Горгию свой план.

Новое место — новые знакомые

Судя по отметкам Горгия на стене пещеры, был конец пианепсиона¹. О приближении зимы говорили и холодные ветры с гор, и парок от дыхания, и простуженный кашель в пещере.

Однажды промозглым утром, задолго до восхода солнца, двадцать девятой толпу гнали, как обычно, на завтрак. Только расположились вокруг котлов, зябко протягивая руки к огню, как появился главный над стражей в сопровождении Тордула. Стал, уперев кулаки в бока,किनул Тордулу:

— Ну, которые?

Тордул молча указал на Горгия и Диомеда. Главный буркнул что-то старшему стражнику двадцать девятой, и тот велел грекам встать и следовать за главным.

— Чего еще? — заворчал Диомед. — Без еды не пойду.

Главный расправил конский хвост на гребне шлема, великодушно разрешил:

— Ладно, пусть сначала пожрут.

— Как же так, гремющий? — запротестовал старший. — Работать сегодня в двадцать девятой они не будут, стало быть, и харч им не положен.

— Ты что, собачий сын, лучше меня службу знаешь?

— Да нет... — Старший замялся, ковыряя землю острием копья. — Я только к тому, что работать-то они сегодня не будут... значит, и харч...

Главный не удостоил его ответом. Только харкнул и сплюнул старшему под ноги. Тот обернулся к грекам, заорал, выкатывая глаза:

— Чего стоите, ублюдки? Быстрее жрите и убирайтесь!

Путь был не близкий. Шли горными тропами — Горгий и Тордул впереди, за ними тащился, кашляя, Диомед, шестие замыкали два стражника. По дороге Тордул вполголоса рассказал Горгию, что прослышал об одном старике, который работает в рудничной плавильне. Старик-де этот долгие годы плавил черную бронзу, не простой он человек, побаиваются его прочие рабы. Поглядеть надо на старика. Вот он, Тордул, и добился через блистательного Индибила перевода в плавильню — для себя и для греков. Там, говорят, работа полегче, не подземная, и харч лучше.

— Как тебе все удается? — удивился Горгий. — Или он родственник тебе, этот Индибил?

Тордул отмахнулся, не ответил.

Вышли на проезжую дорогу, она и привела в ущелье, где шумела, падая с высоты, горная речка. Большая часть ущелья была огорожена каменным забором грубой кладки. В ограде дымили горны, копошились рабы. К крутому боку горы лепились низенькие строения из дикого серого камня.

Рабу без дела болтаться — начальству острый нож. Не успели вновь прибывшие толком оглядеться, как их уж поставили толочь в каменных ступах куски породы, в которых поблескивали драгоценные камни. Горгий обомлел, не сразу решился ударить пестом: такое богатство в порошок толочь.

¹ Середина ноября (греч.)

Позади раздался дребезжащий голос:

— Что, котенок, задумался? Ложкой в котле, небось, лучше ворочаешь?

Горгий оглянулся на сухонького старичка с козлиной бородкой и отеческой лаской в глазах. Признался:

— Рука не поднимается такое крошить...

— Жалостливый, — нараспев сказал старичок. — За какие грехи сюда угодил?

— Ни за что.

— Все так говорят, котенок. А я вот гляжу на тебя и думаю: с таким носом да с не нашим выговором только здесь тебе и место.

Горгий хотел было ответить как следует, но Диомед опередил его.

— Послушай, борода, — сказал он, — не ты ли о прошлом годе с моей козой путался?

Старичок прищурился на Диомеда. Нехорошо посмотрел, будто сквозь щелку в заборе. Повернулся и пошел, слегка волооча левую ногу.

Поблизости работал мелкотелый раб со скошенным, будто отрубленным ударом меча подбородком. Он покачал кудлатой головой, негромко проговорил:

— Зря ты, рыжий, это... Козел не простит тебе обиды.

— А пусть других не обижает, — огрызнулся Диомед.

— Лучше с ним не ссориться.

— Да кто он такой? — спросил Горгий. — Одежда у него как у раба...

— Раб-то он раб, да не простой. Старший плавильщик... Один у нас тоже вот не угодил ему, так Козел на него порчу напустил. Мается теперь человек от чирьев, прямо помирает...

— Как его имя? — вмешался в разговор Тордул.

— Да кто ж его знает? Кличка у него — Козел. Тут имен нету, одни клички... Меня вот прозвали Полморды. Обидно, а ничего не поделаешь...

— Давно он на рудниках?

— Давно. Из всех, кто здесь, он, может, самый старый.

Тордул ткнул Горгия локтем в бок.

Потянулись дни на новом месте. В плавильне и впрямь работа была полегче. Горгий с Диомедом выучились резать из камня формы для отливки кинжалов, мечей и секир, сверлить в камне дыры под шипы, чтобы половинки ровно одна по другой стояли, чтобы не вытек расплавленный металл. В форму заливали свинец, разнимали половинки, по свинцовому кинжалу смотрели, где надо подправить форму.

Интересно Горгию было смотреть, как здесь плавил бронзу.

В сосуд клали тягучую красную медь, хрупкое белое олово и еще — порошок из толченых драгоценных камней. И так, в пламени углей, в рокоте водопада, в свисте воздушного дутья поспевала, рождалась слава Тартесса — черная бронза.

Потом ее разливали по формам. В ярости огня впитав в себя крепость драгоценного камня, жидкотекучая, превращалась она, застывая, в твердую, звенящую, — я тяжелые темные мечи, в кинжалы, отлитые заодно с раздвоенной рукояткой, что так ловко сидела в ладони.

Жили здешние рабы не в пещере, а в каменном сарае. Вечерами подолгу резались в кости — когда на лепешки, когда на щелчки. Иногда выходил из своего особого закутка Козел.

— Дайте-ка и мне, котеночки, сыграть, — говорил он ласково.

Играли с ним с опаскою, знали: выиграешь у Козла — завтра на дурную работу поставит. Все больше старались проиграть.

Один только раб не принимал участия в вечерних играх — лежал в дальнем углу, прикрывшись ворохом тряпья, и молчал. Так его и звали — Молчун. На работу он ходил не со всеми, что-то делал в сарае на другом конце ущелья. На него-то и напустил, по слухам, порчу Козел — чирьи по всему телу. Ну, а порченого, известное дело, все сторонятся.

Кости да кости каждый вечер... Однажды Диомед начертил на глинобитном полу квадратики, разложил по ним цветные камешки, показал, как надо их в черед передвигать — кто раньше займет своими камешками половину противника, тот и выиграл. Новая игра пришлась по вкусу, особенно охочим до нее оказался Козел. Играл горячо — вскрикивал, хлопал себя по тощим ляжкам, крутил козлиную бородку.

Тордул подсаживался к нему, заговаривал, подсказывал хорошие ходы. Он и днем, на работе, крутился возле старшего плавильщика. И Козел оценил такую преданность: отличал перед всеми Тордула, доверял ему разливать глиняным ковшиком черную бронзу по формам. Работа была завидная, не тяжелая — не то что обтесывать камень.

Счастливым был этот Тордул — всюду устраивался лучше других.

— В тепле работает, у горнов, — ворчал Диомед, тюкая секирой по камню.

Греков Козел к горнам не допускал, каждый день посылал долбить формы для отливок. Диомед заметно слабел, заходилась кашлем, харкал кровью. Горгий мазал его своей мазью, да не помогало.

— Ловкач, — откликнулся Полморды, работавший рядом. — Так и вьется вокруг Козла, слово у него с языка снимает.

— А мы тут мерзнем на ветру...

— Скажи спасибо своим богам, что не бросили тебя на голубое серебро.

Всеведущий Полморды указал секирой на невысокую гору, чуть подернутую туманом:

— Видишь? Там оно, голубое серебро. В горе рабов — без счета. Дневного света никогда не видят. Никто не знает, сколько они там ходов прорубили. Вход туда один — узкая дыра, возле нее стража стоит. Говорят, за сто лет оттуда ни один человек не вышел. Там же и мертвяков своих хоронят.

Горгий поцокал языком. А посмотришь — гора как гора, серая, без единого кустика...

— Какое оно на вид, голубое серебро?

— Раза два видел я щит Нетона, говорили, будто из этого самого серебра. Кто ж его знает, щит как щит... У верховного жреца на шее висел. Это на празднике Нетона. На воле я еще был...

Шаркающие шаги прервали разговор. Мимо, сутулясь, шел Молчун. Сухими жилистыми руками придерживал на груди тряпье, в которое был закутан. Первый раз увидел Горгий его лицо при свете дня. Желтовато-седые космы, грубо подрезанные над бровями, свалывшаяся борода, нос в черных точках, на правой щеке плешина — видно, ожог от всплеска расплавленной бронзы... Ни на кого не взглянул, молча прошел, направляясь к себе в сарай.

— Чокнутый, — равнодушно сказал Полморды.

— Чего он там делает, в сарае? — спросил Горгий, примеряя к шипу только что выдолбленную дыру.

— А кто его знает? Говорят, перемывает порошок, который оттуда приносят. — Полморды кивнул на серую гору. — Бывает, у него в сарае дым идет. Я как-то подкрался, подсмотрел. Темнотища там. А он чего-то бормочет. Может, молитву... От него лучше подальше...

Горгий понимающе кивнул. Знал, что металл любит заклинания.

— И давно этот Молчун здесь сидит?

— Очень даже давно.

В грязном, вонючем сарае каждый вечер одно и то же: пока не догорят факелы — стучат кости, ругаются и спорят игроки. Бывает, и дерутся — у кого сил хватает. Тоска...

Горгий сидел на жесткой соломенной подстилке, тупо смотрел на факельный огонь с дымным хвостом, думал невеселую свою думу.

Подошел Тордул, присел, зашептал оживленно:

— Ну, Горгий, повезло нам. Ставлю корабль олова против дырки в твоих лохмотьях, что этот... старший плавильщик — он и есть Эхиар. По всему чую.

— Козел он самый настоящий, а не... — начал было Диомед, но Тордул змеем на него зашепел:

— Забываешься, пища червей! Как смеешь? — И снова Горгию: — Теперь надо только убедиться, и тогда...

— Как ты убедишься?

— Знаю одну примету... — Тордул огляделся, не слушают ли разговор посторонние уши. — У царей Тартесса слева на груди выжжен особый знак. Понял? Вот бы посмотреть у Коз... у старшего.

— Ну, так стяни с него рубаху и посмотри.

— Спасибо, посоветовал, — насмешливо сказал Тордул. — Да если он в самом деле царь, разве он такое потерпит? Нет, так нельзя.

Диомед приподнялся на лежанке, глаза у него озорно сверкнули.

— А хочешь, сделаю так, что он сам разденется?

— Чего еще выдумал? — Тордул недоверчиво посмотрел на матроса.

Диомед подошел к играющим в камешки. Как раз очередной игрок проиграл Козлу и покорно подставил лоб для щелчков.

— Разреши с тобой сыграть, — сказал Диомед.

Козел смерил его презрительным взглядом, осведомился:

— На что играть будем? На щелчки? Ну, давай. — И, расставляя камешки, добавил, посмеиваясь: — По иноземному лобик у щелкнуть — одно удовольствие.

Диомед играл старательно, но все камешки Козла вторглись на его половину и стали бить Диомедовы один за другим. Козел был в восторге. Хлопал себя по ляжкам, заливался счастливым смехом. Потом любовно расправил рыжие вихры на лбу Диомеда и алепил костлявыми пальцами такой щелчок, что матрос покачнулся. После десятого щелчка лоб Диомеда пылал, как огонь в горне.

— Давай еще одну, — предложил он, тая, со свистом, дыша.

— Ах ты, мой котеночек! — взвизгнул от радости Козел. — Да я всю ночь могу щелкать... пока головушку с плеч долбь!

— Нет, — сказал Диомед, потирая лоб. — Только не на щелчки. Очень сильно бьешь. Давай так: кто проиграет, скинет одежду и трижды крикнет петухом.

— Идет! Только зачем же петухом, баловство это. Кричать: «Слава царю Аргантонию!»

На том и порешили. Вокруг игроков сгрудились рабы, Козел то и дело покрикивал, чтоб свет не загоразивали. Поначалу игра шла ровно, но потом Диомед стал теснить Козла. Камешки его двинулись вперед, бойко перескакивая через камешки противника. Козел, видя урон, нервно зачесал под мышками. Уж кто-то — осторожный — незаметно подергал Диомеда за рваный рукав: не лезь, мол, на рожон, помни, с кем играешь. А Диомеду — хоть бы что: лезет и лезет камешками вперед. Сопит, кашляет, а лезет, невежа этаким. С каждым ходом Козел все больше мрачнел, все больше задумывался. Когда же у него остался последний камешек, он с криканием поднялся, сказал скучным голосом:

— Заигрались мы... Пора и спать.

И шагнул было к своему закутку. Диомед проворно схватил его за полу.

— Э, нет, так не пойдет! А уговор?

Рабы вокруг загалдели. Кто-то за спиной Козла пробасил:

— Что, не хочешь славу царю Аргантонию прокричать?

Козел живо обернулся, да разве найдешь насмешника в толпе? Делать было нечего, уж и воздуху Козел набрал, и рот открыл, чтобы славу кричать, но Диомед опять перебил:

— А про одежду забыл? Скидывай!

Ну что ты будешь делать? Пришлось Козлу позориться. Под гогот рабов скинул одежду, обнажив бледное, худосочное тело со следами расчесов. Прикрыв горстью срам, трижды прокричал дребезжащим голосом славу царю Аргантонию.

Тордул растолкал людей, пробился вперед. Обошел Козла кругом, всего как следует оглядел. Потом сплюнул, кинулся на лежанку, уткнулся лицом в солому.

Горгий тоже вышел из толпы, улегся рядом.

— Что-то не видать тайного знака, — с усмешкой сказал он.

Где-то разжился Диомед куском кожи и прохуdivшейся миской. Повозился с ними вечером, сделал бубен. Хоть неказист и не звонок, а по здешним местам сойдет. Ударяя по натянутой коже пальцами, Диомед завел охальную песню.

Рабы скалили зубы, подсаживались ближе. Вдруг голос у Диомеда сорвался, хриплый кашель вырвался из груди. Полморды вскочил, принес ковшик воды.

— Давай еще, — попросил он, когда Диомед, напившись, унял кашель.

— А жалостное что-нибудь знаешь? — спросил кто-то.

Диомед подумал немного, потом тихонько повел неторопливый сказ о проклятии, лежащем на роде царя Пелопса. Отмеряя ритм бубном, он пел о злодеяниях сыновей Пелопса — Атрея

и Фиеста, о том, как они без устали пытались погубить друг друга и завладеть тронном в Микенах.

Когда Фиест вернулся из изгнания,
Его Атрей на праздничное пиршество,
Как брата брат, позвал приветливо.
А сам Атрей убил детей Фиестовых,
Рассек на части и испек на вертеле,
И брата мясом чад его попотчевал...

Так пел Диомед, и рабы, столпившись вокруг него, слушали мрачную историю о властителях, которые никак не могли ужиться друг с другом.

Горгий оглянулся на шорох в углу. Молчун, против обыкновения, не спал, повернувшись лицом к стене. Он приподнялся на локте и в упор смотрел на Диомеда, рука его под бородой тербила горло, будто удущье на него напало.

— Худо тебе? — спросил Горгий, подойдя к старику. — Может, воды принести?

Из-под косматых седых бровей на Горгия уставились два неподвижных глаза. Молчун издал хриплый звук — то ли сказал что-то, то ли простонал — и отвернулся к стене.

На следующий день Молчун брел, как обычно, сутулясь, к своему сараю. Поравнявшись с Горгием, который долбил долотом желобок в литейной форме, он замедлил шаг. Горгия показало, что старик хочет что-то сказать. Он поднялся с колен, шагнул к Молчуну. Глухим, непривычным к разговору голосом тот спросил:

— То, что вчера пели... правда это?

Работавшие неподалеку Полморды и другие рабы бросили тесать камень, удивленно воззрились на Молчуна: никто из них до сих пор не слышал его голоса.

— Правда, раз песня сложена, — ответил Горгий. — Давнее это дело — лет двести, а то и больше.

— Не так уж давно, — буркнул Молчун и пошел своей дорогой.

Рабы, сгибаясь под каменной тяжестью, потащили готовые формы к плавильным горнам. В глиняных сосудах как раз поспела бронза. Козел осмотрел формы, велел подогреть и установить для литья. Огляделся, поискал глазами помощника своего — Тордула. А тот, словно литье его и не касалось, сидел спиной к горну на камне, ковырял щепочкой в зубах.

— Что же ты, котеночек, — окликнул Козел, — бери скорее ковшик, разливать надо.

Тордул даже не шевельнулся. Козел затербил его за плечо.

— Эй, очнись!

— Пошел вон, — сказал Тордул, поднимаясь. — Надоел ты мне, козел облезлый.

И, не обращая внимания на ругань и суету Козла, вышел из литейного сарая. Козел побежал было вслед, но тут же вернулся к горну: бронза не ждала. Понося Тордула, схватив гребок, сам стал снимать шлак с золотистого расплава, брызжащего искрами. Руки у него тряслись, глаза побелели от ярости.

А закончив разливку, Козел вытер с лица копыт, попил воды и пошел пряником в особое строение из обожженного кирпича, где помещался сам блистательный Индибил. Домик этот стоял на берегу речки, под отвесной скалой у выхода из ущелья. Земля вокруг была расчищена от камней и гладко утоптана. Меж двух столбов висел туго набитый соломой мешок, несколько стражников с криками метали в него копыя — упражня-

лись. Козел с опаской обошел их широким полукругом, поднялся на крыльцо. Стражник у входа скользнул по нему скучающим взглядом, отвел копыя — проходи, мол.

Налево было помещение для стражников. Там они и сидели — ели лепешки, макая в тепленькое баранье село, лениво переругивались, спорили, когда придет срок получать зимнюю обувку. Один, горячась, задирает ногу, совал ее всем по очереди под нос — показывал рваную подошву.

С робостью приблизился Козел к покоям блистательного Индибила. Вначале стража не хотела пускать. Заспорили. Тут из-за двери послышался зычный голос самого Индибила. Велел пустить.

Козел, войдя, почтительно перегнулся пополам. Начальник рудников полулежал на мягкой скамье, задрал круглое лицо к потолку. Раб-искусник горячими щипцами завивал ему бороду. На другой скамье сидел главный над стражей — посмеиваясь, рассказывал начальнику последние тартеские сплетни (видно, ездил в город на побывку).

— Ну, чего тебе? — спросил наконец Индибил, скосив глаза на старшего плавильщика.

Козел пужал начальнику и всей его родне милости богов, после чего перешел к делу. Два дерзких раба сеют смуту в плавильне, они насмеются над ним, старшим плавильщиком. Только что один из них отказался выполнить его повеление и чуть было не загубил плавку. Он, старший плавильщик, сильно опасается, что оба раба просто не желают заслужить когда-либо прощения и упорствуют в сомнениях...

— Понятно, — прервал его Индибил. — Завтра при разводе покажешь их главному, и он отправит их на голубое серебро. Теперь вот что. Почему у тебя благородных камней расходуется больше положенного?

— Блистательный, клянусь Бы... клянусь Нетоном, я их добавляю не больше, чем раньше. Если класть меньше, то крепость бронзы...

— Бронза должна быть крепкая, а камни чтобы ас-тавались! Не менее дюжины с каждой плавки. А не то сам угодишь на голубой рудник. Понял? Ну, ступай.

Козел, кланяясь, попятился к двери, но тут Индибил что-то вспомнил.

— Постой-ка, это о каких рабах ты мне говорил?

— Один — грек, рыжий такой, а второй из города, молодой, нахальный... Их недавно сюда перевели...

Индибил досадливо дрыгнул толстенькой ногой.

— Вот что. Голубой рудник от них не убежит. Этот, молодой, как бы сказать, у него ветер в голове... Надо его наставлять добрым примером... Ладно, иди. — Индибил вдруг разозлился: — И не лезь ко мне с пустыми разговорами! Ты тоже убирайся! — крикнул он на раба-цирульника. Сел, поправил пояс, сползший с круглого живота, стал жаловаться на трудную должность: — Другие блистательные живут в свое удовольствие, а я покоя не знаю. Теперь еще с этим, сыночком Павлидия, морока, прислали его на мою голову. Где это видано, чтобы начальник оберегал раба?.. Нет, хватит с меня, уйду я с должности!

Главный над стражей слушал, изображал на лице почтительное внимание, а сам думал: не очень-то ты уйдешь с такой доходной должности...

Одних камней благородных, должно, десять мешков набил...

Видно, блистательный подметил у главного в глазах нехорошую мысль, еще пуще разъярился, велел идти проверять посты.

В тот вечер Козел не вышел из своего закутка играть в камешки. Мрачный, оскорбленный, сидел у себя, строил планы мести. Никак не мог понять, почему блистательный вдруг заступился за строптивого раба.

Тордул тоже был не в духе. И Диомед не пел сегодня песен — худо ему было. Лежал, хрипло дыша, то и дело хватался рукой за грудь, пытаясь подавить кашель.

Горгий подсел к Молчуну.

— Послушай, старик, ты весь в язвах... У меня осталось немного мази. Это египетский бальзам, он хорошо помогает.

Молчун не пошевелился, не переменял позы. Прошло немало времени, прежде чем он ответил:

— Мне уже никакой бальзам не поможет.
Горгий покачал головой.

— За что ты сидишь здесь?

И опять старик долго молчал. А потом глухо сказал:

— Не все ли равно, где сидеть? Ты можешь быть здесь, и можешь быть в другом месте.

Горгий удивился:

— Как же я могу быть в другом месте, если меня тут заборами и копьями отгородили?

— Все тлен, все прах, — последовал чудной ответ. — И заборы, и человек, и его имя.

— Ну нет! Я пока что не прах... Меня силком тут держат, без всякой вины, понимаешь ты это?

Но старик, должно быть, уже не слышал его. Забормотал непонятное: «Отделить огонь от земли... Больше, еще больше... еще немного...»

Горгий отполз к своей лежанке. Видно, этот Молчун и впрямь чокнутый. То как человек говорит, то боги мутят ему разум. Перед глазами Горгия на закопченной стене красовалось непристойное изображение Павлидия — это Диомед мелом нарисовал. Горгий погрозил изображению кулаком.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ПОЧТАЛЬОН—ТИХИЙ ОКЕАН

Магаданскому клубу интернациональной дружбы «Глобус» исполнилось три года. За это время «глобусята» получили сотни писем, открыток, сувениров от школьников Кубы, Чехословакии, Польши, ГДР, Канады, Индии.

Однажды магаданские пионеры решили доверить свою очередную почту необычному почтальону — Тихому океану. Написали письма, запечатали их в бутылки и пришли на пароход «Генерал Панфилов».

Капитан Л. Н. Дозоров и комсорт О. Д. Курдяев пообещали пионерам, что их просьба будет выполнена: очередную почту «Глобуса» они вручат Тихому океану.

Б. КОРОБЕЙНИКОВ

БУТЫЛОЧНАЯ ПОЧТА

А. УРБАНЧИК

Вероятно, мы никогда не узнаем, кто первый изобрел этот романтический способ связи. И хотя сейчас связисты имеют в своем распоряжении даже искусственные спутники земли и лазеры, бутылочная почта по-прежнему живет и здравствует.

При этом никто из отправителей или получателей не жалуется на несвоевременную доставку. «Время вручения не ограничено», — таков неписаный закон почты Нептуна.

Раньше, когда не существовало радиосвязи, бутылки бывали порой единственным информатором о судьбах пропавших кораблей и их экипажей. Они объясняли причины трагедий, разыгравшихся в открытом океане, разоблачали виновников преступлений.

Немалую роль сыграли бутылки и в океанографических исследованиях, помогая установить направления и скорость морских течений.

Первым мореплавателем, пользовавшимся бутылочной почтой, история океанографии считает Колумба.

Во время обратного рейса из Нового Света в 1493 году, когда разыгрался жесточайший шторм, Колумб бросил в море бутылку с письмом, адресованным королеве Изабелле I. Письмо сообщало об открытии новых земель. Эта бутылка была найдена лишь в 1852 году, недалеко от Гибралтара, экипажем американского ларусника. Колумб же практиковал бутылочную почту с письмами, в которых указывалось время и место, когда и где брошена бутылка. Таким образом, Колумб пытался изучить малоизвестные тогда еще морские течения.

Русский географ и путешественник Отто Е. Коцебу обращался к экипажам парусников с просьбой во время рейсов выбрасывать бутылки через каждые пять градусов широты.

В 1885—1887 годах по инициативе профессора Пушэ было проведено систематическое исследова-

ние течений, в основном яхтой «Ласточка», принадлежавшей князю Монако. Было брошено 1675 бутылок, из них было выловлено 226. Эти исследования дали возможность разработать подробную карту течений Северной Атлантики и Бискайского залива. Подтвердилось, что предметы, брошенные в море на запад от Ламанша, несут течением на юг, и через два месяца они достигают побережья Испании. Если их там не вынесет на берег, то они плывут дальше, минуя мыс Финистер, Португалию, побережье Марокко, и через десять месяцев окажутся у Канарских островов.

Три года нужно им с минуты старта для того, чтобы вместе с экваториальным течением пересечь Атлантику и доплыть до Антильских островов. Там, попав во власть нового течения, они за четыре года добираются снова до европейского побережья, описав, таким образом, большой треугольник.

В 1907—1912 годах многочисленные исследования провели русские океанографы под руководством М. Е. Зденко. В Тихий океан, Охотское и Японское моря было брошено 10.000 бутылок, из которых выловлено 219. Такие же опыты проводились и на Каспийском море.

Почти каждый год нашего столетия отправлялись в путь по всем морям сотни бутылок и поплавков. Сейчас почти все страны используют бутылочную почту для научных целей. Этим занимаются государственные и международные бюро и гидрографические институты. Многочисленные публикации сообщают данные о бутылках, брошенных и выловленных в текущем году.

В Польше в 50-е годы такие опыты проводились по исследованию течений Щецинского залива. Бутылки контролировались во время дрейфа. Оказалось, что их скорость достигает десяти морских миль в сутки.

Другие опыты позволили открыть любопытную закономерность: на западное побережье Европы бутылки выбрасывались течением чаще всего в зимние месяцы, что связано с более сильными ветрами и волнами. Оказывалось также, что исследование течений при помощи бутылки дает ошибочные результаты, если не учитывать воздействие волн. На скорость и направление дрейфа могут влиять также величина и форма бутылки, глубина их погружения и т. д. Это, естественно, снижает научную ценность бутылочной почты. Однако ее продолжают использовать океанографы и особен-

но в тех случаях, когда надо установить движение поверхностных слоев воды. Насколько это бывает важно, свидетельствует следующий случай. В 1950 году в районе Китового залива, куда доходит холодное Бенгальское течение, была замечена массовая гибель рыбы. В чем дело? Оказалось, что изменилось направление главного фарватера этого течения, которое отодвинулось от западного берега Африки. На поверхность вышли глубинные воды, вынесшие вверх планктон. От солнечных лучей вода нагревалась, и планктон погиб, что вызвало и гибель рыб. Все это рассказало бутылочная почта.

Подробные сведения о перемещении поверхностных слоев воды нужны и для выяснения районов загрязнения нефтепродуктами.

Чтобы разобраться, как идет загрязнение, французские океанографы организовали широкую акцию «Миссия на море». Для исследования поверхностных течений Северной и Восточной Атлантики были спущены в океан пластмассовые конверты, содержащие текст на шести языках.

Пластиковые конверты не разбиваются о каменное побережье, они гораздо тоньше, легче бутылок, их скорее можно заметить. Однако их выловлено едва около пятнадцати процентов, то есть примерно столько же, сколько вылавливали бутылок. Куда исчезли остальные конверты? Оказалось, что за ними охотятся чайки и альбатросы. Вылавливают, расклеивают, а порой уносят на сушу. Несколько таких конвертов было обнаружено на довольно большом расстоянии от моря.

...Романтическая бутылочная почта в XX веке нашла себе замену. И не только в виде пластмассовых конвертов. Замена пришла в виде измерительных буев, сложных приборов, которые постоянно информируют по радио о своем действительном положении, могут непрерывно производить замеры температуры, а также определять соленость и прозрачность морской воды. И ас-таки бутылочная почта еще не умерла.

Перевод с польского
В. РУТМИНСКОГО 59

РУКОПИСЬ, МОЛЧАВШАЯ ПОЛВЕКА

БОЛЬШАЯ папка из толстого картона, с прочным коленкорovým кошельком. Толстый, прямо-таки увесистый том, с надписью на лицевой стороне: «Бумагодержатель». Внутри — рукопись, вернее — машинопись. Старая орфография — ять, твердый знак, «аго», «яго»...

Заглавного листа нет, и поэтому неизвестны ее название, автор, где и когда она создана. Первый лист — замызганный, грязный, порванный — с первых же строчек вводит в тему: «Дальний Север — это одна из богатейших, оригинальных, таинственных окраин нашей России и Сибири...» И следующая страница, и третья, и четвертая, и в середине, и в конце рукописи — все тот же Север: Ямал, Обь, песцы, белые медведи, вогулы, остяки — как непривычно для нас названы манси и ханты.

Человек, принесший мне рукопись, тоже ничего более не мог сказать о ней. Разве только уточнил, что попала она к нему от знакомого, работавшего некогда в Уралоблисполкоме, при котором в 1920-х годах находился комитет Уральского Севера.

Пришлось искать ответ в самой рукописи. Много дней просидел я над ее страницами, вчитываясь в строки полувековой давности, отмечая каждый малейший намек автобиографического характера...

Но что же за клад, этот труд безвестного автора! Это, без сомнения, самая обстоятельная монография о русском севере тех лет.

«Полярные области Дальнего Севера», «Народы Дальнего Севера», «Звери и их жизнь», «Рыболовство», «Промыслы населения», «Пути сообщения и транспорт» — таковы названия

объемистых (по 60—70 страниц) глав, дающие понятие о широте замысла автора. Тут же обстоятельно освещены и история края, ископаемые богатства его, климат и многое другое. «Дальний Север» — это, конечно, условно: для тех лет он был действительно дальним. Теперь мы называем его Уральским.

И, что особенно примечательно, написано все это не сухим наукообразным языком, а живым, образным, иногда даже, можно сказать, поэтическим. Наполнено публицистической страстью и взволнованностью увлеченного человека.

Автор, несомненно, близко и основательно знаком с краем, о котором он пишет. Все — первоисточник, все взято непосредственно на месте, из первых рук. Видно, что это человек, для которого изучение Севера было его профессией, основным делом всей жизни. Он не просто описывает то, что видел там за много лет, а и обобщает и анализирует статистические данные, спорит с прочно установившимися, но на деле ложными взглядами, радуется за рациональное широкое освоение Дальнего Севера. Уважительно, с любовью описывает представителей маленьких северных народностей, тех, кого тогда презрительно называли «дикарями», отказывая им в праве на человеческое существование, на то, что они могут когда-то стать «цивилизованными» людьми.

Но кто же, в конце концов, автор этого почти пятисотстраничного труда, так и оставшегося не известным людям?

Внешний обзор рукописи дал мало. Вот разве пометки, поправки и дополнения... Они, несомненно, сделаны рукой авто-

ра: корректор или редактор не позволили бы себе вставлять целые фразы, значительно дополняющие или исправляющие содержание. Почерк поправок — один по всей рукописи: тонкий, изящный, почти бисерный. И чем-то знакомый...

Я снова и снова вчитывался в текст.

«...Мне не забыть никогда, как я однажды, еще в 1883 году, путешествуя по самому хребту Северного Урала...»

Ну, по Северному Уралу в те годы путешествовали многие. Это хотя и зацепка, но слабая. А зачем он шел туда?

«...Проводя геогностические исследования Северного и Полярного Урала в 80-х годах...»

Ага, он геолог! Но...

«...После исследования моего в гидрографическом отношении в 1894 году реки Конды от ее вершины до устья...»

Значит, не геолог, а гидрограф? Или — и то, и другое?

«...Первый проект устройства рельсового пути (для соединения Оби с Печорой) был выдвинут автором этого очерка еще в 1883 году...»

Так кто же он? Уж не известный ли промышленник и предприниматель А. М. Сибиряков, прекрасный знаток этого края и автор многих проектов освоения его, в том числе проектов грунтовых, водных и железнодорожных путей? Но...

«...Но он (проект), к сожалению, был перехвачен обманчивым образом известным деятелем Сибири А. М. Сибиряковым...»

Значит, нет, не Сибиряков. Ну что же, пойдём дальше.

«...Несмотря на то, что я прожил, исследуя этот остров (Новую Землю), три года на нем...»

Ну, зимовщики на Новой Земле до революции было не так-то много, все наперечёт. Уточнить бы — когда? А, вот...

«...Когда я приезжал туда в 1887 году, на этот полярный остров, для исследования... Эта колония (в западном устье пролива Маточкин Шар) была основана мной в 1890 году...»

Итак, был там в годы 1887—1890. Теперь дело лишь за справочной литературой.

Но, может, рукопись подсказет и то, когда она создана?

«...Город Березов, имея всего одну паровую мельницу, и то построенную только в 1918 году...»

Ага, одна засечка есть! А еще?

«...Средний пробег, полученный нами при проезде на пароходе «Храбрый» в 1918 году, дал следующие цифры...»

Значит, писано это в 1918 — 1920-е годы. И едва ли позднее: старой орфографией после уже никто не пользовался. А вернее всего — в 1919 году. Выходит, что автор был жив еще в 1920-е годы.

И наконец:

«...В 1914 году, проходя в бухту Находка на своей яхте «Салетта»...»

Вот оно! Не нужно и спрашивать.

* * *

Ну, конечно же, это Носилов! Это его яхта «Салетта», снимки с которой не раз печатались в разных изданиях, бороздила просторы Карского моря и Обской губы. И в Находке она бывала — не в той, ныне более известной, дальневосточной, а в Обской, что неподалеку от Нового Порта. Яхта — любимица Носилова, названная им так в память об Ямальской речке с звучным ненецким именем «Салетта». Даже у себя на даче под Шадринском, построив для плаванья по Исети прогулочную яхту, он назвал ее именем своей верной спутницы по скитаниям в северных морях.

Итак, Носилов... Когда-то знаменитое имя. Путешественник, писатель-беллетрист и публицист, ученый — геолог, географ, этнограф, энтузиаст исследования Уральского Севера. Человек необычной и беспокойной жизни. Из тех, кого по-хорошему зовут одержимыми...

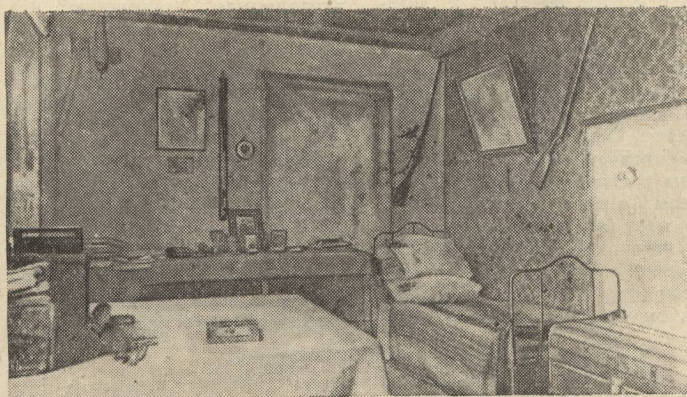
Сын сельского священника из-под Шадринска, отданный в Пермскую духовную семинарию, он не преуспел в богословии и за два года до окончания бросил опостылевшую бурсу. С юношеских лет его сжигала страсть к путешествиям, к изучению дальних стран, к открытиям белых пятен планеты. Нехватает знаний? Не беда — он в одиночку штурмует толстые тома университетских

На месте будущего поселения.

Охота на тюленей.

Мой кабинет на Новой Земле.

Снимки К. Д. Носилова.

учебников, едет налегке в далекий Париж, в Сорбонну, с кафедры которой гремит голос почитаемого им великого географа, объехавшего добрую половину земного шара, — ученого-коммунара Элизе Реклю.

Но главный его учитель — сама Земля. Ветры дальних странствий влекут его в дорогу. Пусть, для начала, это не так уж далекий Верхотурский уезд Пермской губернии и не такие уж глухие и неизведанные коми-пермяцкие верховья Камы — это пока еще проба сил. Затем, почуяв окрепшие крылья, он ринется в нелегкий поход на Северный и Полярный Урал с дерзкой задачей: найти и указать людям путь из Азии в Европу, из Обского бассейна в Печорский — ведь это непереносимое условие пробуждения к жизни заброшенного края. Дело сделано, но оборотистый промышленник Сибиряков опережает молодого исследователя: слава достается ему.

Обидно, конечно, но не беда: в жизни еще много нехоженных троп. Вот хотя бы Новая Земля, можно сказать сама terra incognita, под носом. Три года зимует он там, исследуя архипелаг недалекий вроде, но неизвестный, как луна. Привозит оттуда пухлые тома научных отчетов и кипы тетрадей с наблюдениями, ящики коллекций и — ворох новых проектов наилучшего использования богатств этого хоть и заброшенного клочка русской земли. И впридачу — чехомодан очерков, рассказов, статей.

Вскоре он — известность. Его с охотой печатают и перепечатывают газеты и журналы, издатели ловят его на ходу за полу сюртука, чтобы получить от модного автора новое произведение об экзотическом Севере. Его с интересом читает Чехов и делится впечатлением с самим Львом Николаевичем Толстым, а тот перепечатывает (почти целиком) один из очерков писателя-путешественника в своей книге «Что такое искусство».

А он уже снова в пути — об-

шаривает весь Ямал в поисках кратчайшего прохода из Обдорской губы в Байдарацкую, проплывает искаженную заломами таежную реку Конду — от верховий до устья, барражирует Обь и Иртыш... Обезжизняет Алтай, Крым, Черноморье, Туркмению, Казахстан. Колесит по Турции, Египту, Палестине, Китаю, Корее, Маньчжурии...

Кажется, уже достаточно: впечатлений хватит не на одну-две, а на целых пять жизней, за плечами — десятки тысяч километров троп и дорог, полтора десятка изданных книг, сотни статей, очерков, проектов, докладов, отчетов... Но вечному путешественнику не сидится: даже отдыхая у себя на зауральской даче, он бороздит на паровом ботике «Ямал» мутные воды Исети, стоя на носу суденышка и задумчиво вглядываясь вдаль, будто там, на Ямале, на Новой Земле, в Карском море...

Революцию он встретил молодым — под шестьдесят. Конечно, в очередном плавании по ледовитым морям. И только жестокий тиф, надолго бросивший неумного бродягу на больничную койку, оторвал его на какое-то время от привычного дела и знакомых фарватеров. Однако, едва оправившись, он спешит по вызову молодого советского правительства в Москву, чтобы помочь в работе по изучению и освоению северных окраин страны. Старый путешественник и писатель читает лекции, печатает статьи о Севере, готовится к новым полярным экспедициям. Утверждают, что в 1921 году на заседании в Кремле его слушал Ленин...

Кто знает, что он успел бы сделать еще, если бы тиф и довершивший злое дело нелепый солнечный удар не утомили его навсегда. В 1923 году он умер где-то на юге, тоскливо глядя на висевшую у кровати карту русского Севера.

Вот кто такой был Носилов — таинственный автор неизвестной рукописи.

* * *

Что это рукопись К. Д. Носилова, свидетельствует также и авторская правка на ее страницах: достаточно взглянуть на любой образец его характерного почерка, чтобы безоговорочно определить его сходство с бисерными пометками в рукописи.

Но когда, с какой целью был создан труд? Я спрашивал об этом литературоведов, изучавших жизнь и творчество Носилова, нашел даже родственника и близкого ему человека, — к сожалению, никто из них не был знаком с рукописью. Вы сказано было лишь предположение, что Константин Дмитриевич в последние годы своей жизни, будучи уже больным, попытался свести воедино заготовки своего давно задуманного труда, в котором он предполагал обобщить все свои знания о Севере, собранные почти за полвека.

Мы знаем, что в эти годы Носилов пытался принять посильное участие в освоении северных окраин страны, читал лекции, готовил доклады правительству и т. д. Именно тогда он, вероятно, и приготовил наскоро этот свой труд, как материал, могущий помочь в работе, которую он считал делом всей своей жизни. И, будь тогда рукопись опубликована, она, несомненно, сыграла бы свою большую роль.

Конечно, многое в ней сейчас устарело. Наивными сегодня могут показаться некоторые взгляды и выводы автора. Кое-какие его прогнозы опровергла сама жизнь. Непривычно сейчас звучат для нас старые наименования северных народностей — вогулы, остяки, самоеды. Но можно смело сказать, что многие из его наблюдений представляют интерес и для нового поколения исследователей и осваивателей советского севера.

Ю. КУРОЧКИН

б о б р ы

Из рукописи К. Д. Носилова

Достопримечательность Дальнего Севера, гордость его в зоологическом отношении — это бобр.

Стертый давным-давно с лица земли в Европе, он случайно только остался под восточным склоном Северного Урала и то в незначительном количестве.

Я не могу сказать с уверенностью, что спасло это редкое в наши дни животное. Обширные ли болота Северного Урала, или эта громадная, совершенно необитаемая лесная низменность, недосягаемая из-за постоянной сырости даже страшным пожарам. Или умный, внимательный, жалостливый народ — вогулы¹, которые населяют эту низменность истари и хранят это животное, почти обоготворяя его в своих заповедных вотчинах.

Скорее всего, нам спасли бобра именно все эти счастливые для него условия, когда даже цивилизация Европы и та не могла уберечь его в своих укромных местах в результате их доступности для человека.

Бобр — весьма редкий остаток старого времени, когда человек жил рядом с этим зверем, селился и укрывался так же, как он, от врагов в укромных лесных поселках, когда еще зверь не знал в человеке своего злейшего врага.

В 1883 году, во время путешествия по Северной Сосьве, мне посчастливилось достать шкурку бобра через одного вогула реки Тапсуй, ходившего нарочно по моей просьбе к жилищам бобров на реке Нюр (приток реки Конды). К сожалению, эта единственная шкурка, добытая для музея, была без головы.

Поэтому в 1892 году я предпринял специальную поездку в вершины Конды

с целью достать полный экземпляр бобра, а также собрать о нем сведения на месте. Тем более, что вогулы мне говорили: бобра осталось немного и, быть может, я буду первым и последним натуралистом, на долю которого выпадет счастье описать это редкое животное в его первобытной обстановке.

Отправившись через Екатеринбург, Верхотурье, Пелым, я достиг той же весной, в марте, вершины Конды и поселился в самых северных на ней юртах — Оронтур-пауль, чтобы, как только настанет весна, тронуться далее уже пешком на реки Нюр и Ух, где остались еще бобры.

Это нужно было сделать уже потому, что попытки нашей Академии наук достать уральского бобра в 1877 году окончились не только неудачно, но даже с человеческими жертвами.

Тогда зоолог Поляков, путешествовавший по реке Оби, нанял вогула Федора Алексеева из Ямнельских юрт, как человека бывалого и знающего, где водятся бобры. Как говорили, он был выходцем из кондинского края, проживал где-то на рыбных промыслах реки Оби и являлся в свои юрты только через три года, чтобы внести ясак, поклониться божкам и взглянуть на свою, забытую им уже давно вотчину. Они были очень удивлены миссией Алексеева — достать бобра для Петрограда, «для государя», как он торжественно объявил. И хотя у него имелись бумаги от самого председателя с дозволением охотиться везде, однако местным, оронтурпаульским, вогулам это не особенно понравилось. Они знали Федора за лихого промышленника, которому ничего не стоило начисто выгубить зверя.

Закупив у них пуд ржаной муки, пуд ячменя для щей и немного ситцу для

¹ Так раньше этнографы называли народность манси.

жертвы богам, покровителям звериного промысла, как настоящий богобоязненный вогул, Федор отправился на промысел с сыном Изаном. С тех пор он пропал. Только через год узнали о гибели промышленника, когда в юрты явились понятия с реки Оби, сделали опрос, а потом и лично направились на речку, где Федор должен был убить бобра. Беднягу нашли мертвым в шалаше у обгоревшего, наполовину затянутого в шалаш дерева. Тут же, у стенки шалашика, лежал, видимо умерший ранее его, сын Иван.

Вскрытие обнаружило, что они погибли от голода. Им не хватило двух пудов провизии на время весны, а выход из этих мест был отрезан весенним разливом, который здесь затопляет порою на громадные пространства не только болотистые места, но и леса.

Разумеется, вогулы до настоящего времени убеждены, что Федор был наказан местными божками за плохое почтение к ним, понадеявшись на какие-то бумаги заседателя и на какие-то клочки гнилого ситца, принесенные в жертву идолам, когда нужно было принести им серебро и, по крайней мере, одного хорошего соболя.

Услышав о моем желании достать во что бы то ни стало бобра, они рекомендовали и мне принести такие жертвы, но я ограничился наймом хорошего проводника, да надеждой, что я не погибну там со своим ружьем и припасами, если и придется тоже быть окруженным разливом.

* * *

Пока протаивали тропы, по которым мне с проводником Савелием нужно было отправиться за бобром, я собирал сведения о бобровом промысле. Из них видно, чему подвергалось это животное, чтобы действительно быть стертым с лица земли. Оказывается, промышленников не столько соблазняла шкура бобра, в сущности не особенно драгоценная по своему качеству, хотя и ходкая в старину, сколько «бобровая струя», которая давно уже стала большой ценностью в медицине. Жители дальнего севера очень ценят ее, употребляют не только как лекарство, но и как средство очистить себя от грехов, отправляясь на промысел. Эта бобровая струя, кажется, и добила зверя в здешних таежных местах: недавно еще стоимость ее доходила до пяти рублей

за золотник. Савелий, охотник на бобров, даже хвастался мне, что он однажды взял бобровой струи на 120 рублей.

Лет 15—25 тому назад охотников за бобрами здесь было много, потому что этот промысел считался самым добычливым. Тогда бобры водились даже на озере Оронтур. Их били, разумеется, всевозможнейшими способами, буквально преследуя повсюду: ставили на их тропах капканы и самострелы или просто, обнаружив поселения бобров, били их здесь из луков, когда они покажутся над водной поверхностью, выйдя из своих домиков через подземный ход.

Это преследование и было главной причиной тому, что бобр стал редкостью даже в этих укромных местах и остался лишь вот на таких речках и то в вершинах их, удаленных от человека.

Помню, мы долгих два дня брели с Савелием по какой-то тропе, покачиваясь от тяжелых сумок и пайв, утопая во мхах, переходя речки, мочажины бесконечные и только порою, и то ненадолго, чтобы не онемели ноги, присаживались на пенек перевести дух, вытереть лоб, вздохнуть немного от усталости.

Только к вечеру второго дня пришли мы на берег Соусмы — маленькой лесной дикой речки с низменными берегами, заросшими березовым и хвойным лесом, где и нашли первую бобровую постройку.

Она безжизненно стояла на берегу, уже кем-то полуразрушенная. Недалеко от этого маленького земляного курганика виднелись ямы — следы раскопок бобровых жилищ. Промышленники подкрадывались к постройкам, затыкали выход к воде и выкапывали зверя вместе с детенышами, самым безжалостным образом истребляя все его семейство.

Продвигаясь дальше вдоль речки Нюр, мы уже постоянно встречали следы бобра, который тут, видимо, когда-то жил довольно многочисленным обществом. Но следы не говорили о существовании тут бобра теперь — он уже был разорен человеком.

Только на речке Ух нам более посчастливилось: мы наткнулись на целое жилище бобров в низменной, залитой водою излучине, сплошь поросшей старым березовым лесом.

Мне хорошо было видно с высокого песчаного берега это бобровое селение в виде разбросанных то тут, то там конусообразных хижин, напоминающих изда-

ли лопарские тупы, только маленькие, аршина в полтора-два вышины.

Перебравшись на другую сторону, я с захватывающим дух любопытством пошел по направлению к бобровому поселению.

Вот она, первая хижина — правильно выложенные из обрубков березы стены в виде круга на высоте аршина от земли, прекрасно завершенная над ними конусообразная крыша, старательно умазанная глиною и выглаженная так, чтобы с нее скатывалась вода. Все это устроено таким прочным образом, что ни человеку, ни зверю сразу не разрушить строение. И кругом нет ни следа, ни тропы, так как отнорок жилища выходит прямо в омут.

Вот другая рядом, немного в стороне — такая же тупа бобровая из глины и ила с березою, уже обросшая зеленой травой; вон третья, четвертая, десятая, только разнящиеся друг от друга величиной и высотой. Но, к сожалению, селение это уже давно покинуто бобрами после того, как кто-то нашел его и разорил. По крайней мере мы, как осторожно ни двигались, как зорко ни присматривались к тихим плесам реки, не заметили равно ничего, говорящего о жизни.

Пришлось ограничиться тем, что внимательно осмотреть тупы, осторожно раскрыв крыши. Жилища оказались очень удобно устроенными внутри. Порядочное круглое, с умазанным дном помещение в центре, рядом два-три других, меньших по размеру, служащих спальнею, и из главного помещения торная, глубокая нора в сторону речки. В большем помещении мы всегда находили остатки пищи, тогда как в боковых помещениях ровного ничего не было, и они по своему виду напоминали мягкие норы, где, видимо, отдыхали животные, тогда как общее помещение служило столовой. Мы нашли, что в каждой такой хижине было столько отдельных боковых помещений, сколько членов в семействе.

Одна хижина оказалась даже в два этажа, видимо устроенная на случай наводнения, потому что стояла ниже других и ближе к воде.

Немного выше по этой речке мы нашли с Савелием и место, где бобры заготавливали себе пищу: березовая веселая рощица, выросшая на крутой извилине речки, почти окруженная водою. Вероятно, это обстоятельство и привлекло бобров, потому что по воде можно было

без особенного труда тащить тяжелые березовые поленья.

Березовый мысок имел вид, который остается после дровосеков. Одни деревья были свалены и разделаны, от них остались только пеньки и вершины, другие только повалены.

Осматривая толстые пеньки, до пяти вершков толщиной, я заметил на них следы резцов зверя. Он словно долотом подгрызал дерево с той стороны, на которую оно должно упасть. Затем бобры принимались за разделку. Они аккуратно разделяли его на короткие поленья, сообразно со своими силами, потом тащили его к реке и складывали на плот, сверху которого уже клали более тонкие ветки. По словам Савелия, нагрузивши плот, они отталкивали его от берега и, пользуясь течением, тихо сплавляли до своего запора.

Савелий уверял меня, что он не раз видел, как бобры таскали поленья. Ими обычно управлял старший и более сильный. У бедняг даже спины были вытерты тяжестью — так трудно им доставалась пища.

Пройдя обе речки, мы убили с Савелием только одного бобра, скарауливши его светлой ночью на одном омуте. Это оказался изрядный, в пуд весом, самец, чучело которого ныне хранится в музее Московского университета.

А как оценивают наблюдения К. Д. Носилова современные ученые? Мы показали рукопись доктору биологических наук В. Н. Павлину и попросили его ответить на этот вопрос. Вот что он ответил.

К. Д. Носилов был, пожалуй, первым из европейцев, посетившим колонию бобров в бассейне рек Конды и Сосьвы. Немецкая экспедиция О. Финша и А. Брема, чья книга «Путешествие в Западную Сибирь» была издана в Москве в 1882 году, прошла стороной от этих мест, идя по Иртышу и Оби. Следует заметить, что подробного описания жизни кондо-сосьвинских бобров нет, к сожалению, и сейчас.

Из рукописи К. Д. Носилова видно, что во второй половине XIX века бобр в Зауралье был распространен шире, чем еще совсем недавно. Но в самые последние годы бобра не раз завозили в Свердловскую и соседнюю с нею Тюменскую области, поэтому область его распространения теперь снова расширилась.

К. Д. Носиловым в свое время были проведены большие исследования. Стоит пожалеть, что результаты их своевременно не были опубликованы.

65

В Мурманск из Атлантики большой морозильный траулер «Хабаровск» пришел на рассвете. А часа через два второй штурман этого судна Виктор Александрович Королев уже находился в помещении главпочты. В руках он держал несколько картонных коробок.

Связисты встретили его как старого знакомого.

— Здравствуйте, Виктор Александрович! Снова «море — авиапочтой»? Все по тому же адресу?

— Нет, — ответил Королев, — сегодня уже в два других.

У Виктора Александровича необычная коллекция. Уже много лет он собирает представителей животного мира морей и океанов. Увлечению штурмана помогают

друзья. Все, что попадаете интересно в трал, несут ему. Более трех тысяч различных кораллов, звезд, ежей, омаров, крабов, раков-отшельников, моллюсков собрал он. Только одних мианок у Королева 60 видов.

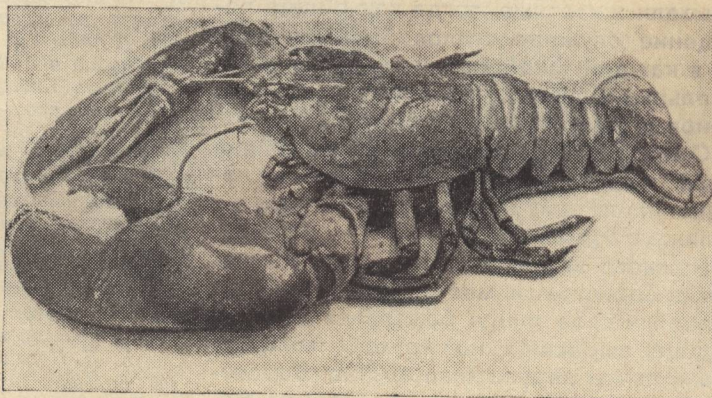
Виктор Александрович несколько ценнейших коллекций морских животных отослал в город Рыльск, Курской области, в школу, где он учился. Теперь у него новый адресат: ребята из рязанского клуба следопытов «Бригантина», с которыми он познакомился во время их летнего путешествия по кольской земле.

Коллекцией Королева пользуются не только любители, но и специалисты-ученые.

В. ЗОРИН

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Фото В. Кононова

ПЕТРОВИЧ

Воспоминания
об А. П. Бондине

С чего начинается знакомство с писателем? Разумеется, с его произведений. Но иногда много значит и просто встреча с «живым» автором. Так, например, было у меня — да и не только у меня — при встречах с Маяковским. Я просто начал его понимать после этих встреч.

Мое знакомство с Алексеем Петровичем Бондиным началось весной 1926 года, когда я приехал в Свердловск. Вначале я жил на квартире у преподавателя рабфака и комвуза Н. В. Клементьева, человека очень близкого к литературе. У него я прочитал рукопись пьесы «Телефонада № 23», премированной на конкурсе издательства «Уралкнига». Фамилия автора — Бондин — мне ничего не говорила. Поразило меня только отличное знание жизни и быта рабочих, язык персонажей, меткий, сочный, подлинно народный язык. Об этом я и сказал Клементьеву, тот усмехнулся.

— Ничего удивительного... Автор — сам рабочий. Слесарь железнодорожного депо станции Нижний Тагил... У него еще есть пьеса.

И он показал мне тоненькую книжку с рисунком на обложке. А. Бондин, «Враги». Прочел и эту. Прочел его рассказы, напечатанные в журнале «Товарищ Терентий» (был в Свердловске журнал с таким странным названием). Рассказы мне понравились больше, чем пьесы. В них чувствовалась широта жизненных наблюдений, глубокая человечность, внимание к простому человеку-труженику.

В 1928 году приехал из Тобольска мой друг и земляк И. С. Панов. Оказывается, с Бондиным он знаком и на мой вопрос о нем ответил безапелляционно:

— Единственный пролетарский писатель на Урале.

Ивану Степановичу можно было верить.

Октябрь 1928. Конференц-зал клуба имени Горького. Первая областная конференция писателей Урала. В президиуме Панов, Гришанин — секретарь обкома партии по пропаганде и рядом — румяный крепыш с орденом боевого Красного Знамени на воинском мундире, Матэ Залка.

Зал полон. Съехались отовсюду: со Среднего Урала, из Челябинска, из Перми, из Сарапула, Тобольска, Тюмени, Ишима — велика была тогда Уральская область. Вижу знакомые лица — Васи Макарова, Сережи Васильева, Саши Исетского, Елены Вечтомовой, Евгении Медяковой, Степана Птицына. Это друзья-«наменовцы». С ними начинал свой литературный путь. «Как многих нет теперь в живых, тогда веселых, молодых»...

Во время перерыва я познакомился с Санниковым (Куштумом), с которым вел переписку в течение года.

Подошел Панов, с ним мужчина лет сорока с лишним и женщина, полная блондинка в пенсне.

— Вот наши делегаты из Нижнего Тагила — Алексей Петрович Бондин и Нина Аркадьевна Попова. Прошу любить и жаловать.

Алексей Петрович сразу произвел на меня впечатление интеллигентного рабочего. Сухощавый, удивительно подвижный для своих лет. Изрезанный морщинами лоб, веселые карие глаза. Кстати сказать, и одет он был лучше других — выутюженный костюм, белоснежный воротничок, галстук. Мы же донашивали красноармейские гимнастерки и на внешний вид мало обращали внимания. Видимо, живы были еще привычки эпохи военного коммунизма.

Панов тут же стал уговаривать Бондина выступить.

— Ты же у нас старейший... Выступи, Петрович.

Тот отшучивался.

— Понимаешь, как выйду на трибуну, так и язык примерзает...

Так и не выступил. Позднее уже я узнал, что неприязнь к официальным выступлениям была у него органической.

Наше знакомство вскоре переросло в крепкую дружбу. Бывая в Свердловске, он никогда не забывал навестить мою семью. Приходил он обычно с Пановым. Рассказчик Петрович был изумительный. Его можно было без конца слушать. Конечно, рассказы большей частью касались охотничьих тем и охотничьих встреч. То он рассказывает, как его друзья из-за поленицы охотились на медведя, то расскажет, как он тащил медвежонка, а за ним гналась медведица, то, как он до полу-смерти напугал кладбищенского сторожа, спрятавшись от дождя в могиле. Иногда он и сам не выдерживал и хохотал. А смех у него был заразительный и смеялся он как-то по-ребячьи — от всей души.

Впоследствии, когда вышел его сборник рассказов «В лесу», я узнал уже знакомые мне сюжеты. А. И. Исетский вынес по этому поводу такое заключение:

— Петрович проверял на нас действие своих рассказов, прежде чем сдать их в печать.

Мне кажется, жизнерадостность, жизнелюбие были отличительными чертами духовного облика Алексея Петровича. Я никогда не видел его в состоянии душевной депрессии. Всегда бодрый, молодой, несмотря на пожилой возраст, он заражал и других бодростью и энергией. Там, где был Бондин, всегда слышалась веселая шутка. Он бы мог рассчитывать на главенствующее положение в литературе Урала, но никогда не претендовал на него.

Знавал я Алексея Петровича и в трудные дни его жизни. Как-то приехал он к нам осунувшийся, похудевший и без голоса, только силел. Врачи признали у него рак гортани. Он понимал, что это равносильно смертному приговору. Всех нас поразило тогда его мужественное отношение к страшному заболеванию. Он не хныкал, не жаловался и, кажется, единственно, чего ему было жаль, — это творческой работы, неосуществленных литературных задумок.

— Жалко, ребята, мало еще сделал...

Иван Степанович Панов был для каждого из нас и партийным руководителем, и лучшим другом. Он выхлопотал Петровичу лечение в Ленинграде, в онкологическом институте.

Лечение было продолжительным. Зато вернулся Алексей Петрович бодрым и жизнерадостным, как прежде.

— Стосковался по Уралу, по нашим пихтам да ельникам.

И снова пошел прокладывать следопытские тропы, накапливать материал для будущих произведений.

Я, можно сказать, был свидетелем литературного пути Бондина как прозаика. Вот в руках моих первый номер нашего первого уральского журнала «Рост». Это декабрь 1930 года. В нем напечатана первая крупная прозаическая вещь Алексея Петровича — повесть «Связчики». Историко-революционная тема: Становление Советской власти в Нижнем Тагиле, эсеровский мятеж в Невьянске, в ликвидации которого принимал участие автор. И, как все у Бондина, повесть согрета дыханием живой жизни, любовью к человеку труда.

А потом одна за другой появились в печати его повести — «Уходящее», «Матвей Коренистов». А. С. Ладейщиков, критик молодой, но строгий, сказал:

— Я прочитал «Матвея Коренистова» и поверил в Бондина как в художника.

Впоследствии Бондин и Андрей Степанович стали друзьями. Ладейщиков пристально следил за его творческим ростом, а рост этот оказался бурным. Много скопилось такого, о чем стоило рассказать.

Большим литературным событием в жизни Урала было появление в печати первой книги «Логов». Сразу ясно стало, что рождается уральская эпопея с широким охватом исторических событий. Здесь и дореволюционный прискоковый Урал, и революция 1905 года, и гражданская война, и социалистическая реконструкция.

Вторая часть «Логов», посвященная гражданской войне, несколько разочаровала читателей. Да и сам Алексей Петрович был недоволен собой.

Как только заходила речь о втором томе «Логов», он говорил с досадой:

— Поторопился... Не так бы надо написать... Сам знаю... Вот только буду посвободнее, обязательно возьмусь за переделку.

Но осуществить замысел ему не удалось, даже третья часть «Логов» осталась незаконченной...

Каждое новое произведение Алексея Петровича было нашим праздником. Мы видели рождение его повести «Моя школа», которую Горький поместил в рекомендательный список книг для юношества рядом с произведениями Л. Толстого, С. Аксакова, И. Вольнова.

Большую роль в том, что Алексей Петрович стал писателем для детей, сыграла К. В. Рождественская, редактор Свердловского книжного издательства. Она, можно сказать, поймала его на слове. Рассказал Алексей Петрович о своем детстве, о том, как он четырнадцатилетним пришел на завод и стал рабочим.

— А вы напишите об этом, Алексей Петрович!

И уговорила. Больше того — вдохновила.

— Ведь у нас почти нет книг о детстве пролетария.

Вот это-то и заставило Петровича засесть за работу вплотную, отложив все, что так требовало своего художественного воплощения. Ведь не раз он посмеивался над собратьями по перу:

— Выдумывают жизнь... Нет, чтобы пойти на завод да посмотреть, да поучиться... Темы ищут, а по темам ходят.

Алексей Петрович неоднократно говаривал: — Я работаю на двух станках. Только за литературным станком труднее.

Однако литература стала поглощать у него все больше и больше времени. Работал он над

третьей частью «Логов», над второй частью повести «Моя школа», над романом «Ольга Ермаева». Задумана была историческая повесть «Братья Салаутины». Поездки на пленумы Правления Союза писателей, в Свердловск — в издательство, на писательские конференции. Все это требовало времени, и наконец Петрович решился — ушел с производства. Впрочем, одной страсти он не изменил — охотничьей и рыбацкой. Природа Урала неудержимо влекла его, и не было лета, когда бы он не путешествовал по родному краю.

Хранятся у меня два фотоснимка. На одном из них Бондин в полном охотничьем снаряжении перебирается через ручей на опушке леса. На втором — он встречается с читателями в городской библиотеке. Слушатели — по преимуществу молодежь. Его встречи с читателями носили всегда дружеский, сердечный характер.

После выхода в свет романа «Лога» имя его стало широко известно за пределами области. Роман был издан в Москве.

В конце 1938 года решили отметить 20-летие его литературной деятельности. Мне поручили сделать доклад о его творчестве. До этого я получил от него несколько писем. В одном из них он писал о начале своего творческого пути.

«Первые мои шаги в литературном творчестве были сделаны еще в начале девятисотых годов. Я тогда был еще неопытным юношей, неподготовленным и, надо сказать, малограмотным в области литературы. Я тогда работал на Сормовском заводе слесарем. Ну, разумеется, как обычно начал со стихов. Но стихи писать я скоро отказался. Я написал несколько стихотворений и два из них, помнится, послал в «Нижегородский лис-

ИЗЪ БУКН ВЪДН

ПОЧЕМУ ЛОШАДЬ НЕ БЕЖАЛО?

МЫ С ВАМИ уже разобрали странности категории грамматического рода и выяснили, почему лошадь бежала, а не бежало¹. Но странностями отличается и категория числа. Правда, она не так загадочна по происхождению, как род, но все же и в ней есть много неясного. Людям всегда приходилось считать, и с первобытных времен до нас дошло различие «один — много». Мы говорим: «Петух

поет», но: «Петухи поют». В нашей речи есть единственное число, которое отличается от множественного. А в древнерусском языке было еще двойственное, оно первоначально обозначало парные предметы: глаза, уши, руки, ноги, бока, рога... С течением времени двойственное число расширило свои границы, стало определять вообще два каких-либо предмета: две горы, два дерева, два месяца. Так, у слова **поле** множественное число было (как и сейчас) — поля, а двойственное — поли, что значило «два поля»; у слова **сестра** множественное сестры, а двойственное — сестрое. Потом двойственное чи-

сло исчезло, оставив лишь некоторые следы в современном русском языке. Когда мы говорим, например, два брата, слово **брата** стоит не в родительном падеже единственного числа, а в именительном двойственного. Окончания этих падежей просто совпали.

Приведем такой пример: два **ряда стульев** (ударение на а) и сравним — с **последнего ряда ничего не видно**. Здесь различие не только в ударении, но и в падеже. В словах два ряда сохранился именительный (или винительный) падеж двойственного числа, а в словах с последнего ряда родительный падеж единственного числа.

Заметим, что мы говорим —

¹ См. «Уральский следопыт» № 1—5.

ток». Через некоторое время получаю маленькую записку из редакции этой газеты. В ней было написано: «Стихи у вас не выходят». Это написал мне А. М. Горький. Он в ту пору работал в этой газете в Нижнем Новгороде. Я очень жалею, что не сохранилась у меня эта записка, в ней было предложено мне больше читать, учиться. Я в ту пору не знал еще Горького, как писателя. В Нижний Новгород с Урала приехал дичком и, к моему счастью, попал в среду культурных сормовских рабочих. Из них были Заломов П. А. — прототип горьковского героя из романа «Мать», Красильников К. С. и ряд других товарищей, которые пробудили во мне классовое сознание, любовь и вкус к литературе. Конечно, я читал много и до этого, но как читал? Например, после Л. Толстого в руки попадал какой-нибудь пошленький роман полубульварного издания Каспари. После Джованьоли «Спартака» — Нат Пинкертон и т. д.

В другом письме по этому же поводу Алексей Петрович сообщал новые подробности о первых своих шагах в литературе.

«Впервые я почувствовал, как по-настоящему звучит слово в книге, когда, будучи уже в Сормове, я прикоснулся к творчеству М. Горького. Прочитал его «Фому Гордеева», а потом «Буревестника». Мне помнится, что я в ту пору стал подражать ему — писать шибко романтические стихи».

И вот в декабре вечер, посвященный Бондину, состоялся. Публики был полон зал. Все говорило о внимании к творчеству любимого писателя. После доклада слово предоставили Алексею Петровичу. Он был очень взволнован. Слезы блеснули у него на глазах, он почти не мог говорить.

— Постараюсь оправдать ваше доверие, товарищи... Постараюсь исправить все недостатки в моих произведениях...

Мне же, как докладчику, пожал руку и сказал:

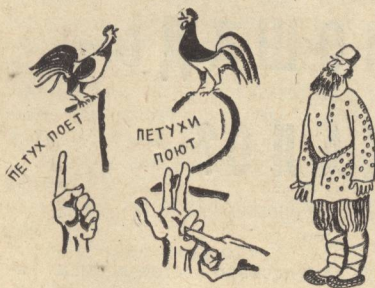
— Мало ругал...

Критика его не баловала вниманием. Обвиняли Петровича в некультурности, в натурализме, в подражании Мамину-Сибиряку. А критик Шубин, преподаватель литературы, не поленился надергать цитат из произведений Горького и Бондина и пришел к выводу, что Бондин переписывает Горького. Тут уж Алексей Петрович не выдержал. Никогда еще я не видал его таким возмущенным.

— Да, — заявил он, — я ученик Горького и горжусь этим. Но я не переписчик Горького. Мне самому есть что сказать, и я говорю, как умею. А что касается сходных сюжетов, так моя жизнь складывалась, как у Горького. То же раннее сиротство, тот же еще в детстве тяжелый труд, скитания по заводам и приискам Урала в поисках работы. А дальше Сормово, Петербург и снова скитания. Сидел и в тюрьме в революцию 1905 года...

Горький был его любимым писателем. И сам он был писателем горьковской школы, притом своеобразным и очень талантливым. На критику справедливую он не обижался и похвалы ему говору не кружили.

Вот что говорил он в одном из писем ко мне: «Хочется на остатке своей жизни еще кой-что сделать хорошее, устранить из произведений прошлого плохое — охорашить их, сделать более совершенными. Плохо только ругали меня, нужно было больше вскрыть недостатков, конкретизировать

два ряда, три ряда, четыре ряда. Это значит, что двойственное число было когда-то «сильным», оно распространялось и на 3, и на 4.

Остатки его можно проследить в таких словах, как **два, две, оба, обе, двусмысленный, двуличный, двусоставный, двоюродный**. Кроме того, они сохранились в некоторых существительных — **очи, уши**, старое множественное число которых не употребляется; оно должно бы звучать **ока,**

ука (как окно — окна, ведро — ведра).

Итак, в древности люди выделяли особое двойственное число. Мышление наших предков было более конкретным, уделялось больше внимания подробностям, отдельным особенностям, а язык давал им особые обозначения.

Интересно, что в языках некоторых отсталых народов (например, туземцев Новой Гвинеи и островов Океании) сохранилось не только двойственное число, но и тройственное, четверное, пятерное, шестерное и даже семерное число! С помощью таких подробных обозначений первобытное человечество закрепляло свои успехи в счете, так оно выделяло предметы по количеству. А в категории рода выделения групп предметов производилось по их качеству. Этим самым закреплялись достижения человеческого сознания, все глубже познававшего мир, его внутренние связи, его порядок.

Теперь о категории време-

ни. В грамматике русского языка имеются три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Они не совпадают с обозначением того времени, которое считается минутами, часами, днями, годами, вернее — не совсем совпадают с нашим календарным временем. Грамматическое время — это время совершения действия по отношению к моменту речи: я рисую (сейчас рисую, когда говорю); я рисовал (рисовал когда-то, до момента говорения); я буду рисовать (начну рисовать когда-нибудь после того, как сказал об этом — через минуту, через месяц, через год). Значит, грамматическое время — отвлеченное время. В нем возможны известные отклонения, «неправильности», отличия от нашего календарного времени, текущего в одну сторону — все вперед и вперед. Например, можно выразить прошедшее время настоящим: «Иду я вчера по улице и вижу — бананы продают». Речь идет явно о прошедшем действии, а выра-

их. Больше хвалили. Но, собственно, от похвал у меня голова не закружится, я не из таких. Когда меня хвалят, то я ниже склоняюсь над своей рукописью, настойчивей отыскиваю ляпсусы, небрежности. Возникает желание перед лицом критики, читателей оправдать доброе отношение ко мне, заботу и внимание. Я думаю, что это есть одна из главных заповедей писателей, которую мы строжайшим образом должны выполнять: чем больше хвалят, тем строже относиться к себе и тем более тогда будешь полезен всему честному, что есть в человечестве. Как хорошо быть хотя маленькой деталью всей движущей силы, которая устремляет нас к светлему, прекрасному. Это, по-моему, единственное счастье, выше которого не существует.

Эти взволнованные строки объясняют, почему Бондин быстро рос и развивался как художник. Мы, знавшие его, помним, как он упорно работал, стремясь «охорошить» свои произведения. От первых рассказов, печатавшихся на страницах журналов «Товарищ Терентий» и «Семафор», до таких эпических полотен, как «Лога», «Моя школа», «Ольга Ермолаева» — дистанция огромного размера.

Это был в полном смысле слова самородок. И не только в литературе. Он любил музыку и хорошо играл на рояле, участвовал в любительских спектаклях и сам режиссировал свою пьесу «Враги», собирал фольклор и до конца жизни не порывал связи с газетой. А рабковское удостоверение берег наравне со своей рабочей книжкой.

Алексей Петрович был коренной уралец, не только по рождению, но и по душевному складу, по житейским интересам, привычкам и традициям.

Когда он вышел на пенсию, Панов стал усиленно уговаривать его переехать в Свердловск. Петрович отшучивался:

— Что у вас в городе делать, и как вы тут живете?... Приезжайте-ка лучше ко мне в Тагил. У меня лодка есть. Поедем рыбачить. Такой ухой накормлю, что пальчики оближете. А леса-то у нас какие! А воздух какой!... Каждое лето брожу по лесу. Не могу без этого жить.

Он даже в местной газете поместил статью под заголовком «За что я люблю Тагил?» Из этой статьи следовало, что Тагил для него является неиссякаемым родником тем и образов. Многие он прямо брал с натуры, и не раз у него возникали конфликты с прототипами его персонажей.

— Матвей Коренистов, — рассказывал он, — это путевой сторож Головских на участке между Азиатской и Гороблагодатской. Макар Скоробогатов в «Логах» — собирательный образ золотопромышленников Селиванова, Шинкаренко, Соболева, скупщика платины Треухова. Ахезин и Суриков выведены под своими фамилиями... У меня с прототипами получилась однажды забавная история. Подрядчик Тамбасов — я его описал в «Уходящем» — грозился подать в суд, прокурору на меня жаловался. А Казимир Казимирович Янковский — герой моего «Переполюха» — написал письмо в редакцию. Обиделся, что я ему «пухлые ручки» представил в рассказе.

Интересовало его историческое прошлое Урала и фольклор. Однажды он мне наизусть продиктовал старинную, довольно длинную песню.

— Скажи, разве это не жемчужина?

Песня в самом деле была хороша.

Друзей-уральцев у него было множество, но

жено оно настоящим временем. Можно выразить прошедшее действие и будущим временем: «А он как прыгнет и закричит: «Ой, я обжегся!» Ну, а будущее, в свою очередь, можно выразить прошедшим: «Ну, я пошел» — в смысле «сейчас пойду». Если взять даже одно какое-нибудь время, например настоящее, то оно может выражать такие оттенки: непосредственное, прямое, настоящее — я вижу трамвай и говорю: «Вот идет трамвай»; действие, которое совершается часто или всегда: «По воскресеньям я гуляю в парке»; «Птицы летают».

Итак, в грамматике время может течь и вперед и назад — из прошлого в будущее, из будущего в прошлое, из настоящего как в прошлое, так и в будущее. Человечество, уходя от календарного времени в отвлеченное грамматическое, поступает с ним по своему желанию. И в этом также сказывается успешная работа человеческого разума.

А что такое падеж? Это осо-

бая форма слова, указывающая на то, что оно зависит от другого слова в предложении: **книга брата, пишу письмо брату, говорю с братом**. Всем известно, что изменение слов по падежам называется склонением. При этом именительный падеж считается «прямым», а все другие — как бы «отклоняющимися» от него, «падающими». Отсюда названия — склонение, падеж. В русском языке шесть падежей, в немецком — только четыре (именительный, родительный, дательный и винительный), в индийском (хинди) — всего два (прямой и косвенный), а в английском и французском их вообще нет. Это может показаться странным. Как же языки, не имеющие падежных окончаний, выражают зависимость одних слов от других? Можно ли вообще языку прожить без склонения? Оказывается, можно. Падежи заменяются предлогами, артиклями или другими вспомогательными словами. Так, если во французском языке **брат будет ле**

фрэр, артикль **ле** указывает, что слово стоит в именительном падеже. А дом брата? **Ла мэзон дю фрэр**. Словечко **дю** заменяет здесь окончание родительного падежа. Предлог **о** заменяет дательный падеж: **о фрэр** — брату, сочетание предлога **пэр** с артиклем **ле** заменяет творительный падеж: **пэр ле фрэр** — братом...

Языки, в которых имеются падежные окончания, называются синтетическими (русский), а языки, заменяющие их словами-помощниками, называются аналитическими (французский). Какие из них лучше? На этот вопрос ответить невозможно. Оба одинаково хороши для выражения мыслей. Каждый хорош для тех, кому он родной. И если случается так, что один какой-либо язык отстал от другого по богатству словаря, то при первой же возможности он стремится ликвидировать эту отсталость, занимая слова у других языков или составляя новые из своего материала.

В. ЖИТНИКОВ.

из своих литературных друзей никого он так не уважал, как Бажова. Сближала их горячая любовь к родному краю. Когда вышли в свет сказы «Малахитовой шкатулки», Алексей Петрович искренне обрадовался.

— Павел Петрович нашел свою золотую жилу, — говорил он.

И Бажов высоко ценил его литературный талант.

Наступил 1939 год. Это был год больших литературных событий. Вышла из печати первым изданием «Малахитовая шкатулка», сборник стихов К. Мурзиди, в «Советском писателе» — роман А. Савчука «Так начиналась жизнь», первое издание моей книги «Певец Урала».

Алексей Петрович заканчивал работу над романом «Ольга Ермолаева». Десять лет трудился он над этой книгой. В первом варианте роман назывался «Лиза Ермолаева». Как обычно, он искал совета своих литературных друзей. Дал прочитать рукопись Панову, Бажову, мне. Надо сказать, что в первом варианте было много недочетов.

Так, например, много внимания уделил Петрович пребыванию своей героини в стенах монастыря. Затем действие переносилось в Германию.

Приехал как-то в Свердловск, зашел ко мне.

— Ну, как? — спрашивает. — Читал?

— Читал.

— Ну и что?

— Скажу, что из монастырского окна много не увидишь. А героиня твоя из монашки сразу превращается в бойца революции... Да и о Германии лучше не писать.

Петрович задумался. Потом улыбнулся добродушно и ответил:

— А ведь, пожалуй, правильно. Из монастырского окна много не увидишь. Об этом же мы и с Бажовым говорили.

Авторитет Павла Петровича был для него непререкаем.

Над «Ольгой Ермолаевой» Бондин работал настойчиво и упорно, как будто предчувствовал, что это его лебединая песня.

Последний раз я встретился с ним неподалеку от Дома печати. Еще издали в глаза бросилась особенная, бондинская, легкая и быстрая походка. Показалось мне, что он похудел. Резче обозначились морщины у рта, но живые карие глаза глядели по-прежнему молодо, по-прежнему в глубине их сверкала веселая искорка.

— Привез «Ольгу»... Сдам — и как гора с плеч свалится. А работы еще много. Не все еще сделал... Слушай сегодня меня по радио!

Вечером я услышал в репродуктор знакомый басок, характерное уральское «о». Петрович просто и сжато рассказывал о себе, о своем жизненном и творческом пути, о том, как Советская власть помогла ему, рабочему, стать писателем. Закончил же он свое выступление взволнованными словами:

— Хочется работать и работать, чувствуя внимание читателей к моим книгам. Хочется оставить после себя хорошее литературное наследство, чтобы будущее поколение помянуло Алексея Бондина добрым словом.

Это было 25 октября, а 8 ноября позвонил Савчук и глухим голосом сообщил:

— Алексей Петрович скончался...

Весь Тагил провожал писателя-рабочего в последний путь.

Много лет прошло с тех пор, но Бондин продолжает жить в своих книгах. Тагильчане — а среди них немало лично знавших Бондина — свято хранят память о нем. Приезжаешь в Тагил, и сколько здесь памятных мест. Вот железнодорожное депо, где работал Петрович, где действует изобретенная им «машинка». От центра спускается к Малой Кушве — здесь улица имени Бондина, школа № 6 носит его имя. Городской парк тоже его имени, там же его могила и памятник над ней из серого уральского гранита. Почти рядом бывшее здание земской тюрьмы, где он в 1906 году сидел за «политику».

А вот и берег пруда. Солнечные зайчики бойко играют на его поверхности, волны шуршат прибрежной галькой, пруд словно дышит. Начало Красноармейской улицы. На доме № 8 мемориальная доска, теперь в этом доме музей имени Бондина. Здесь он писал роман «Лога», «Мою школу», «Ольгу Ермолаеву» и свои чудесные охотничьи рассказы.

Идешь по городу, по улицам, где он хаживал, и кажется, вот-вот встретишь знакомую худощавую и стройную фигуру, с легкой походкой, с лицом в сетке улыбчивых морщинок, с такими удивительно молодыми, веселыми глазами. Подойдет он, как бывало, крепко пожмет руку, хлопнет по плечу и скажет знакомым сипловатым баском:

— Гляди, как улыбается нам Тагил... Растем, брат, растем!

К. БОГОЛЮБОВ

МЮДОЕ

В. БЕКЕТОВ

Он был одинок, этот страшный и свирепый самец. Густое рыбье стадо расступалось под взглядом его единственного глаза. Свои сторонились, как обходят стороной калеку, а чужие отходили на всякий случай подальше от клещающих челюстей с частыми и острыми зубами.

Но ранней весной у Кузнецкого Носа он нашел себе подругу. Самка важно плыла меж камней, а он кружился рядом, нырял под нее, а потом выпрыгивал вверх и описывал в воздухе крутую дугу. Он не подпускал к ней никого: стоило только появиться постороннему, он бурлил воду перед самым носом соперника и пускал в дело могучий хвост. Даже самые крупные самцы держались на расстоянии. Они знали силу его жесткого, загнутого в кольцо клыка.

В Печорской губе началась последняя охота за мелкой рыбешкой.

С сегодняшнего дня до возвращения в море они не возьмут в рот ни одной рыбешки, ни одной травинки. Инстинкт гнал их в верховья горной речки Хальмер-Ю выводить потомство.

Подруга уже насытилась и быстро пошла вперед, в реку. А он еще рыскал за увертливой сельдью и не сразу понял, что случилось. Будто густые водоросли опутали его тело и не пускали вперед. Он уловил густой запах смолы и бензина и рубанул хвостом по цепкой капроновой паутине. Он бился в ярости, а самка стояла рядом и смотрела на него, беспомощного и страшного. Она

подождала немного, потом медленно развернулась вверх по течению и, качнув хвостом, пошла.

А наверху сотрясались полавки, ныряли, всплывали снова, и люди сразу догадались, что попалась крупная семга. Они с трудом подняли рыбку на палубу катера «Ихтиолог». Маленький сморщенный старичок хлопнул по голенищам рукавицами и пропел:

— А батюшки! Никак крестник объявился! Милый ты мой! Где же ты: глаз-то потерял? Эх ты, горе-то какое!

Начальник с интересом уставился на старика.

— Чего ты бровями-то раскидываешь? — крикнул тот и подставил ногу наперерез съезжавшему за борт самцу. — Сбегет ведь! Да не за башку берите. За хвост! У него вся сила в хвосте. Эх ты, горе-то какое!

Схватили за хвост. А старик все равно не унимается.

— Да под жабры. Под жабры бери! У него вся сила в клыке!

Начальник похотывает:

— Не пойму я что-то, дед. То в хвосте, то в клыке. Где же, все-таки, сила-то?

— А вот ты сунь ему руку — тогда узнаешь, ученый-разученый!

Старик присел, втиснул левую руку под жабры и втащил на колени рыбью тушу брюхом кверху.

— Не мешкай. Кольцо скорее! Зальется ведь. Поди, мне ровесник.

Он с трудом просунул кольцо в межжаберную перемычку. На нем был выгравирован номер «5448» и адрес на нескольких языках. Старик внимательно оглядел самца. По обеим сторонам его тела около самого хвоста проходили четкие черные борозды... «Смотри-кось, — думал старик, — выжил страдалец. На вершок бы к переду — и не ушел бы».

— Эх ты, горе-то какое, — вслух произнес он. И в этот момент самец взвился вверх, встал стоймя на хвост во весь полутораметровый рост и рухнул под ноги людей. Он бился об осклизлые палубные доски, метался между лебедками и расшвыривал по сторонам все, что попадалось на его пути. Ихтиологи шарахались, отворачивали лица и ругались:

— Вот тебе и ученый-разученый! Отпустил! Лови тут теперь его!

Обиженный старик растолкал людей, упал поперек на рыбину и вдруг закричал. Люди увидели, как он вырвал из рыбьей пасти окровавленную руку и откатился на середину палубы. А они, виноватые и злые, били самца пинками, пытались загнать его в угол палубы.

— Не бейте вы его! — хрипел старик, зажимая окровавленную руку. — Это он мне, старому псу, острогу припомнил.

Он ухватил самца левой рукой за хвост и поволок к борту.

— Куда ты? — крикнул начальник. — Тащи на весы!

— Не подходи! — Старик занес над водой хвост, подтолкнул самца ногой, и тот тяжело ухнул в реку.

Начальник взял старика за руку, внимательно осмотрел ее и сказал:

— Да-а, дед. В армию теперь тебя не возьмут. Палец-то на ниточке болтается. Аптечку сюда! Мотор заводи! В больницу!

Он сам стал бинтовать старику руку и морщился, притягивая к ладони палец.

— Говоришь, не пришьют? — спрашивал старик.

— Не пришьют, дед. Все размолочено. Как жерновом.

Тогда старик заорал:

— Так чего ты его прикручиваешь?

Вырвал руку, подошел к перилам капитанской рубки, положил на нее окровавленную ладонь, выхватил левой рукой из чехла нож и полоснул им по пальцу.

— У, людоед! — погрозил старик в сторону Печоры.

Начальник подошел к старику и обнял его.

— Не сердись, дед. Смелый ты человек. Теперь давай бинтовать.

Катер полным ходом шел в Нарьян-Мар. Ветер студил мокрые щеки старика и с присвистом вонзал колючие струи в бороду.

— Пойдем ко мне, — позвал начальник.

Они спустились в кубрик. Начальник отпер сейф и достал пузатую бутылку со спиртом. Старик быстро опьянел. Он всхлипывал и приговаривал:

— Острогой, понимаешь, я его. На Черной. А глаз — не я. Другому, видеть, попадался. Крюком зацепил. Крюком, подлец! Точно, крюком. Я все знаю!..

— Ладно, дед. Грехи можно и делом замолить. Старик хрюкнул больной рукой по столу, зарычал:

— А ты не ладь! Винсватого господь завсег-

да найдет. — А потом уже страдальчески: — Куда я теперь, беспальный? Ни сетку поднять, ни зверя добыть...

Начальник пытался успокоить:

— Ничего. Еще девять пальцев осталось.

— Кабы! У меня же вся правая рука теперь не годится. Хоть отрезай. Остальные-то пальцы не гнутся. Летось тросом порвало. Один этот и работал. А теперь инвалид вовсе...

Начальник задумался, потом радостно воскликнул:

— Порядок! Пока на катере покашеваришь, а на зиму я тебе работенку найду. Там как раз одна рука и нужна. А ноги у тебя молодые.

— Ноги... Бегают еще. — Старик довольно постукал ими друг об дружку.

— Вот и хорошо. Будешь рыбу считать, которая в лед вмерзла. Проведем первый научный эксперимент. Так что не унывай.

Старик не слышал последних слов. Он уронил седую голову на бинты и заснул. А начальник достал толстый журнал, записал в нем номер 5448 и в графе «вес» четко вывел: «Людоед».

Напуганный Людоед забился в береговую нишу и отлеживался там долго, пока не вспомнил, что по ту сторону этой предательской паутины уходит его подруга. Он долго ходил вдоль сетей, пока не нашел широкую щель между двумя куклами. Осторожно миновал ловушку и, подгоняемый инстинктом и страхом, с бешеной скоростью пошел вверх по реке.

В несколько дней он прошел Печору и вошел в Щугор. Здесь была чистая, прозрачная вода и в Медвежьей яме он сделал первую остановку. Но подруги там не было. Не нашел он ее и у острова Бадья-ди, и у Голодного переката за Средними Воротами. Над ним проходили плоты, шняги и широкие резиновые лодки. А с ними шум, грохот выстрелов и музыки. И страх снова возвращался к нему, и тогда он забывался в ил и лежал на дне рядом с вонючими сомками. Сквозь мутную воду он видел, как гурьбой ходят за самками семги нахальные хариусы, пожирают икру и исчезают на перекате. Но Людоеду нет до них никакого дела. Эта икра не его самки. Временами инстинкт подсказывал ему: «Заступись. Защити». И тогда он становился страшен. Страхнув с себя сонное оцепенение, он всплывал наверх, подходил к перекату, где резвятся косяки серых хариусов, и начинал расправу. Он рубил их пополам, хлюпая челюстями.

За перекатом Чулья-Кось над самой его головой с шумом промывгнула светлая рыбешка, оцарапала спину чем-то острым. Такого Людоед стерпеть не мог. Он медленно шевельнул широким хвостом, злорадно расправил плавники и издевательски медленно сжал челюсти. Но у рыбки, видно, были колючие плавники. Острыми иглами они вонзились в его пасть, и какая-то сила потащила его вперед.

Браконьер торжествовал. Давненько его лодка не ходила так против течения. «Акула... Кит... Покатай, покатай, сердешный. Покатай. Умаешься». Началась борьба: кто кого.

Эта борьба давняя, тысячелетняя. За эти тысячелетия человек придумал сети и ловушки, крючки и трезубцы, электрический ток и динамит. А рыба оставалась с теми инстинктами, которые были даны ей природой.

Людоед поволок лодку к берегу. Человек наперед знал уже все. Сейчас рыба пойдет к устью водопадного приточка Вельдор-Кырта-Ель

и попытается оборвать блесну. Но для этого у него припасен нехитрый способ: дать жилке немного слабину, семга войдет в устье и тогда выпрыгивай из лодки и волоки тугим потягом, без рывков прямо на берег. Так оно вернее. А там хватай за широкий шершавый хвост и рывком ее, голубушку, на камни.

Он дает слабину и уже заносит ногу, чтобы вскочить на берег, но вдруг с удивлением замечает, что жилка круто разворачивается в другую сторону. Резкий рывок валит его в воду. Он судорожно цепляется за лодку и бросает жилку. Поздно! Жилка, сморщенная в длинную гармошку, медленно плывет по течению. В сердцах он швыряет камни. За долгую браконьерскую практику он установил, в каком месте и как ведет себя рыба. На этот раз его обхитрили. Не пошел Людоед в быстрину притока, а только, освежившись в ледяной воде, вопреки давнему обычаю своих собратьев, повернул обратно.

Людоед теперь шел, не останавливаясь, к Хальмер-Ю, где сам много лет назад впервые увидел мир. Вскоре он достиг водопада и, не раздумывая, прыгнул вверх. Уже с неделю стояла сухая погода, и каменный барьер обнажился на целых два метра, в сушь ни одна рыбина не переходит его. Взлететь на такую высоту мог только Людоед. Он опрокинулся на спину и больно ударился о камень, но быстро пришел в себя и кинулся к яме.

Там, в затишье, за большим подводным валуном стояла его самка. Она терлась брюхом о гальку и выпускала крупные янтарные зерна. Видно, некому было позаботиться о ней, и икринки уплывали золотым пустоцветом. Людоед опоздал. Он пытался спасти хоть последние икринки и обильно поливал их молоками. Закончив свое дело, самка пошла вниз к морю, а он остался среди самцов, которые сторожили свое потомство.

Быстро пришла осень. По реке пошла шуга, и острые льдинки зашаркали по дну, а скоро льдины обложили некогда просторную яму со всех сторон. Яма быстро уменьшалась в размерах. Наверху образовалась большая льдина, и в подводной камере стало темно. Но внизу у переката еще шумел узенький проход, и в него ринулись оставшиеся самцы.

Не ушел только Людоед. Он должен был убедиться в том, что из икринок вывелось его потомство. Он настороженно поглядывал по сторонам, спасая свои драгоценные зернышки от прожорливых хариусов. Хариусы никуда не спешили. Им не нужно идти сквозь заторы в море. Им вольготно и сытно было и здесь. Не икра, так мальки. Еще и лучше. Из голодной их пасти выскальзывают лишь немногие, а через три года, когда мальки окрепнут и превратятся в маленьких

полосатых рыбок, до моря доберутся лишь единицы. И даже эти немногие уже приговорены к гибели. Смерть идет от воды. Уже сейчас во многих реках, даже в Щугоре, вода стала желтой и мутной. Она засорена щепой и топляком. Толстый слой мазута покрывает некогда плодородное дно, мазут затянул водное зеркало масляной пленкой, не пропуская кислород. Рыба в такой воде задыхается и гибнет.

Хариусы придвигались все ближе и ближе к Людоеду, всхлестывая воду перед немногими уцелевшими икринками. Людоед не выдержал, открыл пасть и жамкнул челюстями самого наглого из них. Острый якорек браконьерской блесны, который висел у него на клыке, впился другим жалом в верхнюю челюсть, и рот больше не открывался. Хариусы осмелели еще больше. Людоед иступленно хлестал хвостом, отгоняя врагов. Но те быстро поняли его беспомощность и мгновенно уничтожили все личинки.

Виновато и нехотя побрел Людоед к проходу. Равнодушно находил он узенькие лазейки, разгребал носом еще неспекшуюся шугу и метр за метром преодолевал заторы. На перекате Чукля-Кось его занесло между льдинами. Людоед и не пытался освободиться. Он слишком устал, чтобы сопротивляться, и был слишком истощен. Но вдруг льдины разошлись, как бы приглашая его: «Иди. Это твой последний шанс». И он пошел. А на очередном перекате тонкая проволочка от затонувшего туристского плота попала под номерное кольцо и задержала его, теперь уже навсегда.

...По хрустящей весенней наледи на лыжах шел человек. Он находил вытаявшую семгу и что-то писал левой рукой в маленькую книжечку. Он был весел и доволен собой. Иногда только, когда попадались ему рыбины с серебряными колючками под жабрами, по лицу пробегала легкая тень. У порога Чукля-Кось он зашел в охотничью избушку, обогрелся, оставил записку и пошел дальше, к Уралу. У островка возле длинного переката торчали изо льда бревна. А около них под наледью, почти невидимый, лежал труп рыбы-великана. Тонкий лед обнял рыбину, аккуратно повторив все формы ее тела. Человек сел на рюкзак, выколот изо льда рыбину и долго смотрел на нее. Потом закурил толстую, свернутую на холоду, мягкую и горькую папиросу.

— Вот и встретились мы с тобой в последний раз, — сказал человек.

Человек осторожно снял кольцо и положил в кيسет с махоркой. Потом кряхтя поднялся, горько покачал головой, медленно и тяжело двинулся дальше по реке, а сзади так же медленно и тяжело ползла за ним фиолетовая тень.

И РЫБЫ УЧАТСЯ...

Поведение рыб в пруду, озере или хотя бы в обыкновенном аквариуме только кажется хаотическим, а движения беспорядочными: на самом деле здесь проявляются определенные биологические закономерности, которые интересуют не только зоологов или ихтиологов, но и специалистов многих других наук — физики, химии, кибернетики и бионики.

До недавнего времени сведения о поведении рыб в реках, озерах, прудах были очень скудными. Их получали в основном от рыбаков. Только в последнее десятилетие ученые занялись исследованием этого очень интересного вопроса, решение которого позволит управлять поведением рыб.

Что же особенно привлекает ученых?

Прежде всего, удивительная способность рыб находить тот участок водоема, где они «родились» и выросли, — свой «дом». Некоторые из рыб строго привязаны к определенным участкам озера, реки или ручья. Другие с поразительной точностью, даже ослепленные, возвращаются «домой», ориентируясь, видимо, по запаху. Рыбы, у которых повреждены органы обоняния, не находят дороги.

О том, насколько тонко они чувствуют запахи, говорят такие факты: угорь, например (по данным Тейхмана), воспринимает фенилэтилалкоголь примерно в такой пропорции: один грамм вещества на объем воды, равный Ладожскому озеру. Карась реагирует на некоторые ароматические вещества в такой концентрации: примерно один грамм на сто кубических километров воды.

Эти величины кажутся неправдоподобными и нуждаются в проверке, но поразительная способность рыб воспринимать запахи и находить свой «дом» подтверждается работами и советских, и зарубежных ихтиологов.

Высокая обонятельная чувствительность рыб давно известна рыбакам, которые нередко применяют пахучие приманки. Например, добавляют анисовые капли, ваниль при ловле карпа. Интересно, что рыбы с помощью обоняния не только ищут пищу или находят дорогу в свой район, но и умеют вовремя обнаружить хищника, избежать опасности. Опыты ученого Геца доказали, что гольяны отличают запахи пятнадцати видов рыб. Если в аквариум, где находятся гольяны, добавить немного воды, в которой жил хищник, это послужит сигналом опасности.

Поразительная способность рыб воспринимать запахи, и сами запахи могут служить мощным средством управления поведением рыб. Сейчас уже ученые нашли много различных ароматических веществ, с помощью которых можно отпугивать или привлекать разные виды рыб. Но для этого надо в водоемах самым тщательным образом сохранять чистоту.

Любопытно, что обоняние рыб более приспособлено для ориентации в речных условиях. В стоячей воде прудов, озер и водохранилищ большую роль играет зрение рыб и свет. Так, только благодаря хорошо развитому зрению рыбы-планктофаги питаются и спасаются от врагов. В прозрачной воде небольшие рыбки видят предметы на десятки метров. У рыб хорошо развита зрительная сигнализация (движениями, позами). Стоит одной заметить хищника, как вся стая мгновенно совершает четкий, слаженный маневр, дезориентирующий его.

Многие спиннингисты наблюдали, как иногда за блесной до самого

берега идут окуни, даже не пытаясь ее схватить, и все попытки заставить их сделать это не удаются. Причина тут, очевидно, в том, что они принимают блесну не за лакомую добычу, а за своего «товарища» из стаи.

У стайных рыб с хорошо развитым подражательным инстинктом в течение жизни происходит накопление опыта, который затем перенимают молодые особи. Наблюдения, проведенные ученым А. Николаевым в институте морфологии животных Академии наук СССР, показали, что когда рыб ловили удочкой, у их «товарищей» из стаи постепенно вырабатывался оборонительный рефлекс. Вот чем можно объяснить недоумение незадачливых рыболовов, которые досадуют и никак не могут понять причину того, почему после нескольких удачных забросов клев прекращается. Не встретились ли они с такой «обученной» рыбой?

Перед рыбоведами стоит очень важная и увлекательная задача: овладеть методом обучения молодежи, создать комплекс защитных, ориентировочных и пищевых рефлексов перед тем, как выпускать ее в водоем. Практическая потребность в этом большая — только на одном Таватуйском рыболовном заводе ежегодно выпускается в озера области около 10 миллионов личинок ценных видов рыб: рипуса, сига, гибрида сига с рипусом. Большая часть оказывается неприспособленной и погибает. «Обученные» же мальки смогут избежать опасности и выжить.

Важную роль в жизни рыб играет звук, звуковая сигнализация.

Долгое время подводный мир называли «миром безмолвия». В действительности же нет ни мира безмолвия, ни безмолвных рыб. Они не только издают звуки, имеющие различное сигнальное значение, но и чутко реагируют на них. В то время, как некоторые виды рыб довольно быстро привыкают к шуму, например к моторным лодкам, другие «теряют аппетит», уходят в более тихие участки.

Так, на Урале при освоении водоемов резко падала численность язя. Во многих реках и озерах (например, в Таватуйе) он вообще исчез. Одна из наиболее вероятных причин — усиление шума.

С помощью различных гидроакустических устройств можно будет со временем определять местонахождение тех или иных видов рыб, собирать их вместе, облавливать. Кроме того, используя весь комплекс средств: свет, электрический ток, запахи и звуки, — станет возможным управление всеми сторонами поведения рыб.

Но многое еще предстоит выяснить, впереди сотни экспериментов, исследований и непосредственных наблюдений в природе. И в этом большую помощь могут оказать читатели журнала «Уральский следопыт», ребята — неутомимые исследователи родной природы, рыболовы-любители, спортсмены-подводники.

В мае этого года на озере Таватуй проводилось мечение рыб пластмассовыми метками для того, чтобы определить их численность, распределение, концентрацию. Поэтому просьба к следопытам, взрослым и ребятам: если поймаете меченую рыбу, обязательно взвесьте ее, замерьте ее длину, определите пол, возьмите несколько чешуек с участка, расположенного под основанием спинного плавника. Все данные вместе с чешуей и меткой просим выслать по адресу: город Свердловск, Уральское отделение Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства.

В. МЕДВЕДЕВ

БЕЗ СТРАХА

Кому из вас, читатели, не доводилось слышать порою:

— О, это настоящий рыцарь!..

Или:

— Он по-рыцарски благороден!..

Или, наконец:

— Воистину рыцарь без страха и упрека...

Признайтесь: часто удавалось вам заслужить такую вот похвалу?

А теперь вдумайтесь в эти слова — «рыцарь», «по-рыцарски». Откуда они пришли к нам в двадцатый век?

Ответ напрашивается сам собой: из средневековья.

Каждая эпоха оставляет в сокровищнице человечества драгоценные крупцы опыта, самобытного и неповторимого. Среди таких драгоценных крупц средневековья — рыцарский кодекс чести.

Кодекс возник из наставлений, которые в торжественной обстановке зачитывались юношам, посвящаемым в рыцари.

Вот некоторые из этих заповедей.

Щит рыцарей должен быть прибежищем слабого и угнетенного; мужество рыцарей должно поддерживать всегда и во всем правое дело того, кто к ним обратится.

Да не обижают рыцари никогда и никого и да убоятся более всего злословием оскорблять дружбу, непорочность отсутствующих, скорбящих и бедных.

Жажда прибыли или благодарности, любовь к почестям, гордость и мщение да не руководят их поступками; но да будут они везде и во всем вдохновляемы честью и правдою.

Они не должны вступать в неравный бой, следовательно, не должны идти несколько против одного, и избегать всякого обмана и лжи.

Да не употребят они никогда в дело острия меча на турнирах и на других увеселительных боях.

Да не положат они оружия, пока не окончат предпринятого по обету дела, каково бы оно ни было; да преследуют они его денно и нощно в течение года и одного дня.

И УПРЕКА

Да сохраняют они под своим знаменем порядок и дисциплину между войсками, вверенными их начальству; да не допускают они разорения жатв и виноградников; да наказуется ими строго воин, который убьет курицу вдовы или собаку пастуха, или нанесет малейший вред на земле союзника.

Но постойте: тут что-то явно не так!

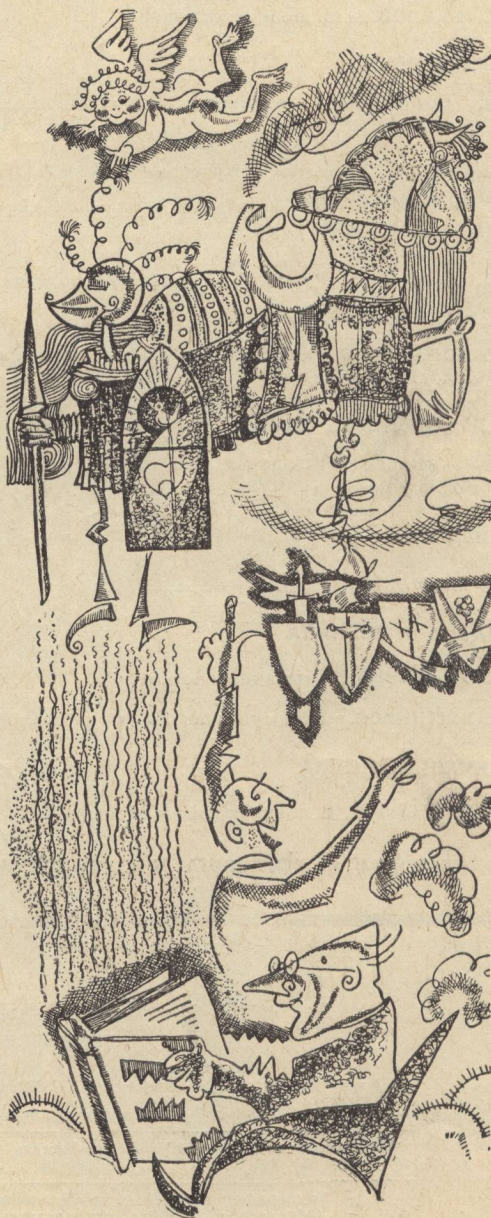
О какой справедливости, о каком правдолюбии, о каком, наконец, бескорыстии рыцарей может идти речь, если с самой эпохой их — средневековьем — в памяти нашей связываются прежде всего события далеко не благовидного характера? Кровавые набеги на соседей. Крестовые походы. Разбой, насилие. Опустошение захваченных земель. Бескультурие, костры инквизиции, дикий религиозный фанатизм...

Да, необходимо уточнение. Рыцарский кодекс чести сформировался на самой заре рыцарства.

В первые века нашей эры племена, населявшие Европу, еще не знали регулярных армий. Все взрослое население бралось за оружие, если вдруг появлялась необходимость дать отпор врагу. А необходимость эта возникала все чаще и чаще: обитателей средней Европы все больше тревожили норманны, арабы, венгры. И вот у франков, германцев, англо-саксов начали постепенно выделяться группы людей, для которых военное ремесло стало основным и они руководствовались в своей практической деятельности теми высокими мотивами, какими проникнуты приведенные выше наставления молодому воину.

И, видимо, настолько велика и живуча была первоначальная символика слова, настолько приятательны были моральные принципы раннего рыцарства, что человечество, без сожаления расставшись с эпохой последних рыцарей — грубых, жадных и совсем уже беспринципных наемников, — восстановило в своей памяти прежние значения «рыцарства». Потому-то и в нашем, двадцатом, веке живут слова «рыцарь», «по-рыцарски»: они служат для нас синонимом человека самоотверженного, благородного, великодушного.

В. ВОРГУБ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- А. СОБОЛЕВ. Ночная радуга. Повесть 1
Е. ВОЙСКУНСКИЙ, И. ЛУКОДЬЯНОВ. Щит Не-
тона. Фантастическая повесть 41
В. БЕКЕТОВ. Людоед. Рассказ 73
Л. РУМЯНЦЕВ. Стихи 15
В. СОРОКИН. Стихи 22

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

- А. КУЗНЕЦОВ. Танк «Беспощадный». Очерк 24
А. ПАВЛОВ. Семь дней, семь ночей. 29

КРАЕВЕДЕНИЕ

- Ю. СОЛОВЬЕВ. Тагильская малахитница.
Очерк 34
И. БАРСОВ. Открытие автографа. 37
Т. ПАЛИМПСЖЕСТОВА. «Тупой угол» или «Де-
вать знамен»? 38
Ю. КУРОЧКИН. Рукопись, молчавшая полвека. 60
К. НОСИЛОВ. Бобры 63
К. БОГОЛЮБОВ. Петрович. Воспоминания
о А. П. Бондине 67

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

- Мы — «Красная гвоздика». На приз наше-
го журнала 17

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ 21, 58, 66

- В. МЕДВЕДЕВ. И рыбы учатся 76

НАУКА И ТЕХНИКА

- А. УРБАНЧИК. Бутылочная почта. 58
В. ЖИТНИКОВ. Почему лошадь не бежала? 69

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Р. ГРИГОРЬЕВ. В поисках своей весны 32

ОБЛОЖКА В. ВОЛОВИЧА И С. КИПРИНА

С м е к а й - к а !

НЕ ВЕРЬ СВОИМ ГЛАЗАМ

К нам в редакцию пришел филателист-шут-
ник и, загадочно улыбаясь, предложил читателям
журнала небольшую коллекцию марок и следу-
ющие вопросы:

Чьи портреты помещены на первом рисунке
и на фоне какого памятника они расположены?
На фоне какой марки оказался портрет Сер-
гея Есенина?

Какое отношение имеет пейзаж на почтовом
знаке № 4 к художнику Саврасову, изображен-
ному на марке № 3?

Не слишком ли большая цена — 1000 руб-
лей — напечатана на фрагменте этого почтового
знака?

На какой советской марке помещена
скульптура «Материнство»?

Чему посвящена марка № 7 и все ли тут в
порядке?

Что можно сказать о почтовом знаке № 8, в
чем тут дело?

Что за здание на марке № 9, нет ли тут пу-
таницы?

Из фрагментов каких марок составлена мар-
ка № 10?

Какой детали не хватает на почтовом знаке
№ 11?

Из какой серии марка № 12, все ли в ней
соответствует оригиналу?

Что за корабль изображен на фрагменте
№ 13?

На рисунке № 14 соединены две части ма-
рок — что это за марки?

Какое отношение имеют тракторы, идущие
по полю, ко Дню авиации?

На своей ли марке «катается» эта пара фигу-
ристов?

Какие изменения есть на марке № 17?

ОТВЕТ НА ЗАГАДКУ В № 5.
Отпечатки сделаны: А-1, Б-3.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова. Корректор В. Бурангулова.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.

Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 14/V 1968 г. Бумага 84×108/16 = 2,62 бум. л. — 8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,73
НС 13085. Тираж 115 000. Цена 30 коп. Заказ 193.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

1

2

7

8

10

11

13

16

17

5

3

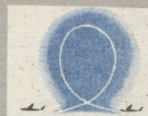
6

9

12

14

15

М. РОГОЖНЕВ. (Тюмень).

СЕЙНЕРЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

**Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ
(зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕО-
НОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНСВ, Л. РУМЯН-
ЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ,
В. ШУСТОВ**